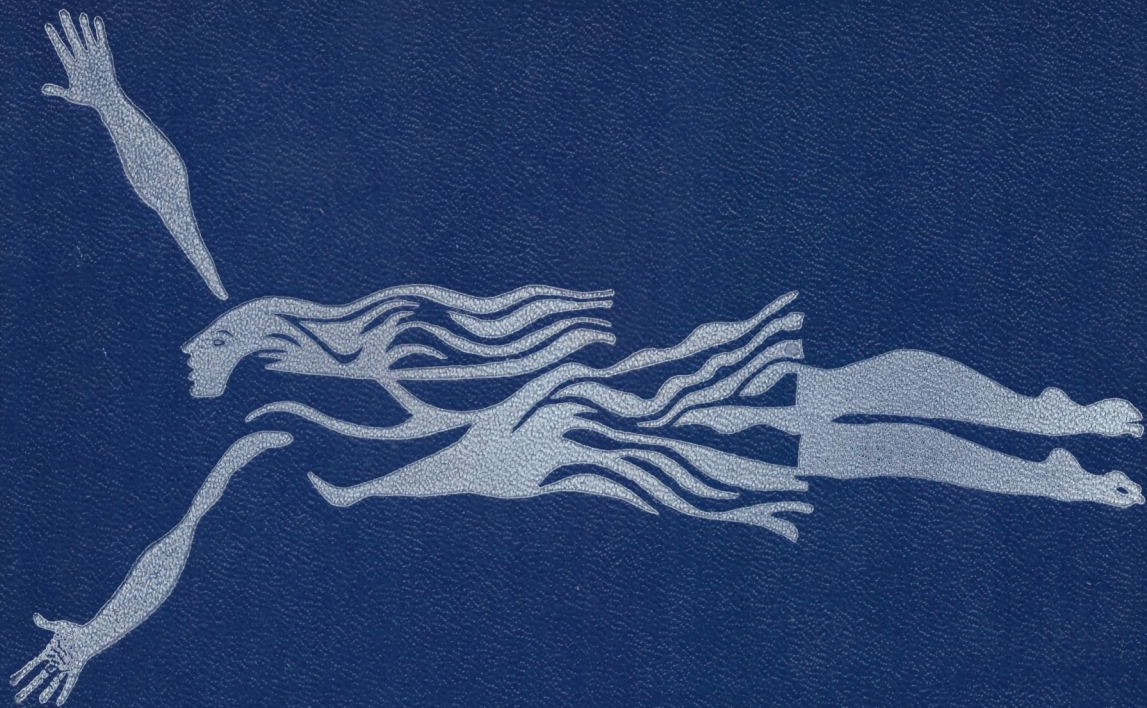

СИНЯЯ ДОРОГА

СИНЯЯ ДОРОГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

РЯН

ДОРОГА

СБОРНИК ФАНТАСТИКИ

Художник
Клим Ли

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

Р 2
С 38

Составитель **Ж а н н а Б Р А У Н**

4801000000—130
С ————— **47—84**
М101(03)—84

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

Евгений Брандис

СЛОВО ФАНТАСТИКЕ

Ни для кого не секрет, что книги с заманчивым грифом «фантастика» пользуются исключительным спросом. Новинки переходят из рук в руки, в библиотеках их выдают по записи. Не простаивают на полках и сочинения классиков. Жюль Верн и Уэллс, Беляев и Ефремов — «свои по сердцу» миллионам читателей.

В последние десятилетия фантастика стала особенно заметным явлением культуры — проникла во все литературные жанры и во все виды искусств, включая театр, кино, телевидение, живопись. Показательно и возникновение за каких-нибудь два-три года во многих городах страны, от Балтики до Тихого океана, молодежных клубов любителей фантастики (КЛФ), а также ее практическое использование в изобретательских школах на занятиях по развитию творческого воображения и теории решения изобретательских задач. Примеры нестандартного мышления, неожиданных сюжетных находок, извлеченные из фантастических книг, приносят прямую экономическую отдачу, по отзывам методистов, настолько ощутимую, что ее трудно выразить в денежном исчислении. Однако мы будем говорить о фантастике как о неотъемлемой части художественной прозы, включающей любые произведения, в которые вводятся необычные, необычайные и даже вовсе невозможные события.

Фантастика — разнородна и многолика. Ее корни уходят во тьму веков, теряются в мифах и сказках. На длительном пути развития она вобрала в себя все: наивные представления о силах природы и сказочные «прототипы гипотез» — изначальное свойство человеческого ума «заглядывать далеко вперед факта» (М. Горький); утопические начертания идеального общества и научные социальные прогнозы; допущения представимых возможностей и самые невероятные предпосылки для затейливых «умственных опытов». Именно в народной волшебной сказке, оказавшейся для фантастики животворным источником, претворялись вековые мечты о торжестве справедливости и преодолении «запретов» природы. Ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, говорящее зеркальце, молодильные яблоки — чудесные предметы и волшебные превращения — помогают выполнить невозможное. Человек с их помощью обретает возможность летать, видеть и слышать на большом расстоянии, сохранять молодость, побеждать смерть, властвовать над пространством и временем.

По мере зарождения и развития знаний сказочные «прототипы гипотез» представляли в новом обличье, как «смелые задания науке и технике» (К. Федин). На смену кудесникам приходят ученые. Вместо чародейства и волшебства действуют материальные силы, сотворенные разумом.

В современной фантастике — кибернетика и генетика, машина времени или нультранспортиция, не говоря уже о звездолетах разных систем, за просто обгоняющих скорость света.

Великие изобретения и открытия, в зависимости от того, в чьи руки они попадают и как используются, могут служить добру или злу. Глобальность происходящих в мире процессов притягивает мысли писателей к судьбам рода людского. Научная фантастика, и в этом ее заслуга, укрупнила масштабы видения. Помогла нам почувствовать себя землянами, отвечающими за нашу планету, за весь человеческий род как единственный в Солнечной системе, а может — кто знает? — и в значительной части Галактики уникальный очаг разума, который мы, люди, обязаны сохранить на вечные времена.

Перед нависшей над народами мира угрозой ядерной войны раздвинулись горизонты восприятия всего происходящего на Земле. Естественно, что в этих условиях тема сохранения мира и жизни стала в фантастике ведущей.

Исследуя насущные вопросы нашего времени, научная фантастика все больше сближается с главным потоком литературы. Не так-то просто провести границы между научной и ненаучной фантастикой. Научная фантастика на одном из своих полюсов незаметно переходит в сказку, на другом смыкается с реалистической прозой. Блестящие образцы владения фантастикой, освоенные задолго до нашего времени, мы находим в творениях мировой классики, вроде «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле или «Путешествий Гулливера» Свифта, вроде «Носа» Гоголя или «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

Сама природа фантастического творчества предполагает особые фантастические приемы. Реальные жизненные явления, преломленные как бы в изогнутых зеркалах, выглядят либо непомерно преувеличенными, либо смехотворно искаженными. Воображаемая переделка свойств и возможностей того, что наблюдается в действительной жизни, сатирическая заостренность образов или, наоборот, показ желаемого в совершенном, развитом состоянии достигаются посредством художественных условностей, общих для разных видов фантастики (гипербола, гротеск, символика и других). Об этом хорошо сказал писатель Д. Гранин: «Повествование, построенное на фантастическом сюжете, на элементах фантастики, обладает огромной емкостью. Оно позволяет выразить сложности современной жизни по-новому, метафорично, неожиданно».

С такого рода художественными приемами мы встретимся и в этом сборнике, где условная, метафорическая фантастика представлена рядом с произведениями, типичными для современной НФ.

«Давно уже никто не спорит, — пишут на страницах «Правды» Аркадий и Борис Стругацкие, — что именно фантастика способна в художественной форме поднимать и анализировать проблемы, столь характерные и жизненно важные в нашу беспокойную эпоху НТР. Современный человек и его роль в бурном росте науки и техники, современный человек и перспективы и опасности генной инженерии, современный человек и предотвращение угрозы ядерной катастрофы, современный человек и вариантность будущего, — пожалуй, только фантастике под силу художественное осмысление проблем такого рода на базе научного марксистско-ленинского мировоззрения».

Сегодня география советской фантастики необычайно расширилась, охватив индустриальные и научные центры Сибири и Урала, союзные и автономные республики, где фантасты пишут на своих национальных языках либо по-русски. Формирование и развитие в ускоренном темпе фантастической литературы народов СССР — явление закономерное и в высшей степени примечательное. Ленинград с первых лет советской власти был и остается поныне крупнейшим центром научной фантастики. Здесь жили и работали ее первые классики — А. Толстой и А. Беляев. Здесь была написана одна из первых в нашей стране коммунистических утопий — «Страна счастливых» Я. Ларри (1931 г.).

16 марта 1984 года исполняется 100 лет со дня рождения А. Беляева. Для сборника «Синяя дорога» дочь писателя Светлана Беляева написала воспоминания об отце. Свидетельница последних лет его жизни, проведенных под Ленинградом в Пушкине (до 1937 г. Детское Село), Светлана Александровна запомнила много интересных эпизодов и биографических фактов из рассказов отца о его детстве и годах учения. В очерке рисуется образ человека, наделенного пылким воображением и неиссякаемым юмором.

Начало новейшего периода в истории советской фантастики совпало со всемирно-историческим событием — запуском в СССР в 1957 году первого искусственного спутника. В том же году появилась «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова — знаменитый социально-философский роман о претворении коммунистических идеалов человечеством объединенной Земли.

С той поры за четверть века накопился изрядный фонд во всех отношениях достойных произведений, переведенных на многие языки. Теперь мы вправе говорить о международном авторитете и растущем влиянии советской научной фантастики.

Из группы молодых писателей, начавших свой путь в фантастике на рубеже 50—60-х годов, читатели сразу же отметили талантливых братьев Стругацких, чьи книги ныне так популярны, что получили признание во всем мире. За два с половиной десятилетия совместной творческой деятельности братья-соавторы опубликовали более 20 повестей и были неоднократно отмечены международными премиями. В 1980 году они впервые получили литературный приз «Аэлита», учрежденный Союзом писателей РСФСР и журналом «Уральский следопыт» за лучшее фантастическое произведение года. Премирована повесть «Жук в Муравейнике», одна из многотомного, далеко еще не завершенного цикла о людях XXII века.

Свое отношение к фантастической прозе Стругацкие выразили сжатой формулой: «Фантастика — литература». Полемическим заголовком статьи, опубликованной в сборнике «О литературе для детей» в 1965 году, они хотели сказать, что кроме своеобразных художественных приемов, оправдывающих введение элемента необычайного, эта отрасль творчества подчиняется общелитературным законам, выдвигающим в центр повествования человека. Произведение тускнеет и вянет, когда читатель перестает сопереживать, когда герой выполняет лишь служебную функцию, как выразитель идей автора. «Мы стремимся не столько отграничить фантастику от всей литературы, сколько, найдя ее специфические черты, слить с общим потоком прозы».

Вот уже более десяти лет в стенах ленинградской писательской организации создан и успешно действует постоянный семинар фантастической прозы, которым бессменно руководит Борис Стругацкий, отработывая вместе со своими «семинаристами» и рекомендуя к печати наиболее удачные вещи.

Задатки одаренности даже в первых литературных опытах — непременное условие зачисления в семинар. Это творческая лаборатория молодых литераторов, в большинстве не раз уже выступавших в печати. Безошибочный художественный вкус руководителя, его остроумные, интересные заключения, острая деловая критика и жаркие споры во время разбора очередной рукописи привлекают к участию в обсуждениях и опытных, искушенных писателей.

Основные требования руководителя семинара — уравновешенность трех начал, определяющих «сверхзадачу» фантастической вещи: «чуда», как предпосылки замысла, «тайны», как двигателя сюжета, и «достоверности», как внутренней логики сцепления причин и следствий. Отсюда вытекают и условные единства: «места» (без необходимости не перебрасывать героя с места на место); «времени» (сосредоточить важнейшее в минимальном временном промежутке, вынося предысторию за рамки повествования); «действия» (не перегружать сюжет побочными эпизодами и лишними описаниями).

Впрочем, руководитель семинара не навязывает своих мнений, охотно соглашается с резонными замечаниями, стараясь в каждом обсуждаемом произведении подметить «свое», незаемное, присущее данному автору, если даже «свое» пока что едва заметно, но обещает «прорезаться».

Настоящий сборник задуман как творческий самоотчет семинара и целиком составлен из рассказов и повестей питомцев Б. Стругацкого. За редким исключением все они совмещают работу по специальности на заводах, в лабораториях, исследовательских институтах с литературным трудом. Некоторые из авторов уже на подступах к вступлению в Союз писателей.

Составитель сборника подобрала произведения таким образом, чтобы показать в творческих исканиях участников семинара многообразие тем, жанровых и художественных форм современной фантастики.

Кстати, лишь немногие авторы сборника всецело привержены фантастической прозе. Умение работать в разных направлениях, владеть разными жанрами вовсе не говорит о «всеядности», а скорее, при достижении определенного мастерства ведет к профессиональной зрелости.

Автор рассказа «Синяя дорога» Галина Усова публикует незаурядные стихи и хорошо зарекомендовала себя в поэтических переводах. Переводит она также английскую прозу и работает как прозаик не только в фантастике.

Галина Панизовская печатает публицистические очерки, реалистические и научно-художественные произведения. Из ее опубликованных фантастических вещей известна повесть «Выход из одиночества».

Наталия Никитайская — поэт и прозаик, автор оригинальных стихов, реалистических повестей и рассказов, заявила о себе в фантастике как своеобразный, ищущий автор.

Борис Романовский и Святослав Логинов выступают в печати и с научно-публицистическими работами.

Феликс Дымов и Вячеслав Рыбаков, не ограничиваясь традиционной научной фантастикой, проявляют себя в разных видах и жанрах фантастической прозы, не исключая и сказочной.

Сборник отличается широкий диапазон художественных приемов, исследование психологии и поведения героя, очутившегося в необычных условиях, которые проверяют человека на человечность. И еще одна характерная черта — отказ от трафаретных космических тем, обращение к земным делам, поиски необычного в самой жизни.

А там, где космос дает о себе знать, он либо незримо присутствует для пояснения масштабности происходящих событий или обострения ситуации (в рассказах В. Рыбакова «Все так сложно» и Н. Никитайской «Экспонат»), либо выступает как символ необъятности человеческих устремлений — в поэтической новелле Г. Усовой, давшей название нашему сборнику.

Легенда о Синей дороге зажигает мечту мальчика. Во имя достижения цели он жертвует родительским кровом, любовью, благополучием, счастьем, тратит на поиски всю свою жизнь, и, наконец, когда уже стариком все-таки находит Синюю дорогу на какой-то далекой планете, не может насладиться радостью открытия. Все позади, он открыл ее слишком поздно... Но именно такие подвижники идеи, одержимые единственной, трудно достижимой или даже несбыточной целью, становятся бродильным началом, не дают успокоиться на достигнутом.

Проблема поставлена остро, заставляет читателя задуматься о некоторых житейских аксиомах, несовместимых с величием подвига во имя своего народа или же человечества в целом.

Центральные произведения сборника — небольшие повести «Два Вальки Моторина» Г. Панизовской и «Школа» Ф. Дымова — связаны с волнующими проблемами гражданского и нравственного воспитания подростков. Темы в литературе обычные, вроде бы и не требующие необычайных событий. Но то, что в реалистической школьной повести решается в узнаваемых, привычных образах, у Г. Панизовской и Ф. Дымова озаряется фантастическим светом, обретает обобщенный, метафорический смысл.

Г. Панизовская написала повесть о созревании личности мальчика, входящего в «трудный» подростковый возраст. Тончайшие психологические оттенки — главное в решении замысла. «Сдвиг» в сторону от обычного, немножко не так, как бывает в жизни, и повествование, не теряя реалистической достоверности, становится «научно-фантастической сказкой». Достаточно «зеленого лучика», который отбрасывает «испытательная база», где, по слухам, исследуют «античастицы», чтобы разгильдяй шестиклассник без всякого чувства ответственности перед школой и домом внезапно перенесся в параллельный мир, в ту же квартиру, к тем же родителям, в то же самое окружение, вдобавок еще поменявшись местами со своим двойником, «другим» Валькой Моториным, из этого параллельного мира.

Здесь все, как прежде, но почему-то сложнее. Неуловимые изменения обостряют его внутреннее зрение. Еще недавно беспечный, Валька неожиданно для себя начинает понимать, что жизнь совсем не проста и

не так ясна, какой виделась его детскому сознанию. И далеки от всякой однолинейности взаимоотношения между подростками, между детьми и взрослыми и особенно между взрослыми.

Так происходит переоценка ценностей. В параллельном мире повзрослевшему мальчику все теперь видится в ином свете. В нем пробуждается чувство ответственности — и не только за себя одного. Всем, кому может, он должен теперь помогать — и не потому, что этого требуют, а по велению совести, по зову души. Это и хлопотно, и приносит радость. Он счастлив и в другом измерении, но — на новом уровне восприятия жизни, которая предстает теперь сложной и многогранной и вовсе не кажется сплошным праздником, как в прежнем мире беззаботного детства.

Сюжетные повороты этой повести, решенной средствами психологической фантастики, определяются поисками людей, работающих на испытательной базе: кто-то из них должен помочь Вальке вернуться в его прежний мир. Но убедительность раскрытия замысла как раз в том и состоит, что, почувствовав себя другим человеком, Валька уже не может и не хочет вернуться в «первое измерение». Он остается в мире более сложных и тонких человеческих отношений, где должен проявлять активную доброту, уметь сопереживать и сочувствовать, где достоинства человека измеряются уже не обладанием портативным магнитофоном и дубленкой, а нравственными поступками и чувством долга перед всеми, кто его окружает.

Читая повесть, вы убедитесь, что оба мира Вальки Моторина населены живыми людьми с тонко очерченными характерами, которые он воспринимает по-разному в том и другом «измерениях». Вы убедитесь и в том, что автор не вдаётся ни в какие нравоучения, заставляя думать самого читателя.

Поэтично, на широком дыхании написана «Школа» Ф. Дымова, также построенная на метафорическом условном приеме, в данном случае — приеме олицетворения. Сюжет строится «от обратного» — не как люди относятся к школьному зданию, а как Школа относится к людям — учителям и учащимся, в зависимости от их поведения и наклонностей; как она относится к ненавистным фашистам — нелюдям, разместившим в ней свою комендатуру.

В олицетворенном фантастическом образе Школа способна чувствовать, думать, действовать, наделена чудесными свойствами. События преломлены через восприятие Школы, любящей тех, кому она дорога, кто ей отвечает взаимностью. Много душевных сил вложил в нее еще до войны первый директор Молев. Бывший кавалерист-буденновец, преподаватель истории, он заражает Школу любовью к своему предмету, и одушевленное здание приобретает свойство трансформировать некие «мыслительные волны», давая возможность в воображении как бы перенестись в прошлое и наглядно, хотя и не без некоторых погрешностей, воссоздавать картины истории, которые проходили на уроках. А потом, во время войны, когда в здании разместились немцы, проводили в Школе допросы, пытали и мучили заключенных, она мстит за своих друзей, обретая способность совершать перебросы не только во времени, но и в пространстве. Не буду пересказывать эпизоды, чтобы не лишить читателя удовольствия самому оценить неистощимую изобретательность автора, искусно подчинившего развитие сюжета утверждению гражданственных и

моральных принципов в непринужденной форме полусказочной фантастической повести, близкой по жанру к произведению Г. Панизовской, но совсем другой по манере исполнения.

Разнообразны и представленные в сборнике рассказы. «Смирный Жак» С. Логинова — интересный образец исторической фантастики, хорошо воспроизводящей бытовой колорит французской средневековой деревни; классовые противоречия между закрепощенным крестьянством и помещьем барона (во время страды барщина отбывалась шесть дней в неделю); суеверное сознание вилана, прозванного «смирным Жаком». Однако на поверку он оказывается вовсе не «смирным», а отважным, хитроумным воителем, одолевшим дракона. И тут автор позволяет себе единственное фантастическое допущение — дракон, порожденный народными измышлениями еще в глубочайшей древности, предстает живым и в яви как воплощение зла, над которым одерживает победу простой крестьянин.

Более традиционным, на первый взгляд, кажется рассказ В. Рыбакова «Все так сложно». Герой — пришелец из иного мира, разведчик таинственной планеты Зарриан, сверхмощной агрессивной цивилизации, способной одним ударом деструктора «размазать» любую планету. Деспотический общественный строй заррианской империи отличается от современных фашистских режимов лишь более высоким техническим потенциалом. Выполняя свою миссию на Земле в облике рядового студента, Алька — так его зовут товарищи — чем ближе знакомится с людьми, с этой «хаотичной популяцией», тем больше начинает сомневаться в справедливости порядков, установленных в звездной империи, в ее праве поработать другие планеты.

Читатель встречает Альку в одном из городов нашей страны в решающий для него период, когда в сознании разведчика уже наступил крутой перелом, когда он приходит к мысли, что «чем больше знаешь, тем большую роль в выборе действий играет не голова, а сердце». Удивляясь самому себе, он соглашается с разговорчивым стариком в автобусе, что «нужно воспитывать совесть».

Финал предопределен заданной морально-психологической посылкой. Решение Альки остаться на Земле означает его переход на сторону гуманизма и справедливости. Несмотря на небольшой объем, произведение отличается масштабностью замысла и убедительным сюжетным решением. Суховатая, сдержанная манера письма соответствует логическому построению. Неожиданные повороты действия, хотя заметна и некоторая скованность автора (сюжетного материала хватило бы на целую повесть), делают рассказ особенно впечатляющим. И, что самое главное, в нем ощущаются отзвуки тех тревог и проблем, той борьбы прогрессивных сил с мировой реакцией, которые сотрясают сегодня нашу планету.

Если «Экспонат» Н. Никитайской поначалу воспринимается как только шуточный рассказ, то по мере продвижения действия обретает серьезное звучание. Тема доброты, человечности высвечивается все больше и больше через отношение персонажей — деда Николая Никитича и сотрудников музея «Богатства Вселенной» — к мальчику с небесно-голубыми глазами, якобы найденному дедом «в квадрате 488 чуть в стороне от большой световой дороги, на планете Ведьм, где он всегда запасается водой». Рассказ очень необычный, но в этом и заключается его прелесть.

Рядом с фантастическим юмором — политический памфлет и сатира. То и другое мы найдем в забавном по выдумке, но достаточно серьезном по идейной насыщенности рассказе Б. Романовского «Парень из послезавтра». Здесь совмещается несколько сюжетных слоев: «высланный» из 2173 года в наше время субъект с атавистическими инстинктами, который, по мнению психоаналитиков, найдет себе место в капиталистическом обществе; быт американского захолустья, разорение мелкого фермера, не выдерживающего конкуренции с богатыми соседями; встреча с пришельцем, который доказывает на деле, что может творить чудеса; неожиданные последствия «подарка», вызванные злобным умыслом маньяка, затесавшегося в банду ку-клукс-клановцев, окончательно разоривших ферму. Рассказ удивительно причудлив и сюжетно насыщен.

При минимальном объеме повествования автору удалось показать двойственность человека из будущего, одновременно и благодетеля, и бандита, четко обрисовать социальный фон, на котором развернуто действие, раскрыть научно-фантастическую гипотезу, основанную на перспективных идеях современной генетики, — в нарочито неправдоподобном варианте мутированного соединения растений с млекопитающими: гротескный образ гибридного «дерева-коровы». И при этом суметь довести замысел до памфлетной сатирической заостренности.

Таковы произведения, включенные в сборник «Синяя дорога», дающий частичное представление о творчестве участников ленинградского семинара фантастической прозы.

В заключение остается лишь пожелать: побольше фантастики, хорошей и разной!

Феликс Дымов

ШКОЛА

ПОВЕСТЬ

В каждом селении по крайней мере один дом имеет собственное суждение обо всем на свете и порой очень нуждается в слушателе. В Дыницах таким домом была Школа.

Ее построили лет за шесть до войны. Поставили на косогоре, в таком месте, где в старину обычно ставили церковь. Куда бы кто ни шел, ни ехал, Школы миновать не мог. Старые учителя, оглядев крутой подъем и переложив высокую стопку тетрадей из одной руки в другую, шутили: «Утром — с одышкой, зато вечером — с припрыжкой...» А ученикам в потеху что прямой, что обратный путь: не один превращенный в салазки портфель потерял свой блеск на веселой заледенелой дороге, не одна пара подошв сгинула по осени в липкой глинистой грязи косогора...

Кирпичное двухэтажное здание под черепичной крышей издали выделялось среди толпы беленых мазанок, полузатопленных вишневыми садами. Неслыханное дело — Школа имела даже черный ход, наглухо, впрочем, заколоченный осторожным завхозом. Однажды летом во дворе вкопали столбы с поперечиной вроде сильно растянутой буквы «П». Навесили шесты, канаты. И Школа осанилась, гордясь единственным физкультурным снарядом на весь район.

Ничуть не меньше Школы новшеством гордился директор — Леонид Петрович Молев. Школе приятно было ощущать, эту его внимательную

гордость. Ей вообще доставлял удовольствие вид нескладной фигуры Леонида Петровича с широким, чуточку асимметричным лицом и бесцветными выпуклыми глазами. Лицу директора — особенно глазам — откровенно не хватало выразительности. Зато уж чего было в переизбытке — так это золотых зубов во рту, словно бы директор беспрестанно и не ко случаю улыбался. Когда, обходя территорию, Леонид Петрович машинально поглаживал ладонью цоколь здания, обведенный с парадной стороны блестящей черной каймой, у Школы внутри что-то тихо ухало, пырышки разбежались по штукатурке, сухо першило в дымоходах. В такие минуты Школа не на шутку завидовала кудлатой дворняжке с репьями на хвосте, которая могла повалиться на спину и заскулить от великого счастья у ног своих хозяев Кольки и Котьки Бабичей. Но ведь Школа не дворняжка — где это видано, чтобы дома, даже не такие степенные и симпатичные, торчали кверху фундаментом?!

Помимо наружности, Школе определенно нравились и мысли директора. Не только потому, что половина их была связана с ней самой и посвящена истории отчаянной борьбы за штакетник и лампочки, за новый глобус в учительскую, за списанное в МТС магнето взамен разбитой лейденской банки, за возможность премировать в обход штатного расписания ботаника, который вечерами вел с ребятами мотоциклетный кружок и хор. Но главным образом потому, что директор относился к Школе как к живой. Школа часто видела себя в мыслях директора большим, неуключим, требующим заботы существом. Ну, скажем, как неловкая, застенчивая девчонка-переросток. И ключицы-то, и локти у нее выпирают. И сутулится она — не знает, куда руки девать. И ноги у нее длиннуче, тощие, словно две жердины. А все ж для отца-матери нет никого дороже и привлекательней. «Ах ты несмышлениш! — Молев укоризненно покачивает головой возле осыпающегося угла и вздохнет: — Опять коленки продрали, не напасть на тебя!» Так и подумает: «коленки». И не успокоится, пока не залечит, не закрасит даже самой пустяковой царапины. За «несмышлениша» Школа не обижалась, хотя давно уж из несмышленишей выросла. И принимая теплые на слух мысли Леонида Петровича, еле сдерживалась, чтобы не вмешаться, не сказать что-нибудь такое, от чего и сам Молев внезапно подпрыгнул бы на стуле в своем тихом-претихом директорском кабинете...

Занимали Молева и иные, совсем уж случайные и прозаические мысли. Например, где раздобыть на воскресенье четвертую лошадь для опыта с магдебургскими полушариями — на три он с председателем колхоза, кажется, договорился... Или как отвлечь дотошного инспектора роно, чтоб не вызвал Сему Воропаева, — парень у доски скорее кол схлопочет, чем вымолвит слово при постороннем...

Сперва Молевы жили в здании Школы. Потом срубили в углу школьного двора приземистый домик, вырыли погреб. Домик этот и погреб Школа посчитала новым своим продолжением и распространила на них влияние, которое ограничивалось до сих пор двором с десятком яблонь, туалетом, кучей угля, потускневшим штабелем досок возле канавы и носатой, обиженно всхлипывающей колонкой, воткнутой в прорезь забора так, чтобы воду можно было брать с улицы. Новые территории ничуть не переменяли настроения Школы, хоть и добавили хлопот. А уж если говорить о том, что ее задевало или смущало, так было одно такое обстоя-

тельство, было, чего скрывать: Школа не могла смириться с тем, что ее называли средней. Ведь она ж не какое-нибудь там бесчувственное вместилище знаний. Не кладовка с пособиями. А Школа. Именно так. С большой буквы. Отчего же тогда в ученических тетрадках, на вывеске, а иногда даже в местной газете ее именуют Дыницкой средней?..

Стоя на косогоре, посреди недвижимого поселка, Школа смотрела и слушала, как внутри нее сталкиваются эпохи и люди, поют золотые арфы, громяют войны, прорастает любовь. Здесь, на скрещении времен, рушились миры и рождались герои. Здесь, в небольших уютных классах потерянное Прошлое и незримое Будущее сливались с Настоящим. Тогда два школьных этажа запросто вмещали целую Вселенную на уроке астрономии, а на физике так же запросто сгущались до размеров атомного ядра. Тогда География таинственно превращала учеников в отряд Ермака, а История проносилась между партами на боевых колесницах. И все это ежедневно с девяти до двух первой смены и с двух до семи — второй...

Постепенно Школа привыкла творить собственный мир — еще необъятнее того, о котором рассказывали учителя. Подобно тому, как историк на уроке из одних только слов и картинок выстраивает в головах детей хронологию человечества, так Школа, соединяя прошлое, настоящее и будущее, формировала новые связи реальности и вымысла. И вымысел становился реальным, а реальность — фантастической, как вымысел. И странные силы гуляли по зданию от стены до стены, теша себя способностью перенести из утраченных времен и пространств и воздвигнуть у школьной доски динозавра, гладиатора или хотя бы первого деревенского тракториста. Но странные эти силы накапливались бесполезно: люди имели свою жизнь и свою историю. И эта жизнь, и эта история, к сожалению, не требовали вмешательства Школы...

Школе не стоило бы большого труда создать новую хронологию человечества.

Если бы только старую преподавал не Леонид Петрович Молев, ее любимый директор. Все менялось вокруг — школьники, тетради, дома. Не менялись только уроки истории: из года в год директор повторял то, что было в учебнике, будто никогда и не существовало в мире Дюма, Мерииме, Тарле и Тураева. И хотя для самого Молева история не начиналась и не кончалась учебником, ответы он требовал дословные, от сих до сих...

Мучаясь, считая себя предательницей, Школа постепенно осознала, что на этих уроках ей скучно. И поскольку Леонид Петрович отдавал предпочтение доришелевской Франции — главный его вопрос на экзамене неизменно касался династии Бурбонов, — Школа решила наяву прокатить его в тот уголок Времени, который он так любил. Кое-что она уже умела...

С вечера Леонид Петрович засыпал трудно: долго ворочался, скрипел пружинами на самом краю кровати, чтоб не потревожить жену. А однажды сон и вовсе не пришел, хотя Леонид Петрович, сбиваясь, трижды досчитал до шестисот. Натянув брюки, Молев выскользнул за дверь. Поставил, прислушиваясь. Уселся на крышке погреба. Раскрыл кисет. Свернул самокрутку... И ощутил себя в каком-то межвременье. Крыльями от висков пошла расползаться вязкая тишина, погасила рокот водокачки, прилетающие издали паровозные гудки, перекличку собак, звон

коровьих ботал. Леонид Петрович посплюнул пальцы и затушил ржавую искру сигарки.

Тут откуда-то накатила музыка, запылало вокруг множество свечей, повеяло запахом духов и пота — и, к ужасу своему, как он был босиком и в нижней рубаше, так и очутился на возвышении в зале, возле вельможи в эспаньолке и жабо. Внизу кружились красивые дамы и кавалеры. Через распахнутую дверь шумел сад и журчали фонтаны.

— Привет! — Не повернув головы, вельможа щелкнул пальцами над плечом.

Подлетел лакей, вежливо сломался в поясе, повел подносом по воздуху так ловко, что бокал с подноса сам собой прилип к ладони Леонида Петровича. Жидкость в бокале оказалась кислой и вяжущей на вкус, словно лесная груша в начале августа. Но Леонид Петрович аккуратно ее употребил, закушал трюфелем, поставил кверху доньшком бокал — в общем, проявил себя вполне на уровне дипломатического приема. Потом улыбнулся, сверкнув золотыми зубами, и поднял руку:

— Бонжур, Генрих Антуанович!

Он все же таки был историком и Генриха Наваррского узнал без труда. Правда, была в этой сцене некая ненатуральность, условность — как на старинных гравюрах или, пожалуй, в голове слабенького ученика, который судит о средневековье лишь по учебнику да еще по книгам Дюма. Но Леонид Петрович привык быть снисходительным к своим ученикам...

И еще два момента отметило сознание: Леонида Петровича никак не удивило случайное перемещение во Францию шестнадцатого века, не озаботил русский язык, которым почему-то изъяснялись в Лувре.

— Бонжур, бонжур, мосье Молёв! — откликнулся Генрих. — Рад видеть вас в Париже, который... — он хитро прищурился, — стоит обедни... Не правда ли, мон шер, хорошо сказано?

— Погодите, а какой сейчас год? — Леонид Петрович недоуменно свел брови.

— Да вы шутник! Известно какой, одна тысяча пятьсот семьдесят второй... от рождения Христова...

— Вот и попались! — Леонид Петрович назидательно уставил в грудь Генриху длинный учительский палец. — Эти исторические слова вы произнесете только через двадцать лет...

— Жаль. Хорошие слова. Ну да ладно, все равно произнесу, лишь бы случай представился: они у меня с детства на языке вертятся.

— Семьдесят второй, — пробормотал Молев. — Семьдесят второй... Что-то такое важное связано с этим годом... Ах да, послушайте, а число какое?

— Нашли момент календарем короля донимать! Десятое сегодня число. Десятое августа.

— Простите... по старому стилю или по новому? — Леонид Петрович вытер рукавом рубашки выступивший на лбу пот. От волнения он забыл, когда именно происходили реформы летосчисления.

— Не знаю, новый он для вас или старый, но у нас один стиль — барокко! — Генрих самодовольно задрал к потолку острую бородку.

— Ах, это все неважно! — Леонид Петрович заторопился. — Во имя спасения сотен жизней — немедленно откажитесь от свадьбы!

— Какой свадьбы?

— С Маргаритой, сестрой короля.

— Вы с ума сошли, мосье Молёв! — Генрих величественно кивнул кому-то в зале и повернулся к Леониду Петровичу. — Я женат уже целых пять ночей...

— Не может быть! — жалобно протянул Леонид Петрович, теряя голос.

— Мне ли этого не знать? — Генрих выпятил грудь, расправил в обе стороны птички усов. — Крошка оч-чень мила...

— Десять плюс тринадцать... — Семена кругами по возвышению, Молев принялся загибать пальцы. — Значит, двадцать третье... Но ведь тогда завтра... Какое завтра, уже сегодня наступит Варфоломеевская ночь?.. Опять не успел...

Он двумя руками вцепился в жабо Генриха:

— Срочно спасайте ваших союзников гугенотов! Ночью Париж будет залит кровью...

— Да вы что, прорицатель? Откуда вы это взяли? И перестаньте же наконец меня трясти!

— Он не прорицатель, он испанский шпион! — раздался сзади звучный низкий голос. — Я знаю, он подослан Филиппом...

Из потайной двери вышла властная женщина, с одутловатым, оплывшим лицом.

— Здравствуйте! — Молев машинально поклонился, шаркнув по паркету босой ногой. Екатерина Медичи, мать короля! Рука Леонида Петровича потянулась к верхней пуговице воротника, и он с удивлением обнаружил в стиснутом кулаке обрывки брабантских кружев.

— Ненормальный какой-то! — неделикатно, вовсе уж не по-королевски сказал Генрих, скосив глаза в попытке рассмотреть испорченное жабо. — А еще иноземец!

На миг музыка приутихла, танцевальный зал куда-то провалился или, точнее сказать, нелепым образом перестроился в тесный актовый зал Дыницкой школы, внизу кружились не дамы в кринолинах, а выпускницы в белых платьях, и сам Молев сидел на сцене в президиуме, привычно морща пятерней на столе красное сукно. Рядом, разумеется, сидел никакой не Генрих Наваррский, а немного похожий на него заведующий роно — в косоворотке и очках — и позванивал краем стакана о графин. Леонид Петрович сделал усилие осознать это новое перемещение, как вдруг стены зала опять смешались и разъехались, стол пропал, красная скатерть превратилась в яркое парчовое платье — перед Молевым стояла Екатерина Медичи.

— Гиз! — позвала мать короля, не повышая голоса, однако ее нельзя было не услышать.

— Я здесь, моя королева! — В комнату, держась за шпагу, влетел лощеный придворный.

— Гиз, у нас помечено, где ночуют проклятые гугеноты?

— Белым крестиком на воротах, как вы приказали...

— Надо одним махом со всеми... И побыстрее...

Екатерина скрутила что-то невидимое в ладони и дернула к себе — будто черная крестьянка, подрезающая серпом колосья.

— Намек понял, ваше величество! — злобно прошептал Гиз, пятась.

— Я совсем не то хотел... — заволновался Молев.

— А этого утопить в Сене! — Екатерина слегка приподняла бровь, и шестеро мушкетеров выросли за спиной Молева.

— Не отчаивайся, Генрих Бурбон! — быстро сказал Леонид Петрович, стряхивая плечом мушкетерскую лапу. — Ты еще станешь основателем династии!

— Спасибо, добрый чужестранец! Держи! — крикнул Генрих, швыряя ему шпагу эфесом вперед.

Рукоять сама плотно влипла в ладонь. Конечно, это была не литая буденновская сабля, но все-таки какое ни на есть оружие. И тем же сабельным ударом, который помнила рука — сплеча наотмашь! — Молев с лета рубанул гибким длинным клинком по двум багровым лицам. Мушкетеры не ожидали этой бурной самозащиты и незнакомого отчаянного удара, замешкались, отстраняясь, и он стремительно промчался между ними в сад. Но за дверью навалились трое, схватили за руки, протащили тусклыми коридорами Лувра, выволокли в темноту. Всюду в парижских улицах угадывалась какая-то возня, доносились стуки и хрипы, приглушенный перезвон не то золотых монет, не то скрещенных шпаг. Город клочкотал во мраке, словно перекипевшая каша.

В лицо пахло речной сыростью. В ту же секунду за спиной Молева внезапно ослабла хватка конвоиров, послышались пыхтенье, топот, мягкие шлепки, Молева оттеснили в сторону, подсадили в седло, всучили в руку повод, и под быстрый шепот «В Ла-Рошель, за подмогой, пароль «Наварра!», молнией!», нащупав босой ногой стремя, он прищипорил коня.

Он скакал наугад, пригнувшись к шее лошади, доверяясь ее чутью, скакал с каким-то странным ощущением, что когда-то давным-давно это с ним уже происходило, что проезжает он места, давным-давно знакомые и опасные. Тревога не ушла и тогда, когда чуть рассвело.

Оторвавшись от гривы коня, Молев увидел крутой изгиб ныряющей в вымоину дороги, дымчатый накат Рябовской пуши, а справа — сабельную полосу поросшей кугой старицы. Позади нарастал цокот копыт — погоня бабки Гарбуза дробила подковами укатанную до булыжного блеска глину. Молев привстал на стременах. Место было то самое. Сейчас за поворотом внезапно прынет в кусты конь, испуганный выползающим из вымоины броневином, а сам Ленка Молев вздрогнет от косога прищуря пулеметных жал и щербатой ухмылки бойниц, — вздрогнет, уже вылетая из седла, за миг до того, как полунасмерть приложится щекой и подбородком к оброненной с чумацкого воза кирпичине. А потом налетят беляки и не затопчут конями бесчувственное тело лишь потому, что примут его за мертвеца, и только для очистки совести потыкают шашками. И уже много-много позже отвага беззубого юнца толкнет командира Буденного на странный поступок: по его личному приказу в диком южном городишке дрожащий от страха дантист под неусыпным наблюдением двух революционных бойцов за сутки изготовит Ленке Молеву золотой мост. Бойцы будут хвататься за маузеры всякий раз, когда из разинутого Ленкиного рта, в котором начнет ковыряться блестящими штучками недорезанный буржуй, вылетит стон. По окончании работы оба дружно пощелкают языками и потребуют от полкового комиссара охранный мандат: «Именные зубы красного конника Молева никакого не мародерст-

во, а вручены ему за храбрость именем мировой революции как личное золотое оружие!»

Говорят, история не повторяется, но Леонид Петрович безошибочно знал, что за чем последует: время непостижимым образом отбросило его обратно — в лето двадцать первого года. Теперь бы только успеть к нашим, исправить ту застрявшую в памяти неудачу... Только бы на этот раз все получилось!

Не дожидаясь опушки леса, он заворотил коня к старице, и конь, раздвигая грудью кугу, прочмокал к берегу, недоверчиво понюхал воздух, фыркнул и, понукаемый всадником, погрузился в воду. Полоса воды оказалась неожиданно шире, чем представлялось на взгляд. Ближе к середине Молев соскользнул с седла и поплыл рядом, держась за луку и радуясь, что не успел обуться, а так и сиганул с крыльца на чью-то непривязанную лошадь, пока беляки занимались комбедом. Успеть бы, только бы успеть! Коли уж ему довелось снова попасть в пережитый когда-то день и час, может, на этот раз посчастливится привести на помощь своих? Может, удастся даже чумацкую кирпичину объехать?

Конь, оскальзываясь, выбрался из воды на кручу. Молев, прыгая одной ногой, занес другую в стремя. И тут на него из зарослей наскочил десяток мушкетеров.

— Признавайся, что делал за Луарой? — закричал старый длиннорылый капитан, приставляя к боку Молева кинжал.

Ошарашенный, Леонид Петрович ничего не ответил. Он бы поклялся, не покрывив душой, что вообще на том берегу не был...

Мушкетеры по-своему расценили замешательство пленника:

— Чего с ним цацкаться? Гугенот! К коннетаблю его!

Молева запеленали в плащ, бросили поперек седла на лошадь, долго куда-то везли. Потом втащили в избу, швырнули связанного на пол, бесцеремонно скатили с плаща. Со скрипом задвинули снаружи ржавый засов. Упираясь стянутыми вместе ладонями, Молев перевернулся. Сел. Привалился спиной к стене.

Света внутри проникало ровно столько, чтобы убедиться: здесь никогда не жил и не мог жить французский крестьянин: откуда бы в его доме взялась огромной, в полгорницы, печи с синими, слегка закопченными петухами на штукатурке, с широким, продымленным зевом топки? Продолжая свои подлые штучки, время опять переместило Молева. Вляпался! Все из-за этой шкуры Тюшкина, чтоб ему свинцовой галушкой подавиться! Сейчас сюда ворвется главный батюкин палач и...

Тонкая жилка забилась в уголке левого глаза. Молев подтянул к груди колени, утопил в них лицо...

Прихлынула неестественная тишина, собралась у висков, сделалась одуряющей и вязкой. Но в следующий момент в ней забрезжили привычные звуки. Вот мерный рокот водокачки ровной строчкой прошел мрак. Вот всплыли состарившиеся в долгом полете паровозные гудки. Взахлеб перекликнулись дворняжки. Вопросительно звякнуло неутешное коровье ботало. Леонид Петрович вновь осознал себя сидящим на крышке погребка, а дыницы разговаривали вокруг знакомым ночным языком.

Молев торопливо пошарил рядом с собой, нащупывая кисет, скрутил сигарку потолще. Едкий табачный дым зацепил в носу, забил горло.

Вместе с отлетающим дымом уходило из тела напряжение, оставляя противную хлипь в коленях.

Как наяву всё.

«Постарел, — подумалось Леониду Петровичу. — Теперь, пожалуй, и малой малости того не перенес бы...»

Он усмехнулся, вспомнив, как в прошлый четверг Минька Гришак, зыркнув на перемене по сторонам, начертил мелом по черному цоколю: «Бурбон златозубый», — из директорского кабинета отлично виден тот угол здания. Молев ни слова не сказал шалопаю. Мел с цоколя техничка тетя Поля стерла мокрой тряпкой. А кто может стереть воспоминания?

Леонид Петрович заглянул к детям. Постоял. Послушал спокойное дыхание Олежки и Кати. Олежка перевернулся на живот и сдавленно вскрикнул. Леонид Петрович подоткнул ему под бок одеяло.

«Вам бы таких снов никогда не видать! — молитвенно пожелал он им то, что желал каждую ночь. — Спите и просыпайтесь без страха...»

Пробрался обратно в комнату. И тихо улегся на кровать с открытыми глазами, закинув руки за голову.

Школе стало немножко грустно. Она так старалась, творя его именем и знаниями, замещая пять минут его жизни тремя часами растаявшей в прошлом Варфоломеевской ночи!

Но он беспрерывно возвращался в собственную историю.

Тоже минувшую.

И все же навсегда для него живую.

Не перешагнуть человеку через тысячу пережитых Варфоломеевских ночей! Не выкинуть из памяти их. Всем отзвучавшим векам не перевесить любого года жизни из тех, которые довелось хлебнуть крестьянскому парнишке Леньке Молеву.

Школа пробовала подступаться еще и еще раз.

Но память Леонида Петровича оказалась прочной.

Грусть Школы перешла в разочарование. В эти дни на уроках было совсем нельзя заниматься: ни с того ни с сего начала слезиться крыша и на втором этаже протекли потолки, хотя дождя не наблюдалось по крайней мере два месяца. Потом вдруг в здании завелись привидения. Зеленые, светящиеся летучие мыши ростом с телят дни и ночи свисали с труб, пугая детей и молоденьких учительниц. Попытались обметать их швабрами, прижигали примусами — ничего не помогало. Дынные старушки велели окропить здание святой водой и устроить на этом месте церковь. Леонид Петрович ужасно разозлился, затопал ногами: «Неизвестно кого надо водой! Сами скоро от святости прозрачными сделаетесь!» Однажды утром цепочка босых светящихся следов протянулась из Школы прямо к дому Воропаевых. Под вой и причитание старой Воропахихи Леонид Петрович слезал на чердак и извлек из-под пыльных мешков шестиклассника Сему, зеленого и дрожащего как туманное люминесцентное чудище. «Я хо-хотел снять о-оо-одно, а о-оно не за-захватывается-а-аа, пустое насквозь...» — всхлипывал незадачливый исследователь. Всей семьей мыли Сему в бане, но от горячей воды он светился еще ярче. Выцветал он две недели, и все это время Воропахиха требовала в медпункте бюллетень по уходу за больным ребенком... В тот же день привидения сгинули.

Случились тогда и другие нелепости, впрочем, совсем крошечные. Ну, например, ботаник поздоровался с пятым «б», а из дымохода как польется художественный свист: «Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная!» Учитель заподозрил Миньку Гришака. Но Минька виновным себя не признал: «У меня, — говорит, — от природы щеки вздутые будто я свищу». К тому же выяснилось: этой песни никто не слышал, ее даже по радио пока не исполняли: Школа перепутала и выдернула из будущего еще ненаписанную мелодию. Нерасследованным оказался случай в физкультурном зале: ровно под Новый год кто-то слепил под елкой снеговика. Снеговик простоял все праздники и растаял незаметно, не оставив после себя луж.

Постепенно, однако, все вошло в норму. Дни, наполненные и ровные, складывались в четверти и полугодия. От каникул до каникул в Школе клокотала жизнь. Да и на каникулах, если правду сказать, ученики не забывали Школу: то утренник, то хор, то мотоциклетный кружок. Потосковав, Школа прекратила эксперименты. А нераstraченную любовь перенесла на молевских ребятишек Олежку и Катю.

Впрочем, трехлетняя Катя мало отличала воображаемое время от реального, поэтому легко променяла смешной Кроличий город под крыльцом — с танцплощадкой и базаром! — на купленную Леонидом Петровичем целлулоидную куклу. То ли у толстой спокойной лупоглазой девчонки полностью отсутствовала фантазия, то ли Школа не ладила с дошколятами...

Другое дело Олег. Школа считала его ровесником — он пошел в первый класс в год ее открытия — и потому сразу нашла с ним общий язык. Сначала были автомобильчики — Олежкиного роста, но с настоящим мотором... Красивый пони для разездов... Карликовый дирижабль... Гостеприимный капитан Немо на «Наутилусе»... В восемь лет Олег уже на льдине Папанина. А в десять после недолгих, но решительных уговоров волшебница Школа отпускает его в Испанию. Там, к сожалению, Олежке не повезло: во втором же бою ему прострелили ногу навывлет. Но три недели в пионерлагере (естественно, лишь об этой отлучке из дому знали родители!) настолько его подлечили, что по возвращении он почти не хромал. Побега его, таким образом, никто не заметил: Школа умела вклеить месяц своего независимого времени в какой-нибудь получасовой промежуток обыденного мира.

События, пережитые Олегом в ледовом лагере Папанина или под пулями фалангистов, имели реальность для него одного, он это без труда осознавал и никогда никого не пытался убедить в обратном, даже невзирая на такие откровенные свидетельства его правоты, как звездчатый шрам под коленом. И все же поинтересуйся кто-нибудь вовремя — знаменитый полярник наверняка припомнил бы удивительный случай, когда к его палатке спустился на парашюте мальчик с подарками от белорусских школьников и через два дня храбро убежал на лыжах к далекому материку. Да и в интернациональной бригаде гарибальдийских стрелков вряд ли позабудут легконогого серебряного горниста. Что перед этим насмешки мальчишек — после того как на уроке географии Олег едва не выдал себя слишком уж подробным рассказом о полярном дрейфе?

Характер у Школы испортился не сразу, во всяком случае, не с того момента, когда в поселке прозвучало слово «война». Она без ропота

перенесла потерю стекол—невдалеке бомбили переправу. Вскоре осколки мин исцарапали стены, местами догола ободрали штукатурку, но кожа дело наживное, нарастет. Не взволновал Школу даже неоконченный летний ремонт — не такой человек Леонид Петрович, чтобы учебный год застал его в непригодном здании, успеет. Слово «война», с которым у людей связывались ужас и боль, по-прежнему оставалось для Школы просто словом, вызывало представление не более чем о маршах, подвигах, веселых маневрах и прочей романтике, почерпнутой из того же Дюма да из Купера. Она хотела по привычке послушать мысли директора, но обнаружилось, что он ушел добровольцем и с тех пор не подавал о себе вестей.

Обеспокоило Школу внезапное исчезновение учеников. Август перевалил на вторую половину, а по классам все также штабелями громоздились парты, гулял сквозняк, ветер заносил внутрь запах гари и пыль, хлопала во втором этаже сорванная с одной петли форточка. Конечно, это была не ее забота, на это существовал завхоз. Ее доля следить, чтобы сырость не мешала, не отпугивали детишек неясные шорохи, не давили на стриженные затылки потолки. А уж с этим Школа как-нибудь справлялась.

Но директор и завхоз не появлялись, не возвращались ученики. Детей в поселке осталось совсем мало, да и те крались в тени домов одиночками, без гомона и возни. Канонада прокатилась мимо — больших оборонительных сооружений под Дыницами не возводили. Несколько дней в классах лежали раненые, и Школа, серея от чужой боли, отвлекала их видениями пальмовых пляжей, поила прохладной газированной водой. Потом раненых спешно погрузили в машины и увезли. К зданию подлетели на мотоциклах люди в серо-зеленых шинелях, поговорили на лающем языке, прибили к двери табличку «Комендатура». Язык этот незнакомым, однако, не был: семь лет Школа с каждым новым поколением зубрила превращенные в дразнилки спряжения: «Их бине, ду бине, полено, бревно, что немка дубина мы знаем давно...»

«Немку» Гитель Иосифовну ругали зря. Она была близорука и добра, учила терпеливо, не придиралась и судьбу свою последние годы оплакивала лишь оттого, что приходится преподавать ненавистный большинству жителей предмет, который сама она к тому же любила. Эвакуироваться ей было некуда, и ее едва ли не в первый вечер привели на допрос.

— Юде? — обрадовался комендант, рыжий толстый офицер с засученными рукавами, открывающими крупные веснушки до самых локтей. — Это ест славно... Ми вас будет мало-мало стреляйт... Абшисен...

И звучно прищелкнул в воздухе пальцами.

Говорил он по-немецки каким-то сумасшедшим ломаным образом. Словно иначе эта русише лерерин¹ не поймет. Даже после того как она прочла ему с вызовом, стараясь блеснуть университетским произношением:

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем.
А мы — воздушным царством грез,
Там наш престиж бесспорен.

¹ Русская учительница (нем.).

Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.
Как жалко ползают по земле
Все нации другие...¹ —

он лишь презрительно поднял бровь:

— Хайнрих Хайне? Он не ест наш немецкий поэт...

— Что вам от меня нужно? — спросила Гитель Иосифовна сразу же осевшим и тихим голосом.

— Ми вас тоттен нихт...² Ви будет ест переводчик...

— А если я не соглашусь?

— Кто же вас спросит? — брезгливо спросил офицер, переставая коверкать слова. — Отсюда нет выхода!

Он обвел рукой бывший директорский кабинет, уязвимый и голый после того, как фашисты выбросили прямо через окно работы ребят-умельцев. Лишь макет электростанции, превращенный в пепельницу, сиротливо стоял на отдельном стуле. Своим жестом рыжий офицер как бы давал понять, что имеет в виду не только кабинет и это здание, но весь поселок, и захваченный кусок страны, и насильно водворенный новый порядок, — отовсюду Гитель Иосифовне не было выхода. Он склонил голову к плечу и прищурился. Потом решил, что дал достаточно времени на размышление, и вновь шутовски прищелкнул пальцами:

— Ну вот... Абцилен зих³ кости без кожа...

Школе шутки рыжего не понравились. В тот же вечер он скатился с лестницы, схлопотав на коротеньком пролете два перелома и сотрясение мозга. Его преемник, хлыщеватый, сухой как сигарета, обследовал перила и ступеньки, ничего, кроме обыкновенного гвоздя, не обнаружил, гвоздь приказал вытащить, а по инстанции уведомил, что, по его мнению, «гауптман Краузе во время дежурства был не иначе как мертвецки пьян и по выздоровлении подлежит строгому наказанию за временное дезертирство...». На всякий случай новый комендант переселился в спортивный зал на первом этаже и продолжил беседу, после которой Гитель Иосифовну окатили из кувшина водой и усадили сбоку стола спиной к шведской стенке.

Дыницы были районным центром. Комендатура поэтому тоже была районная. Арестованные оказались из ближних мест, почти сплошь свои. Раненый советский офицер. Избитая хуторянка, у которой он прятался. Мужик со станции, произносивший распухшими, окровавленными губами одни ругательства, но так безразлично и сосредоточенно, что учительница даже не краснела. Двойняшки Колька и Котька Бабичи, науськавшие на солдат свою кудлатую собачонку. Студент Сява, не успевший выбраться из заварухи у переправы. Даже комендант понимал: спрашивать их не о чем, дело до безнадежности ясное. Не представляло труда сообразить и что их ждет: в школьном дворе на физкультурной перекладине раскачивались для устрашения жителей задубелые на ветру веревочные петли. А в углу кабинета молоденький, только-только из гитлерюгенда, фашистик Бинк, прикусив от усердия кончик языка, малевал на фанерках, тща-

¹ Генрих Гейне. «Германия. Зимняя сказка», 1844. Перевод Вильгельма Левика.

² Не будем убивать (нем.).

³ Считайте себя (нем.).

тельно сверяясь с бумажкой, русские буквы: «Я ест против немецкий порядок...»

Арестованных заперли в гардеробе, имевшем на окнах решетки, поставили часового. Над парадной дверью вызверился ослепительный прожектор, разрезав вдоль улицы глыбу ночного мрака. В бывшей пионерской комнате под радостный гогот караульной команды один солдат нарисовал на отрядном барабане усаца со звездочкой во лбу, продырявил ему рот и впихивал теперь в дыру «козью ножку»...

До этого момента Олег Молев не вмешивался в дела фашистов. В свою очередь, фашистам не было дела до пионерского вожака. Игры кончились с первым эшелонам на запад, с первым прибывшим в поселок раненым. Проводив на фронт отца, Олег поклялся уйти следом, едва только устроит в безопасном месте сестру и мать, а пока, стиснув зубы, он наблюдал в окно, как волокли к комендатуре военного, слышал, как о чем-то просила часового тетя Настя Бабиц, мать Котьки и Кольки, как, не допросившись, отошла и который час стояла поодаль, теребя концы платка...

Олег нырнул в погреб, протиснулся между бочкой с квашеной капустой и низким сводом, прислушался. Здесь, в изломе подземного тупичка, был центр и фокус сформированного Школой времени.

— Слышишь меня? — одними губами спросил Олег, а может быть, только подумал.

— Да.

Пахнуло необычно сухим для подземелья стерильным воздухом.

— Покажи мне наших...

— Гляди, — безмолвно откликнулась Школа, напряжинивая железные мышцы.

И Олег увидел все так ясно, точно сам находился в темной кладовке технички, где прикорнула между швабрами и ведрами Гитель Иосифовна, или в гардеробе, куда бросили остальных. Ворочался в тяжелом сне раненый офицер. В углу, устав от беззвучных слез, беззвучно икали Колька и Котька Бабицы. Мужик поддерживал ладонью неимоверно обвисшую губу. Студент Сява, обстучав стены, терся лбом об оконный переплет, за которым в темноте угадывалась решетка.

— А те?

Для «тех» у Олега не находилось слов, так, какие-то неопределенные клокочущие междометия.

Он мысленно изменил настройку.

И увидел ржущих и жрущих в классах фашистов. Растоптанный барабан второго отряда. Часовых у гардероба и подъезда. Коменданта, разложившего перед собой семейные фотографии.

И еще Олег ощутил разлитое по зданию беспокойное ожидание, от которого щерится огромная овчарка и тревожно оглядывается пожилой солдат у прожектора.

На миг застывшая перед взором картина поколебалась. Олег уловил молчаливый вопрос Школы, с сожалением покачал головой: нет-нет, вот это уже и впрямь не игрушки, никого, кроме приговоренных к смерти, трогать нельзя...

«Сегодня двадцать третье августа. Не забыл?» — распознал Олег беззвучные слова.

— Ну и что? — не понял он.

— Праздник святого Варфоломея...

— А-а, «Варфоломеевская ночь»... Ну ладно, — сдался Олег. — Только прошу тебя... Полегонечку... Поаккуратнее...

Куривший с бравым видом на глазах у коменданта молоденький фашистик Бинк почувствовал, как в животе его свернулись внутренности, позеленел, на цыпочках проковылял мимо «герр обер-лейтенант», а по коридору и с крыльца такой опрометью сыпанул за угол, что часовой у входа не удержался от смеха:

— Пуговицы не растеряй, молокосос...

Бинк не огрызнулся. Он едва успел опереться о стену, как потерял опору, стена внезапно расступилась. От изумления глаза юнца полезли из орбит, он ослабел и, не решаясь вскрикнуть, въехал в темень и неизвестность. Прикрыв руками голову, передергиваясь от страха, обошел помещение и не смог определить его размеров. Потому, на шарив дверь, не рискнул постучать...

Олег злорадно усмехнулся и тут же забыл про Бинка, потому что очутился уже совсем в другом месте, за много километров от Дыниц, в середине Рябовской пуши. Низкие тучи и глухие кроны деревьев не давали рассмотреть покинутую хозяевами сторожку. Ветер, шумя ветвями, заглушал остальные звуки. Но Олег, связанный со Школой нитью воображаемого времени, знал, что вблизи посторонних нет. Он нащупал в кармане спички, загородившись спиной от ветра, зажег поднятую с земли сосновую лапу.

— Олечка! — Гитель Иосифовна всхлипнула, обнимая его. — Олечечка!

Олег отстранился от нее. Как бы утешая, стараясь казаться взрослее, похлопал по плечам Кольку и Котьку. Приказал грубовато:

— Пишите матери записку, живо! С ума из-за вас сойдет!

И протянул двойняшкам блокнот и карандаш.

Мужик, позабыв про губу, озибался. Упиваясь недолгим правом поучать взрослых, Олег дернул его за рукав:

— Помогли бы лучше военному. Гляньте-ка, совсем плох...

Хвоя, вспыхнув, припекла пальцы. Олег засветил новый факел, подозвал Сяву, принялся чертить на земле:

— Слушай, студент. Вот здесь станция, мост через реку взорван, на ту сторону соваться не стоит. Отсидитесь в сторожке, а там как надумаете. До Мухони тут восемнадцать километров. Знаешь Мухонь?

Сява молча кивнул.

Колька нацарапал несколько слов, отдал записку и бочком-бочком отодвинулся в темноту. А Котька сел наземь, надул толстые щеки и заревел. Олег показал ему кулак и продолжал лихорадочно дочерчивать схему, так как «герр обер-лейтенант» уже свернул у себя в кабинете карту, на которую перед тем невесть с какой стати захотел взглянуть. Сява наморщил лоб, запоминая, потянул Олега в сторожку:

— Что ж мы здесь? Пошли в дом.

— Нет, я назад. Мне пора.

Ему было действительно пора. В фокусе воображаемого времени что-то начинало мерцать и смазываться.

— Жаль... Ну, не благодарю. Сам понимаешь, нет таких слез... Держи пять!

Сява по-взрослому крепко пожал Олегу руку, засветил факел, отвернулся и быстро зашагал к сторожке.

— Пстой! Спички возьми. Пригодятся.

Олег помахал рукой, бросил догоревшую ветку под ноги, притоптал тлеющую головню, и тьма вокруг сгустилась, перестала пахнуть лесом и тучами. Стерильный воздух подземелья сомкнулся за спиной и наддувал тихонько, подталкивая к выходу.

— Спасибо! — одними губами сказал в темноту Олег.

Выскользнув из погреба, он пробрался садами к Бабичам, благо уцелевшие собаки отмалчивались в конурах. Поскребся у окна.

— Кто? — послышался из сеней испуганный голос.

— Откройте, тетя Настя.

Она узнала, открыла.

— Чего тебе, Олежек?

Он отыскал в темноте ее жесткую ладонь, вложил записку:

— Ничего объяснить не могу, вы мне так поверьте, ладно? Все хорошо с вашими ребятами... Они далеко — и в порядке!

— Ой, тошеньки, правда? — запричитала тетя Настя.

Но Олег уже сполз со ступенек и растворился во мраке. Дверь закрылась без скрипа.

Часы для Школы обычно мелькают как мгновенья, потому что на мгновеньях она может сосредоточиваться часами. Конечно, собственный ее опыт был еще невелик, но все же чердачок у нее был ничего себе, вместительный чердачок. Откладывались там разные разности. И грандиозные идеи, посещающие на уроках ушлые ребячьи головы. И туго спрессованные, не вмещающиеся в программу учительские мысли. И невеселые, часто на грани бреда думы раненых. И нелепые, хотя подчас вполне человеческие мечтания поселившихся в здании чужеземцев. Весь этот обобщенный опыт подсказывал школе, что утром следует ждать неприятностей.

Тревога, однако, поднялась раньше. Часовой у подъезда и «герр обер-лейтенант» в кабинете одновременно испытали беспокойство, когда примерно через полчаса не вернулся Бинк. Обер-лейтенант, позевывая, покинул кабинет, заглянул по дороге в караулку, прихватил фельдфебеля Нишке, вышел наружу. Сюда отчетливо доносился треск электродвижка. Часовой лихо выпятил грудь и щелкнул каблуками.

— Бинк обратно не проходил? — как можно равнодушнее поинтересовался комендант.

— Он так ринулся по нужде, что, боюсь, не может теперь собрать пуговиц! — позволил себе почтительную шутку часовой, служивший под начальством обер-лейтенанта еще во времена французского марша. Но поднятая для приветствия рука дрожала.

— Нишке, вызовите молодцов! — Расстегнув кобуру, обер-лейтенант шагнул за угол. — Светите, ну!

Карбидный фонарь осветил следы Бинка на земле и на стене. В одном месте на загаженном цоколе обрисовалось изображение половинки человеческого силуэта. Это было непонятно и страшно — будто Бинка с маху вмазали в стену.

— Оцепить здание! — скомандовал обер-лейтенант. — Жителей из ближайших домов ко мне!

Безотчетная тревога бросила его в здание, к арестованным. Он нетерпеливо стучал по кобуре дулом вальтера, пока часовой пытался попасть ключом в замок. Когда фонарь, обежав пустые углы, задержался на скорченной под подоконником фигуре — ободранной, грязной и безумной, — обер-лейтенанта шатнуло. Он догадывался, что преступники сбежали. Но уж никак не ожидал увидеть в арестантской Бинка. Невероятность происходящего требовала хоть какого-нибудь выхода.

— Заснул, мерзавец! Упустил! — заревел обер-лейтенант и наотмашь ударил часового по лицу.

— Никак нет, не заснул! — ошеломленно возразил часовой. — Отсюда таракан не выползал...

— Разве я тебя тараканов поставил стеречь? — Обер-лейтенант опять замахнулся, но остановился, пораженный мыслью, что Бинк не мог попасть туда, минуя часового. Какой-нибудь паршивый новобранец еще может проспать все на свете, но чтобы ветеран?!

Обер-лейтенант вспомнил, наконец, про электродвижок, щелкнул выключателем.

— Это не я... Не я их выпустил! Поверьте, герр обер-лейтенант, не я!

Быстро перебирая руками, Бинк на четвереньках подполз к сапогу обер-лейтенанта — в глянцевого голенища отразилось безумное, с белыми белками глаз лицо.

Обер-лейтенант брезгливо переступил через Бинка, подошел к окну, подергал раму.

Этим путем арестованные убежать не могли.

А другого попросту не существовало.

Школу вся эта возня не трогала, даже по-своему забавляла. Но когда во дворе залитые мертвящим светом прожектора начали появляться вытасенные из постелей люди — и Воропаевы, и глухая Картузиha, и трое Молевых, и Гришаки полностью, и обе семьи Лицкевичей во главе с дедом Нихором — и неподвижные фигуры с автоматами поперек живота огородили школьный двор чудовищной изгородью, Школа встревожилась не на шутку, дрогнула стрехой, втянула побольше воздуха.

Сначала на крыше сотрясая прожектор, качнув перед собой световое поле. Затем из парадной наполовину высунулся глиста-обер-лейтенант и приказал автоматчикам занять в здании круговую оборону. Выкрикивая слова команды, он как-то странно ежился, передергивал плечами. Часовому, который стоял ближе других, подумалось, что там, за дверью, герр обер-лейтенант, видимо, взгромоздился на табурет: голова того почти доставала до притолоки. Удивление часового возросло еще более, когда, отпечатав строевой шаг точнехонько под туловищем коменданта, он увидел, что оно вообще ни на чем не закреплено, а вовсе даже неуважительно подвешено в воздухе. Стараясь не подрывать командирского авторитета, часовой ухватил двумя пальчиками обер-лейтенанта за подковку и потянул вниз. Тут, однако же, его начальник повел себя ну совсем уж неприлично, захихикал вроде бы от сильной щекотки и, плавно взмахивая ладонями, полетел задом наперед в кабинет.

— Bravo, bravo! — заплодировал, выронив карабин, фельдфебель Нишке.

В это время загрохотали сапоги, и, оттеснив фельдфебеля, в коридор ворвались автоматчики. Но никакой круговой обороны не заняли, а, аккумуля-

ратно разложив на подоконниках готовое к стрельбе оружие, тихонечко построились попарно, взялись за руки и промаршировали в спортивный зал. Посредине зала в полу зияла воронка, над ней кругами витал герр обер-лейтенант.

— Смелей, ребята! — обрадовался он. — Вперед, за фюрера!

И ласточкой порхнул вниз.

За ним дружно прыгнули автоматчики, караульная команда, полуотмытый Бинк, часовой. Последним, зажав большими пальцами уши, а указательными ноздри, ушел в глубину фельдфебель Нишке. Воронка чмокнула и с всхлипом затянулась.

Странное сие происшествие имело свое законное продолжение в весьма отдаленной части света, а именно: в Африке. В тот день нганга племени кц-тц просил Великого Духа переговорить там с кем надо об удачной охоте. Едва колдун разбросал вокруг костра горсть сытых камушков уух и они легли удачно, тяжелая жертвенная колода, которую не могли бы откатить и шестеро мужчин племени, приподнялась одним концом и изпод нее, скрипя блестящими голенищами, затяжными балетными скачками вынесся бледнолицый великанчик. За ним парами, как в детской игре в воротца, выпархивало еще много-много, даже больше чем много веселых, покорных наговору нганги, упитанных великанчиков.

Неизвестно, чем там в конце концов завершилось дело, поскольку Школа потеряла к фашистам всякий интерес.

Следует, однако, сказать, что предметом зависти соседних народов стала с тех пор бесценная реликвия племени кц-тц — высокие лакированные сапоги, достающие рослому пигмейскому охотнику ровно до бедренной повязки.

Выстроенные во дворе Школы люди недоумевали. Мимо к зданию торопливо прошествовал весь дыницкий гарнизон. За школьной дверью исчезли авоматчики. Связисты. Пьяный интендант. Солдаты. Полуодетые офицеры. Еще солдаты. Жена фельдфебеля Нишке. Пулеметчики с пулеметами, которые они тащили дулом вниз. Щеголь с фотоаппаратом. Снова солдаты, теперь уже опоздавшие, поодиночке. Коротышка-повар, на бегу оципывающий курицу. Потом никто больше не пробежал. А внутри по-прежнему было тихо, и чем дольше царило безмолвие, тем больше оно пугало.

Постояв, сельчане начали оглядываться, перешептываться. Наиболее смелые сделали несколько осторожных шагов вперед. Олег прокрался к самой двери. И прежде чем захлопнулся канал всесильного школьного воздействия на время, успел застать в центре Африки праздничную примерку амулетов.

— Ура! — закричал он, выбегая на крыльцо. — Сгорели фашисты, труба им с кочережкой! Надо и нам уходить — опасно оставаться. Схоронимся пока по хуторам, в леса подадимся. А там — сами знаете, кому наши руки и головы нужны. Пойдемте, мама!

«Постой, куда ты? — распознал Олег слышные одному ему слова Школы и почувствовал, как напряглись под рукой перила. — Здесь вам ничто не угрожает. Хватит места и Катюшке, и матери».

«Что ты! — Олег покачал головой. — Война — это тебе не игрушки!»

«Игрушки? — с нажимом переспросила Школа. — Хорошенькие игрушки, снова-здорово! Видал, как я с «этими» расправилась? А разве

наших не лихо выкрала? Да сюда до конца войны и близко никто не сунется. Я сильная!»

«Всю страну не прикроешь, никакой твоей силы не хватит, — с сожалением сказал Олег. — А отсиживаться я не намерен. Прощай!»

«Но ты вернешься? Честно, вернешься? Обещай мне, я буду ждать».

Вместо ответа Олег, сойдя с крыльца, дружески погладил цоколь здания.

Школа вытянулась сколько могла и прислушивалась к еле уловимым шорохам в ближних улицах. Люди собирали немудрящую поклажу, закапывали кое-какие вещи в огородах, укутывали детей. Перед уходом кто крестил родной угол, кто просто замирал на секунду, всей душой впитывая вид покидаемого крова. Пустели сначала соседние, потом дальние дома. Холодная сырость покинутых жилищ подползала и накапливалась в стенах школьного здания. Дальше и дальше у горизонта маячили слабые человеческие силуэты. Школе было трудно уследить за всеми. А если честно, то на всем белом свете ее интересовал один Олег.

Вот он оглянулся издалека и поднес к плечу сжатый кулак.

Как когда-то в Испании. Только совсем не по-игрушечному.

«Береги себя», — молила Школа.

Но он ее уже не слышал.

Школа стряхнула с крыши прожектор, чтоб не мешал рассвету, и зябко съежилась, ожидая продолжения событий.

Утро застало в Дыницах пустые хаты. Примчавшийся с донесением мотоциклист поносил тыловикив почем зря: ему было невдомек, куда мог подеваться целый гарнизон со штабом, интендантом, связистами и поварами, где в конце концов местные жители? Мотоциклист не рискнул ни поесть, ни попить в покинутой столовой и умчался, еле дыша от ярости.

Через четыре часа прибыли два грузовика, но были обстреляны разложенными вдоль школьных окон автоматами. Еще через три часа приползли танки. Застонали деревья. Запылали хаты. Школа гореть не хотела — на одного особенно ретивого поджигателя, обливавшего изнутри керосином класс, свалилась перта. Этого уже боевой дух майора Люффе допустить не мог. Майор вскочил в свою «толстушку Китти», отвернул пушку, тронул рычаг. Траки заскребли по стене, как по надолбе, танк вскинуло чуть не под козырек крыши и отшвырнуло, словно котенка. Люффе вспылил, надвинул на лоб шлем, даванул газ. «Китти» попятилась и с разгона врезалась в непокорное здание. Мотор взревел. Машина зазвенела от натуги — и, не оставив на стене ни трещинки, всосалась внутрь. Техники ринулись в двери — Школа была пуста, как резиновый мяч.

Друзья Люффе озверели, подогнали танки вплотную и начали бухать в здание прямой наводкой. Взрывы всплескивали дымно и смрадно, вышибали фонтаны штукатурки. Третий залп оказался удачным: снаряды прошли здание насквозь, и один из них подчистую снес башню занявшему позицию напротив «Сарацину». Огонь прекратили, саперы попробовали сверлить шурфы в фундаменте, ничего не добились. Продолбили желоба вокруг, нафуговали тротила, подвели бикфордовы шнуры. И шарахнули... Школа ни чуточки не пострадала. А вот в Мексике ни с того ни с сего со страшным грохотом началось извержение вулкана Попокатепетль.

Школа поняла, что просто так от нее не отстанут. Ей надоели эти болтающие не по-русски профессионалы войны. Кроме того, саднило ободранный цоколь... Она переступила затекшими от неподвижности бутовыми опорами, потихоньку опустила на корточки, чуть-чуть пошевелилась, устраиваясь, и раскатилась поудобнее и надолго. Наутро вместо целого здания фашисты нашли на косогоре кучу развалин.

Фронт отодвинулся. Война больше не касалась дремлющих стен и выбитых окон, никого не интересовал разоренный памятник Детству. И хотя гибель дыницкого гарнизона тщательно засекретили, слухи по армии все же распространились: случайно проходящие рядом фашисты не забывали сделать пяток-другой выстрелов по легендарным развалинам...

В дальнейшем уже не часы и даже не дни, а годы промелькнули для Школы как одно мгновение. Первое время она еще жила воспоминаниями о «Дыницкой битве», затем и они притупились. Напряжение того дня отняло много энергии. Но страшной напряженности, страшной накатившей следом опустошенности осознавалось предательство друга, который не пожелал остаться вместе с ней. Ах, как бы они вдоволь потешились над этими гадами, как бы она, снова-здорово, еще могла пошуметь! Но Олег молчал. И Школа замкнулась, закаменела в собственных обидах и переживаниях. Терялась даже власть над временем.

Однажды, правда, Школа почти ожила — когда в развалины здания забрела умирать ослабевшая от голода девчонка. Школа собралась с силами и переправила бедолагу в тень смоковницы на берегу арыка, насыпала ей полный подол персиков и сушеного урюка. К этой... К тетке Мариам... Точно, к ней...

Второй раз Школу вывело из безмыслия возвращение семьи Лицкевичей. Школа «по складам» распрямилась, застегнулась, расставила мебель — кто бы поверил, что почти четыре года она лежала в руинах? Впрочем, начали Лицкевичи с того, что прямо в классах принялись рубить на дрова сбереженные Школой парты...

Появились Молевы. Удивленно качали головами, глядя на чудом уцелевшее здание. Школа востропнулась, повеселела, вытянулась в полный рост двух своих этажей. Но как ни всматривалась, как ни мигала единственным сохранившимся, заросшим копотью окошком, любимого директора среди вернувшихся в Дыницы жителей не находила. Школа дала себя разминировать, восстановить, раскрасить — и снова потухла. Особенно охорашиваться не приходилось: Дыницы только-только отстраивались. Жители засыпали битым кирпичом воронки, выкапывали в огородах у кого что сохранилось...

И беспрерывно говорили о войне, которая укатила на запад и шумела по ту сторону границы.

Говорили также о немецких и чешских городах.

О пропавшем без вести Леониде Петровиче.

О погибших.

Об инвалидах, которым посчастливилось уцелеть.

О карточках.

О победе.

О голоде.

О письмах.

О керосине.

О взорванной водокачке...

О водокачке говорили особенно много, потому что всего два колодца удалось кое-как вычистить, и долгие очереди с ведрами-коромыслами собирались возле них с самого утра.

Школа вслушивалась в разговоры.

Вглядывалась в знакомые и незнакомые лица.

И мало что понимала.

Учителя казались незнакомыми — даже те, кто работал в Школе до войны. Гитель Иосифовна горбилась, все больше молчала, запрещала себе вспоминать последние четыре года, будто их и вовсе не было в ее жизни. Ботаника после контузии все время преследовала одна и та же картина: переполошенный желтобрюхий шмель с надрывным «хейнкельным» во-ем пикирует на качающуюся кашку клевера...

Незнакомыми, серьезными и озябшими выглядели дети: из прежних учеников Школа не досчиталась больше половины, а некоторых, пожалуй, что за своих прежних и не признавала...

Но главное — не хватало старшего Молева.

Школа поворачивалась к каждому новому человеку, всюду искала Леонида Петровича, верила — вернется! Ей не так уж трудно было поверить в чудо. Ведь она сама когда-то умела творить чудеса...

Но вот в директорском кабинете водворился маленький шустрый человечек. Пустой рукав пиджака был аккуратно заправлен в карман и пришпилен булавкой. Дела быстро завалили нового директора, слушать никого, кроме себя, он не успевал, а у Школы не возникало желания чем-нибудь ему помочь. Она беспрерывно сравнивала его с Леонидом Петровичем и — нет, не находила в нем ничего родного.

Вражды к маленькому директору она не питала. Он по-своему был заботлив, хоть и не думал о ней, как о живой. Что ж, в конце концов не каждому дано прочувствовать душу здания, а чтобы вдохнуть ее в мертвый камень — тут одной заботы мало, тут даже любовью не обойдешься — талант нужен. Маленький директор оказался на редкость скучным. Хлопоты его были необходимы, но тоже невыносимо скучны. Понятно, время такое — не до веселья. Где уж веселиться, когда простых тетрадок и тех нет, пишут ученики на обрывках газет. Тем не менее едва маленький директор начинал нудно перечислять свои дела: дрова, кирпич, жуе-лица на покрытие двора, новые трубы для колонки, стекло, фанера, чер-нильные таблетки, перья ученические, краска, выпрошенные в городе в долг портреты ученых, отчет в роно — уф! — Школа тотчас затыкала слуховые окошки на чердаке и непроизвольно вздрагивала.

Она бы простила человеку эту его нудность, да вот ведь незадача — старался маленький директор вовсе не для Школы, не для ребят, не для учителей, старался для того, чтобы в роно заметили его старания. Оттого суетился и неустанно что-то доставал, доставал, доставал... Оттого и Школа при нем ощущала скованность — как внезапно переодетый для гостей мальчуган: вынули тебя из повседневного костюмчика — и вот уж ни на травке тебе поваляться, ни на дерево залезть, ни погонять лапту!

Ошеломленная этими мощными и вместе с тем равнодушными заботами, Школа поняла, что ждать дальше своего директора бесполезно. В полной мере она поняла это тогда, когда и с третьей, и с четвертой попытки ей не удалось отыскать Молева-старшего. Воображаемое время

раз за разом рисовало картины одного только его прошлого, отнюдь не настоящего. Значит, ни в воображаемом, ни в реальном мире Леонида Петровича больше не было.

Школа заскулила, насмерть продрогла, и в эти дни ее невозможно было натопить. Маленький директор бегал в ужасе по коридорам, вздымая единственную руку: «Экая прорва! Сколько дров жрет! Не напасть на тебя!» Но и эта совсем прежняя, из довоенной жизни, Леонида Петровича фраза не примирила ее с тем, кто теперь считал себя здесь хозяином.

Школа кинулась к людям. Она пыталась настроиться сразу на всех и на каждого поодиночке. Она мечтала хоть кому-нибудь пожаловаться...

Но ни старое, ни новое поколения не откликнулись на ее зов. У каждого человека была своя история — такая, что не приведи бог! Кто же имел время и желание интересоваться чужими болячками?!

Встреча с Олегом Школу тем более не обрадовала. То есть встреча попросту не состоялась. За четыре года Олег здорово переменялся. Он будто бы стеснялся прошедшего в этих стенах детства. В классе не задерживался. На переменах торопился домой сразу после звонка. А до дома Молевых издерганная и растраченная Школа не доставала. Силы ее только-только хватало на уголок под лестницей и кусок второго этажа — памятное помещение, с двери которого так и не сняли наполовину расколотое стекло с облезшими золотыми буквами:

ДИРЕКТОР Молев Л. П.

Школа не могла справиться с собой одна. Ей нужен был хоть кто-нибудь...

Однажды она все же подстерегла Олега. Олег пробрался в пустой кабинет и расплакался, упав головой на бывший отцовский стол. Почувствовав спиной участие и вопрос безмолвных стен, он сжался, затих.

Школа не удержалась, сотворила у окна нескладную, приземистую, дорогую им обоим фигуру: отсюда, заложив руки за спину, Леонид Петрович Молев распекал тех, кто сорвал урок. Но Олег укоризненно отвернулся, сгорбился и вышел такой походкой, что у Школы от стыда едва не истлела похороненная под глиной дранка.

Мальчик вырос из игрушечных чудес. Единственное же чудо, какое он хотел и ждал, Школа устроить не умела.

После этого Олег окончательно отдалился, а Школа снова ушла в себя.

За свои годы она так и не привыкла к разлукам. До войны у нее было мало собственных выпускников, она не успела к ним привязаться. По существу, и Леонид Петрович, и Олег были первой ее потерей, и как всякая потеря — абсолютно невозполнимой. И все же гораздо больше Школу мучили обида и непонимание. Ну, Молев-старший — это война, это нимало от нее не зависело. Но Олег? Каким образом она утратила Олега? Что ей делать без него?

Пришлось приучать себя к неизбежному: что маленькие человечки подрастают и, подрастая, уходят. Уходят в самостоятельный мир, куда Школе — с ее вечными заботами детства — вход воспрещен.

Но если так, чего же грустить? Пусть подрастают. Пусть уходят. И Олега можно причислить к подрастающим и уходящим. Пора.

Ах, жалко? Ах, не с кем будет перекинуться мыслями? Их ведь так мало, понимающих, не правда ли? Но так ли уж хорошо иметь их много? Ведь чем больше найдешь, тем больше в итоге потеряешь...

На это открытие, да и на то, чтобы привыкнуть к нему, тоже требовалось время. Правда, теперь оно появилось у Школы в избытке. Но ровно ничего для нее не значило.

Школа попробовала задуматься и думала очень долго. Год или два. Во всяком случае, когда она вновь огляделась, куда-то пропал Олег.

Проще всего было спросить у Катюшки Молевой. Но девочка по-прежнему не слышала Школы, а Школа была глухой к Катиным мыслям. Еле-еле уловила лишь злость на Олега, испуг и боль.

Это отняло у Школы последнее желание отличаться от других домов поселка. Сила ее почти иссякла, Школа медленно превращалась в бесчувственную незатейливую коробку, лишь случайно отведенную детям. Сухость и равнодушие коржили Школу изнутри хуже короеда. Ревматически поскрипывали полы. А жадную к солнцу и дождю черепицу стараниями маленького директора заменила железная кровля.

Короче, к тому моменту, когда двадцать третьего августа неизвестно какого года она услышала знакомые шаги, от прежней Школы в ней оставались лишь стены, забитый черный ход да отмытое после войны оконце в кладовой технички. Еще не веря себе, не пробудясь окончательно, Школа исхитрилась заглянуть в учительской в закрытый шкаф, заметила дату в классном журнале. «Ну и ну! — могла бы она вздохнуть, если бы помнила, как это делается. — Снова-здорово, дождалась! Шесть лет не видались!»

Сначала показалось, вернулся Леонид Петрович — приземистый, обстоятельный, широколицый... Однако меж тонкими губами не просвечивала полоска золотых зубов...

Олег прошелся по двору среди молодых, недавно высаженных деревьев. Качнул ручку насоса — из колонки под жалобный всхлип пролилась струйка воды. Постоял у делянки два на пять метров неведомой ему Люды Помельниковой, пятый «б». Тронул колышек с фанерной табличкой «Лютесценс-62». Этот сорт пшеницы, похоже, вывели недавно, при нем еще такого не было. Впрочем, его одногодкам было не до забав с условными урожаями на условном микрогектаре. Они с матерью вставали в четыре утра и шли за восемь километров копать настоящий огород, без которого им бы попросту нечего было есть...

Олег понял, что нарочно медлит и что все равно нельзя тянуть до бесконечности. Еще малость он задержался на углу здания, прислонившись к нему плечом. Глубоко вздохнул. И направился к крыльцу, более чем всегда похожий на отца.

В Школе было пусто и тихо. Пахло краской. Олег решил, что в своей подготовке к новому сезону Школа его не заметила и не признала. Так, вероятно, и должно быть после стольких лет.

Олег переступил порог, разулся, на цыпочках прошелся по свежему, липнущему к носкам полу. Коридор явственно укоротился и сузился. Классы тоже помельчали. Парты сияли черным глянцем, как сапоги

сгинувшего дыницкого обер-лейтенанта. Глянец, если присмотреться, был положен без шпаклевки, прямо поверх царапин и трещин.

«Отец бы не допустил такой небрежности», — подумал Олег, с трудом затискивая острые нескладные колени под крышку второй парты от окна. До войны это была его парта, его и Бориса Мокеева, которого фашисты расстреляли под Мухонью. Впереди сидела Райка Лицкевич, ябеда и плакса, однажды он окунул в чернильницу ее белобрысую косичку...

Тяжелая волна пошевелила Олегу волосы. Будто кто-то невидимый подышал в затылок.

— Ты слушаешь? Откликнись! — попросил он. — Как жила без меня? Ждала?

Он мог бы и не спрашивать. Конечно, ждала. И звала.

«Где ты был? Почему так долго?»

Ну вот, долго. Олег прикусил губу. Там, откуда он приехал, скоро не бывает. Не бывает скоро, если хочешь по-настоящему набраться ума. Вон и Катька заревела: долго! Совсем невеста, девятый класс... Пришла домой — они уж с матерью и наговорились, и чаю попили. Отворил ей, а она не узнала, тянет дверь на себя, загораживается, как от вора... Короткая память у людей. Да и у зданий не длиннее.

В сорок пятом их опьянила победа — пятерых бывших разведчиков, вездесущих партизанских связных, старшему из которых не исполнилось и шестнадцати, — опьянила и заставила вспомнить, что они так и не успели побыть мальчишками. Не разведчиками, не связными, а просто мальчишками...

Наверное, слухи были сильно преувеличены. Наверное, не так уж много обтрясли они садов (потому как и сохранилось их всего ничего), не так уж много похитили кринок молока (только-только начали обзаводиться хозяева кто коровой, кто козой). Но рано или поздно им должно было не повезти.

Темные погребка на хуторах слегка напоминали собой вражеские блиндажи. Шалости свои мальчишки не воспринимали всерьез. К тому же обнаружили ужасную несправедливость: семьи, в которые вернулись отцы, жили завидно лучше! Ох как трудно было на переменах отводить глаза от чужих бутербродов с черт-те как пахнущей колбасой! Мальчишкам не просто было разобраться, кто в чем виноват, когда они ставили на воротах тайные косые крестики. На время им показалось, война продолжается...

Скорее всего, им бы ничего и не было — хозяйки не особенно жаловались. Подумаешь, поозоруют чуток ребятишки — кто в их возрасте не озоровал? Но когда «разведчики» засыпались, родители чуть не сошли с ума и поторопились развести их подальше друг от дружки. Олега мать спровадила на север — к дальним родственникам, в рыболовецкий совхоз. Продубленный морем, ветром и селедочным рассолом, он окончил там десятилетку и ничуть не озлобился от тяжелого труда и непривычной жизни.

Пока не осознал, что не может дальше жить без дыницкой средней...

Осознавалось это долго. Сначала было просто неуютно среди чужих людей и домов. Куда-то все время тянуло. Что-то надоедливо пощипывало в левой половине груди. Не выходили из головы мать и Катюшка.

Потом начали сниться какие-то странные сны...

Чаще других снились два. Оба цветные. И четкие — как в кино.

Один изображал старинный бал. Дамы и кавалеры в средневековых нарядах заворуженно кружились под грустную мелодию клавесина «Там вдали за рекою погасли огни, в небе ясном заря догорала...». Подле роскошного усатого сеньора кто-то с удивительно знакомым лицом, босиком, в синих галифе и нижней рубашке дрался на шпагах с шестеркой рослых мушкетеров. Потом куда-то скакал на коне. И вдруг, вылетев из седла, бесконечно долго падал щекой на кирпич...

Второй сон был не озвучен. Будто бы в пыли и пепле безмолвно и невыразимо медленно оседало, разваливалось, раскатывалось по камешку красивое здание с колоннами, портиками, башенками и тончайшей резбой стен. Но не успевала развеяться пыль, как все каменные осколки взмывали кверху и вновь склеивались в целое здание. Олег не подозревал, что это Школа по сто раз за ночь умирает вдали от него, что это для него она украшает себя колоннами и башенками, из-за которых как раз он ее и не узнает.

Сам Олег Школу не вспоминал, старался не вспоминать: она и отец всегда жили вместе, без отца Школа была ему не нужна.

Однажды Школа не выдержала, открылась, пустила по магнитным силовым линиям на север всю свою тоску. «Олег, ты слышишь? Это я. Я! Я! — кричала она. — Мне плохо. Мне ужасно одиноко без тебя! Я не могу одна! Приходи!»

Олег чинил мотор на катере, когда тоска эта доплыла до него и сгустилась вокруг. Катер был вытасчен на берег, детали мотора аккуратно сложены на мешковине. Поодаль рыжая остроухая лайка катала между лапами пустую банку, вылизывая в тысячу первый раз давно выветрившиеся остатки сгущенки. Вдруг лайка подняла морду и глухо зарычала.

— Чего скалишься? — спросил Олег, не оборачиваясь. — Учучу тебя, а все без толку, пустолайкой живешь. Впрочем, извиняюсь, необходимому тебя мать-природа и без меня выучила. Может, не высшее, но уж среднее собачье образование от рождения тебе дано. Как говорится, собаке собачья жизнь. А вот человеку не повезло. Беспомощным приходит в мир, без помощи и человеком не может стать. Тут, в этом деле, понимаешь, никакому животному не доверишься. Поскольку волки, к примеру, из младенца лишь волчонка способны вырастить. Собаки — щенка. И даже наши уважаемые лазающие по деревьям предки могут выпестовать лишь обезьяныша. Выходит, милая псина, кому-то непременно надо идти в учителя. Без нас, понимаешь, в мире одни волки расплодятся. Свиньи. В крайнем случае, бараны. А человек — нет, человека учить надо, ясно?

Олег впервые примерил к себе это звание — учитель, до этого он как-то не задумывался о будущем. Ему хотелось добавить, что не кому-то вообще, а л у ч ш и м надо идти в учителя, только л у ч ш и м доверит человечество новое поколение, потому что горячая это точка сейчас на земле — воспитание. Однако сказать так о себе не позволяла скромность. Такие слова неудобно произносить вслух, даже если твой единственный слушатель — рыжая остроухая лайка. Другой вопрос — произнесены эти слова или не произнесены, главное, они пришли на ум...

«Да-да, это правильно, это по-молевски!» — восторженно ответила Школа на беглые Олеговы мысли, и прежняя гордость за эту семью

пробудилась в ней, и закатным румянцем зардели окна — будто ямочки на улыбающейся детской рожице. От этой улыбки на парту вспрыгнул веселый блик. В точности как на алгебре в шестом классе. Но в тот раз, прежде чем приморозиться к крышке парты, солнечный зайчик нырнул в чернильницу-непроливайку. Олег тотчас вообразил, как блик, испугавшись в чернилах, фиолетовой кляксой поползет по спине сидящей впереди Райки Лицкевич, наследит в ее аккуратной тетрадке, перепрыгнет на классный журнал и замажет все ее пятерки, — и ему стало смешно. Однако вдвое смешнее ему стало после того, как он, переглянувшись с Борькой Мокеевым, понял, что тому пришлось в голову ровно то же самое.

Если смеяться нельзя, смех раздувает человека изнутри, словно водород — воздушный шар. Смех может даже приподнять над партой или вообще вынести вон из класса. Мальчишки крепились из последних сил, надувались и багровели, зажимая кулаками губы. Но беззвучный вначале, смех все же сотрясал тела, и подлая парта затряслась под ними и выдала их. Олег с Борькой не выдержали, сумасшедший смех взорвал тишину. Математик, конечно, тут же выставил их вон. Олег с Борисом, изнемогая от хохота, перебежали двор и спрятались в туалете. С ними творилось совсем уж какое-то непотребное веселье. Они тыкали друг друга пальцами и вновь закатывались, повизгивая словно цуцки. Наконец смех иссяк в них досуха, до икоты, и казалось, уже ничто в мире их не рассмешит. Как вдруг взгляд Олега упал на стенку, где какой-то грамотей вывел ногтем на инее, переставив в спешке буквы: «Борбун!» И колики начались снова. Их ломало и корежило, и не погибли они в корчах лишь потому, что боялись свалиться... После уроков обоих вызвали к директору. Леонид Петрович набычился у окна, заложив руки за спину. В строгости своей он не отличал сына от других учеников. Может, не за одну только любовь к французской династии прозвали директора Бурбоном?

...Невероятно изогнувшись, Олег положил подбородок на поставленную ребром крышку парты, качнул ее локтями. На свету сквозь глянец проступили матовые следы букв: «Люда + я = семья...» Потом кто-то от души потрудились, превращал «семью» в «свинью».

Это наверняка другие парты. Не довоенные.

Впрочем, и на тех, довоенных, Олег не успел в детстве вырезать своего имени...

Он сжал кулак, придавил крышку рядом с надписью. На побелевших основаниях пальцев яснее обозначилось: О-Л-Е-Г.

За шесть лет чего только не выколешь на своем теле, чтоб выглядеть настоящим мужчиной!

Невмоготу.

«Еще. Еще!» — подзадоривала Школа. И едва закончились кадрики прежнего нелепого воспоминания, тут же резво выдернула из забытья пустырь за железной дорогой и Раечку Лицкевич. На плече у нее доска раз в восемь длиннее самой Раечки. (Олег тогда уже был в Раечку влюблен.) Смело кашлянув, он предложил помочь. Раечка покраснела и отказалась. Настаивая, он потянул доску. Доска и так почти доставала концами землю, а теперь провисла окончательно, потонула в бугорок, Раечку повело сначала вперед, потом назад, потом боком. Раечка

сбилась с шага, засеменила и побежала враскачку прочь. Не оборачиваясь, Раечка сказала ему: «Дурак», но в общем-то без толку, потому что он успел обругать себя раньше и гораздо обиднее...

— Твои нынешние любят? — ревниво поинтересовался Олег. — Ты знаешь про них?

Школа ответила не сразу. Спрессовала в одном мгновении все сложившиеся с ее судьбой судьбы. Вычла войну. Разделила пополам. Как задачки в учебнике: «со звездочкой» — повышенной трудности, для смекалистых, облегченные — для середнячков. Извлекла корень. Десятки крошечных человечков!.. Кому из маленьких личностей она помогала? И кому помогла? Имеет ли она право выдавать чужие тайны? И чью именно выбрать наугад?

Но это же Олег. Свой. Своему можно и тайну доверить. А Олег уж такой свой — по кирпичику наизнанку вывернись, ближе не найдешь...

Разве вот только теперь Алик...

Рыжий. Застенчивый. Непомерно угловатый, как деревянный плотницкий сантиметр.

Школа притушила окна и тихо скрипнула усталой чердачной балкой.

Олег вдруг увидел Дыницы с самой высокой точки — с конька школьной крыши. Словно огромный добрый слон неожиданно вскинул его хоботом себе на шею. Люди отсюда выглядят маленькими. И о каждом все знаешь. Как во сне...

Каждый день по дороге в Школу Алик встречает девочку. У нее карие волосы и русые глаза... То есть наоборот: русые глаза и карие волосы. И чудное имя Джемма. Она тоже шагает в школу. Но в другую. В железнодорожную.

Вид у нее неприступный и гордый. Не познакомишься.

А Алик мечтает об этом второй год.

Валера — друг Алика. Валера учится вместе с Джеммой. Его прозвали Профессором, и не зря: он прочел все книги в библиотеке, собирает коллекцию минералов, а в свободное время выпускает для своего ободранного Мурзика «Кошачий вестник»...

Проницательный человек не может не заметить, как на его глазах сохнет от любви друг. Особенно ежели прямо в руки этого проницательного человека вытряхнут невзначай из комсомольского билета девчоночьей фотографии, переснятую с Валеркиного классного снимка. Сначала Профессор не подал вида. А потом придумал великолепный и безошибочный план. Главное ведь что? Заставить девочку заговорить с Аликом...

На перемене Валера попросил Джемму срочно передать записку тому парню, которого она встречает утром по пути в школу. «Он такой высокий, с птичьим лицом, от застенчивости немножко сутулится. Шея у него из-за этого будто дважды изогнута: от плеч идет вперед, потом одумывается и утаскивает голову обратно. Ай, да чего там: его легко узнать! Очень важная записка...»

Джемма девочка вежливая. Может, и впрямь срочное дело, как не помочь?

— Ваш друг велел вам передать... — тихо сказала она на следующее утро, задержав шаг перед Аликом.

Алик, уже три дня посвященный в Валеркин план, «загреб» длинной рукой воздух вместе с бумажным конвертиком едва ли не раньше, чем следовало, нелепо крутнулся, побледнел и на негнувшихся ногах пробежал по инерции дальше, одинаково боясь и поблагодарить и обернуться.

Если Джемма хоть одним глазком заглянула в записку, то наверняка от изумления потеряла аппетит. Потому что в записке излагался — ни больше, ни меньше! — рецепт против ночной невесомости: «Возьми грамм сала саранчука... Домелка разотри свинцовую пломбу... Равномерно смешай их, добавляя по капле мушиной обманки... Через замочную скважину слей на дно крысиного камня... Нагрей до образования пены... Не давая остыть, раствори получившуюся массу в стопке циркульной кислоты... Намазывайся каждый день после полета...»

Бессмысленнее этого трудно было что-либо вообразить. Тем не менее Алик и Джемма начали при встречах здороваться.

Олег выкарабкался из неудобной парты, подошел к окну. Дыницы отстроились заново. И хотя каждый дом был возведен на прежнем, довоенном месте, поселок целиком мало напоминал те прежние, довоенные Дыницы.

Этот новый мальчик Алик тоже ничуть не напоминал Олега ни характером, ни внешностью. И все же был чем-то понятен и близок. Ревнивое чувство снова шевельнулось в сердце.

«На кого променяла! — подумал Олег. — Значит, ей все равно кто, лишь бы рядом?»

«Он тебе понравился?» — замирая, спросила Школа.

«Парень как парень, — проворчал Олег. И застыдился: — Нескладный какой-то, уязвимый... Но славный...»

«Ты слишком долго не приходил...»

Олег вздохнул. Вот опять — долго. А что такое долго? Для кого долго? Он не мог вернуться сюда побежденным. Когда-то он не выдержал встречи с полуразрушенным памятником Детству. Можно сказать, предал. Но рано или поздно он понял. И вернулся. Потому что для каждого человека существует единственное место на земле, где он нужен. Для победы требуется время. Особенно — для победы над собой.

Отчего ж ты тогда обиделся? На весь мир, на Школу? Вырос — уступи место. Уступи тому, кто в свою очередь оставит Школе свое имя... Лучше подумай, чем близок тебе этот парень. Уж не чудом ли нерастратченного детства, завершающегося сейчас у тебя на глазах? Вполне благополучного детства, дважды отнятого у тебя войной...

Может, и Олегово детство сохранилось где-нибудь в этих стойких стенах? Может, ждет его? Может, удастся повторить его с другими мальчишками и девочками? Например, хоть с этим угловатым Аликом — с его странной любовью и до абсурдности верным другом? Если очень повезет — детство будет возвращаться с каждым новым поколением, с каждым таким вот утомительно неприспособленным к жизни Аликом. Можно будет вживаться в бесчисленные чужие детства, которые никогда не заменят ему одного. Своего.

Олег уселся за учительский стол. Мысленно населил класс разными человечками, каких только мог припомнить или представить. Получи-

лось несоразмерно и необъемно, вроде рисунка в стенгазете: маленькие фотографические головки на немощных искривленных тельцах. Так же мысленно Олег бросил на парты тетрадки, пеналы... Но это ничуть не улучшило картины — что ни говори, непривычно из-за учительского стола видеть знакомый класс!

Олег задумался. И как всегда, когда задумывался, достал нож, выщелкнул лезвие и начал в бешеном темпе отстукивать острием между растопыренными на столе пальцами левой руки. Столешница оцетинилась рябью точек, слабо обозначивших контур веера или фантастического плавника. Школе стало прохладно и колко, но она не остановила его. Не остановила даже тогда, когда он ночными штрихами вырезал на учительском столе: О-Л-Е-Г.

И чуть погодя рядом: Б-у-р-б-о-н.

Здорово, если детишки прозовут его так же, как когда-то прозвали отца...

Олег Бурбон.

Школа тайком затушевала одно слово и добавила другое. В точности как помнил слой давно отбитой штукатурки: Бурбон златозубый.

Взвесила то и другое.

И остановилась на новом варианте.

Олег Бурбон.

Так, пожалуй, звучит современнее.

Олег Молев встал, потянулся, посокрушался о дорогах, которые непростительно долго вели его в свой класс.

«Бурбон! — явственно прозвучало знакомое слово. — Бур-бон!»

Внизу едва слышно хлопнула дверь. Школа вглядывалась пристальными настороженными стенами, вслушивалась чуткими полами.

По этажу, прилипая босыми ногами, оставив на краске пыльный след, крался застенчивый жердина Алик. Под лестницей возле заколоченного черного хода, где спасались от директорского гнева изгнанные с урока ученики, Алик отодвинул швабру, присел на перевернутое ведро. Почему-то здесь отлично мечтается, легко переносить неудачи. Даже затянвшееся полужнакомство с Джеммой теряет здесь горькую остроту...

«Прости! — прошелестела Школа над самым Олеговым ухом. — Ты и так сильный. Я тебе больше не нужна...»

И всей своей чудодейственной силой перетекла под лестницу.

«Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная!» — зазвенело, запело, засвистело во всех бездействующих дымоходах.

Прекрасная вечная Страна. Страна имени Детства.

«Нашего имени», — почему-то подумал Олег. И еще: как же она ошибается, хоть и умеет слушать не только себя. Не нужна? Еще как нужна! Еще более чем всегда нужна ему эта необыкновенная Школа, которую когда-то построил своими руками отец!

На один миг Олега одолела грусть. Всего лишь на миг. Но грустным мыслям сегодня не было места. И он прогнал их.

— Постой. Послушай! — вслух сказал Олег, и Школа слабо откликнулась. — Можно мне побыть с вами? Не оставляй меня...

Школа поколебалась:

— Ты ему не сделаешь больно?

— Чудачка! Если и сделаю, то ненадолго. Сказки обычно имеют хороший конец...

— Ты хочешь рассказать ему сказку?

— Не я. Ты! — Олег жестко усмехнулся.

Темнота под лестницей сухая, пыльная, по временам ее прокалывают острые огоньки. Алику не требуется расшифровки, он понимает: это иные миры на мгновение соприкасаются с нашим, это чья-то воля пытается прорвать оттуда разделяющую нас преграду. Как вот он сейчас. Как многие другие на земле. Бывает, наш собственный мир, растянутый во времени, пересекает свой хвост. Тогда можно заглянуть в прошлое или в будущее.

Хорошо бы смотаться на часок в новый век. Будь здесь Валера, он бы уж придумал способ перескакивать через эпохи...

«На триста лет? На четыреста?» — вкрадчиво спросила темнота.

— На четыреста? Ух ты! — У Алика захватило дух. — Нет, лучше куда поближе. Лет на пятнадцать. На двадцать пять. Все бы там рассмотреть — и знать, на что не стоит тратить сил...

Ничего же особенного! Садись в кресло. Нажимаешь какой-нибудь рычаг и...

Алик дернул ручку швабры — она загремела о ведро, но он ничего такого не заметил...

Потому что и в самом деле сидел, вернее, лежал, облаченный в алый скафандр с золотыми буквами «СССР», в кресле космического корабля. Сзади улавливалось дыхание товарищей. А с экрана над головой улыбался персонально ему Валерка. То есть, не Валерка, конечно, а молодой академик Валерий Павлович Барышев, технический директор проекта «Меркурий». Экипаж, Центр управления и вся Земля ждут, когда он, Алик Сухарев, скажет короткое слово «Готов!».

Сначала Школа хотела показать вымерший в ожидании космодром, бункера вдаль, спецавтобус, рапорт руководителю полета, неизменный чемоданчик системы жизнеобеспечения, нудную четырехчасовую готовность — словом, все так, как оно будет происходить в том времени, куда ей дано заглянуть. И может, даже совсем не с Аликом. Но она сообщила, что сейчас это ни к чему. На бесконечных тренировках, если он будет к ним допущен, Алик и сам узнает, что случай — это труд. А пока пусть ловит свою жар-птицу...

Алик Сухарев отвел взгляд от экрана, сосредоточился, прикрыл глаза, вызывая в памяти ту картину, без которой не начинал никакого дела.

Над степью, не касаясь травы копытами коня, парил в невесомой, невыразимо медленной скачке Золотозубый Всадник. За ним гналась бесформенная и страшная чернильная мгла.

В одном из старых воспоминаний мгла настигала Всадника. И он долгие годы падал и падал щекой о кирпич.

Позже появился мальчик с карманным фонариком в руке и, уютно мурлыкая динамкой, начал с одного края теснить мглу.

С тех пор Всадник больше не падал.

Боясь узнатъ, Алик никогда не заглядывал мальчику в лицо.

Валерка на экране движением брови дал понять: «Пора!»

В ответ Алик едва заметно улыбнулся — одними губами, которые

еще не утратили ощущения твердых, чуть солоноватых от слез Джемминых губ. Наверное, она никогда не научится целоваться.

Земля ждала. Алик подмигнул Золотозубому Всаднику и в последний раз скосил глаза на боковой экран, вобравший в себя ничтожную долю провожающих.

«Не будет провожающих на космодроме! — заметила Школа, адресуясь Олегу и вроде бы даже хмыкнув. — Не будет. Телевизоры будут...»

Но мысли этой Алику не передала.

Камера панорамировала по замершим лицам. И Алик молил ее отыскать одно-единственное, задержаться на нем в миг старта.

Но бездумная камера не находила в толпе Джеммы.

Не остановилась камера и на пожилом человеке с широким, чуточку асимметричным лицом и выпуклыми голубыми глазами. На лице директора Школы, где учился Алик Сухарев, — Олеге Леонидовиче Молеве по прозвищу Бурбон.

Галина Панизовская

ДВА ВАЛЬКИ МОТОРИНА

ПОВЕСТЬ

ПИСЬМО

«Милые мамочка и папа! Вы только не волнуйтесь. Я жив, и все в порядке. Просто перенесся нечаянно в другое измерение. Больше пока объяснить не могу.. Обсудим, когда вернусь. Вы только поймите, что вам совершенно не о чем беспокоиться. Жизнь тут вовсе не плохая. Если бы еще не было так скучно. Скучаю по вас, по моему Герке и по всем-всем... А вы только не болейте. Увидимся скоро.

Валя».

Я брел по дворам, а письмо потихоньку шуршало в кармане. Давно бы мне догадаться его написать. Что там творится с родителями — страшно подумать!.. Я жил в этом другом измерении уже вторую неделю...

Одно за одним загорались окна. Но от стола для пинг-понга все еще доносились стук мячика и голоса ребят. Счастливые — они были у себя, никто их никуда не переносил...

— Валет! Где пропадаешь? Иди к нам! — замахал издали Герка. Но ведь Герка был другим...

У Вити-восьмиклассника, наверное, сидели гости. Оттуда слыша-

лись мелодии Битлсов — острый, захватывающий ритм: «Хой-хейт! Хой-хейт!». Битлсы в обоих измерениях были совершенно одинаковые... Ноги сами задвигались в такт. И этой танцующей походкой понесли меня в соседний подъезд, откуда был ход на чердак и на крышу.

* * *

Про этот глубокий каменный колодец-двор не знал никто. Его составляли глухие, без единого окошка стены домов: четыре глухие стены в пять этажей высотой. Посреди двора виднелись две башни с куполками, стоящие на треногах. В куполках открывались порой люки, и оттуда что-то выдвигалось, вращалось... А были ли здесь люди и как они попадали в этот каменный мешок, разглядеть не удавалось. Да и сам колодец и куполки можно увидеть лишь с крыши дома с изразцами, если влезть на нее по пожарной лестнице с крыши двухэтажного флигелька, да и то только с единственного места: у третьей трубы, считая от второго чердачного окна, если прижаться к трубе с той стороны, где пятно, похожее на собачью морду.

Я двигался осторожно, хотя знал тут уже каждый выступ. Где-то били часы: «бум... бум... бум...» На ночных крышах все звуки громче. «Шесть, семь... десять», — считал я. Это происходило сразу после одиннадцати. Если, конечно, происходило вообще. Потому что частенько я ждал напрасно. Ждал, и коченел, и чуть не умирал при мысли: «А что, если э т о не произойдет больше никогда-никогда?»

Но тут внутри у меня екнуло — на ближайшем куполке поднялась и начала расти знакомая тень... Я видел это уже раз двадцать. И все равно каждый раз было немного странно. Больше всего тень была похожа на громадного грифа, такого как в зоопарке. Гриф вытянулся вверх, развернув огромные крылья, и будто хочет взлететь, но не просто так, а строго вертикально, как стартует космическая ракета... Хочет взлететь, но не взлетает, а медленно поворачивается вокруг себя, опираясь о купол острым хвостом. А из центра грифа — из туловища — выходит и дрожа поворачивается вместе с ним голубоватый лучик.

Вот он — самое для меня главное, моя надежда — лучик! Я не отвел бы от него глаз, даже если бы рядом выстрелили из пушки!.. Лучик полз ко мне. Медленно. Но ко мне. Ближе. Еще ближе... Вот он коснулся края крыши, на которой я стоял. Но на этом краю не удержался бы и воробышек... Я свесился навстречу, придерживаясь за трубу вытянутыми руками... Стоило лучу коснуться меня хоть на миг — как я очутился бы в м о е м измерении на м о и х крышах. Я шептал:

— Подползи еще! Ну пожалуйста! Ну хоть чуть!

Но гриф замер, минуту постоял неподвижно и двинулся в обратном направлении. А с ним и луч... Я просто рычал от досады. А ведь, казалось, не слишком и надеялся, ведь так происходило всегда с тех самых пор, как я сюда попал: лучик не доползал — в том и загвоздка! Чаше всего он не дотягивался и до крыши, полз лишь по стенам... Потому-то, не надеясь, что он скоро изменит свои привычки, я и написал домой письмецо...

Непослушными пальцами я достал его, упакованное в конверт вместе с камешком: чтобы не отнесло ветром. Осталось швырнуть его в

уползающую голубую полосу. Но тут я засомневался: «В самом деле, откуда известно, что луч может доставить письмо домой? Ну а если не доставит? Тогда оно останется висеть над этим странным двором? Внутрь двора не проникало ничего — это-то я уже знал. А может быть, оно попадет в чьи-то чужие руки, и что из этого выйдет — неизвестно... Нет-нет, надо сперва проверить «почтальонские» свойства луча»...

Я быстро вытряхнул содержимое своих карманов: карандаш, резинка, фантик от барбариски...

Вот это было зрелище! Фантик с завернутой в него резинкой луч просто схватил на лету, будто поймал в ладошку. Потом, плывя в блеклом луче, фантик распрямился. Резинка парила рядом. И оба завертелись вокруг в голубоватом мерцании, как щепки в водовороте. Будто всасывались в невидимую воронку. И всосались — исчезли.

Тогда, прицелясь как можно точнее, я поручил лучу и свой конверт. Луч подхватил его, понес... В голову пришло, что может быть он поймает на лету и меня? Может, взять и прыгнуть?.. Но луч был уже далеко.

ДВОЙНИК

Мой ключ подходил к дверям других Моториных... Даже странно, как похожи могут быть два мира: наш и другой! Хотя я читал уже о таком в фантастике, там это называлось, кажется, «параллельные измерения»...

На дверях и нашей и другой квартиры прибиты одинаковые дощечки: «Моторины». И внутри другой квартиры все точь-в-точь как у нас.

Я вошел и, не зажигая света, повесил куртку. Но другая мама услышала и позвала:

— Валек, ты?

Эта мама тоже называла меня Валек... Я жил тут вместо их сына — другого Вали Моторина вторую неделю, но они не замечали подмены. Неужели мы так похожи?.. И куда он мог деваться, этот мой двойник?

— Я, мамуль, — отозвался я, — спи!

— Там молоко. Возьми в холодильнике.

Я жил здесь уже вторую неделю и знал, что другого Вали Моторина тоже пойли на ночь молоком. И из такой же желтой кружки. Но только этот другой здешний Валя не имел, видно, привычки чуть что убежать из дому, а то его мать не отнеслась бы к моим поздним прогулкам так спокойно.

Моя мама в моем измерении не легла бы спать, пока не вернулся сын. Он волновалась бы, искала бы уже по дворам... Что я убегу, она опасалась всегда. По утрам спрашивала:

— Валек, скажи... все будет в порядке?

Это означало: «Валек, ты нынче не исчезнешь?»

— Да-да. Не беспокойся, мам.

Я думал, что говорю правду.

Исчезать я не собирался никогда. Это выходило вдруг. Что-то вселялось в меня и давило, и жгло, и идти домой я просто не мог... Случалось это, когда мне не везло... Дело в том, что родители мои — люди чрезвычайно везучие.

«Везучие» — если бы это слышал папа, то сказал бы, что это совсем не то слово и что таких людей не бывает вообще, а бывают талантливые, трудолюбивые и добрые... Можно подумать, что сам выбираешь, каким родиться тебе...

Мой папа, например, читал серьезные книги с трех или даже, кажется, с двух лет. Зато как он меня презирал, когда я в четыре года не справился с простыми слогами!

— Ах ты неуч! Неграмотный несчастный кретин!

В тот раз я еще не убежал, а только залез под тахту. Там во тьме было спокойнее. И, подавив в горле слезы, я объявил оттуда: ничего, мол, ты, папка, не знаешь, а я уже в девятом классе!.. Должен же я был чем-то его поразить!.. Но тут вмешалась мама.

— Антон, не кипятись, — засмеялась она. — Ребенок имеет право на фантазию!..

Нет, у меня прекрасные м о и мама и папа. Но когда на контрольном опросе по географии выясняется, что я недопонял про широту и долготу... Или когда на классном часе встает вдруг Ирочка Петрова и предлагает кандидатуру Моторина в редакторы стенгазеты отклонить, поскольку он — Моторин — человек в общем малоавторитетный... Вот тут как-то сразу понимаешь, что с моими родителями такого не было и не могло быть. И так ясно представляются их лица — пренебрежительно-удивленные...

А с д р у г и м Вале́й Моториным ничего такого, видно, не случилось. Или, может быть, случалось очень редко, да и тогда он умел собой управлять... Во всяком случае, он был меня положительнее. Но зато его папа...

— Вале́к! Выпей молоко сейчас. Не оставляй.

Голос у д р у г о й мамы был не такой, как у моей, — хриловатый и грустный. Сейчас это было особенно заметно. Грусть, сгустившись, будто висела в воздухе...

Я уже знал, что это может значить. И, бросив взгляд в угол, убедился, что прав: под вешалкой сиротливо стояли мамины лодочки, а папиных полуботинок там не было...

Нет, как этот положительный человек — мой двойник — допустил, чтобы его папа ходил-гулял где-то в первом часу ночи?..

От возмущения я захлебнулся молоком, брякнул кружкой о тумбочку и нырнул под свое одеяло. Что д р у г о й папа исчезал не по делам, было абсолютно ясно, потому что в моем родном мире мой собственный папа и на работе задерживался, и в командировки уезжал, и куда-то еще, но грусть в квартире от этого не поселялась.

Меня бил озноб. Но я заставил себя не дрожать и сказал: «Чего это ты расстраиваешься из-за чужих Моториных? Пусть живут как хотят. Ты все равно что-нибудь да придумаешь и возвратишься к своим...» Это было резонно, если бы не слышать поскрипывание маминой тахты. Д р у г а я мама не могла уснуть и прислушивалась, не хлопнет ли входная дверь, и глядела в темноту измученными глазами.

Папа пришел через час. Лязгнул замок, папа постоял в прихожей и на цыпочках двинулся в ванную. Пол у нас (и у них) скрипит. Если идти на цыпочках, скрипит еще сильнее. Но мама затаилась, будто не слышит, а спит. А папа разыгрывал, будто верит, что она спит. И так они оба притворялись... Мне хотелось завить.

Я сунул голову под подушку и не слышал, да и не хотел слышать, как он там мылся, как укладывался... Только успокаивал себя: «Это не мои родители. Не мои!»...

И тут пришла мысль, которая, собственно, должна бы была явиться с самого начала: раз я перенесся в этот мир, значит, другой, здешний Валя, очутился в моем. Мы поменялись... Скорее всего, закон природы, которого еще никто пока не знал, но который управлял нашими с ним перемещениями, не разрешал, чтобы мы оказывались в одном мире — оба вместе... Стоило лишь представить, как мы являемся с ним в школу — два совершенно одинаковых рыжих и патлатых Вали — и просим хором: «Эльфрида Григорьевна! Разрешите отработать за промотанную практику?» Вот была бы потеха...

Я даже хихикнул. И услышал вдруг ответный звук. Он шел с полу, будто там тоже кто-то давился смехом... Может быть, кот? Соседский кот Пит запрыгивал иногда ко мне в форточку.

— Кис-кис-кис, — такого приглашения хватило бы, чтобы Пит прыгнул на меня всеми лапами.

Прыжка не последовало... Но странный звук возник опять. Теперь он был ближе, кроме смешков слышалось шуршание, будто кто-то полз...

— Кто?.. Кто здесь? — Я сел. И замер: у моих тапочек, подмяв коврик, лежал я сам!.. Нет, мое отражение — другой Валька Моторин.

Не так уж мы были и похожи: он выглядел лет так всего на одиннадцать, а ведь я (это признают все) мог иногда сойти за семиклассника. И лицо у него было не совсем мое — нос глядел вбок.

— Слушай, — шепнул он, — я вырвался к тебе на секундочку. Луч пока не доползает... А ты вот что, ты не бросай больше писем... Хорошо еще, что поймал я сам...

Он держал в руке мой конверт — значит, все-таки дошло...

— Учти, если под лучик попадет только кто-то один, то мы все равно переместимся оба. Это называется «пространственная пара»... За твой разбитый магнитофон досталось, кстати, мне...

«Почему он ползает?» — тупо думалось мне. Это почему-то заинтересовало меня больше всего, я раскрыл было рот, чтоб спросить. Но губы, оказывается, одеревенели и не шевелились... А двойник все лежал на сбитом коврике и бубнил:

— Еще прошу, ты не бегай больше из дому... Нет, правда... А то, знаешь, моя мама...

Ну, это уж было слишком! Во-первых, в чужом мире я и вообще не бегал еще ни разу. А во-вторых, подумашь какой выискался

заботливый сынок!.. Я бы так ему и сказал, а он как зашепчет вдруг быстро-быстро:

— Валь! Вспомни!.. Помнишь вокзал? А там папа и нервная... как ее?.. Лидия... Лидия...

Лидия? Это имя не говорило мне ничего. Но он пытался, видно, припомнить еще и отчество и очень торопился. За его спиной возник откуда-то и пополз длинный лучик...

— Это важно, слушай... Лидия... Ли...

Луч коснулся Валиного затылка. И оба исчезли: и Валя, и луч. На месте, где только что лежало его тело, остался лишь мятый коврик.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Проснувшись чуть свет, я долго глядел на складки половика, они будто обрисовывали мальчишескую фигуру... История с чужим магнитофоном, о которой говорил мой двойник, произошла со мной еще в моем измерении, а в этом другом измерении с другим Валькой ничего такого, видимо, не случилось. Вот почему никто здесь об этом даже не вспоминал. А история была жуткая. И то, что я угодил в этот другой мир, вышло в конечном счете именно из-за нее.

* * *

Началось все с того, что Герке купили магнитофон. То есть это был не совсем чтобы настоящий «маг» — приставка к приемнику марки «Нота-М». И купили ее, может быть, не только Герке. Но так или иначе у единственного друга, у Герки, появился все равно что магнитофон. Лента, правда, была пока одна. Геркин папа записал на ней песню «Темная ночь» в собственном исполнении. На другой день мы с Геркой, как только вернулись из школы, поставили приставку на подоконник и распахнули рамы. К нам ворвался очень свежий воздух — плюс два градуса Цельсия. А во двор вырвалась «Темная ночь», усиленная нашей приставкой раз в сто...

И сразу под окнами возникли восьмиклассники — Витя и Сережа. У этих ребят просто чутье на магнитофоны... До сих пор они глядели на нас с Геркой, будто на стенку, в крайнем случае орали: «Эй, шкет!» А тут оба запрокинули головы. И Витя сказал Герке:

— Исполать тебе, хозяин! С обновочкой!

Герка был ошеломлен такой честью. К тому же, наверное, не знал, что такое «исполать!». И потому сказал лишь:

— Хм...

— Спасибо на добром слове, — в тон Вите ответил я.

Но Витя будто и не слышал. Он продолжал спрашивать Герку:

— И когда приобрел?

— Хм, — повторил тот: он не привык к слову «приобрел».

— Вчера! — выкрикнул я.

Витя не услышал и тут. Он обращался лишь к Герке:

— Хотелось знать, когда приобрел и какая, бишь, марочка?

Вот это было главное — он вообразил небось, что магнитофон японский... Герке же разубеждать не хотелось. И он буркнул:

— Родители приобрели.

Но я уже не вникал в смысл разговора. Я следил за движением выпуклых Витиных глаз: ведь я торчал в оконном проеме прямо посередине, а его глаза ухитрялись скользнуть мимо, да так, что даже вдруг подумалось: «А может, меня тут и вправду нет?» Но я был. Просто у меня не было магнитофона.

А вокруг Вити с Сережей собралась уже публика — ребятня со дворов, — в основном малолетки, но и они заметили Витино ко мне небрежение. Надо было что-то срочно делать, чтобы не стать навек дворовым посмешищем... И тут в довершение всего в сторонке у левой арки мелькнула серая в розах косынка. Такая могла быть только у одного человека — у Катерины. Да, то была Катерина — двоюродная сестра Ники Вознесенской из третьего двора, студентка первого курса. Только она могла прислониться к тумбе так непринужденно...

Не успев это как следует осознать, я уже несся вниз по лестнице — к себе домой... А через минутку был уже здесь опять, но теперь в самой прекрасной в мире дубленке с портативным магом через плечо... Я знал, что в такой экипировке буду замечен всеми: восьмиклассниками, и Колей-студентом, и даже... даже...

И опоздал, Катерины во дворе уже не было.

* * *

Катерина исчезала всегда — такое уж у нее было свойство. Впрочем, на сей раз я мог бы проскользнуть через проходную парадную под Никины окна: Катерина тут у нас не жила, а шла, конечно, к сестре Нике в гости. Но ребятня окружила меня кольцом, а Герка, скатившийся вниз, и Витя с Сережей дергали магнитофон за ремешок:

— Валет! Ой! Покажи!.. Дай взглянуть!.. Ка-кая машина!

Вот когда Витя меня заметил! Зато я не видел его в упор; сделав безразличное лицо, я поглядел мимо. Там, за кустами дворового садика крупно вышагивали синьковые джинсы и рыжая куртка Володи — знакомого маминых знакомых, нашего гостя и столичного журналиста. Ему-то и принадлежали дубленка и роскошный репортерский маг...

* * *

Мы бежали вверх по лестнице: впереди — я, мой Герка — за мной. К счастью, мы заскочили в тот самый подъезд — с незапертым ходом на чердак... «Это надо же, чтобы Володя-гость вернулся так рано как раз сегодня! Обычно он задерживался допоздна. Но может быть, он не успел меня заметить?» На последней площадке я глянул в окно. Нарядная куртка пересекла двор, явно направляясь за нами. Тогда я кинулся еще выше.

Чердак такое место, где мало кто станет тебя искать. Потому хотя бы, что чердаки в наших домах почти все на запоре... Мы с Геркой прислонились к темной балке.

— Ты что? Это чей? Чей? — он задышался от бега и любопытства. Но я шепнул, прислушиваясь: «Тс-с-с-с!»
Да, дверь в самом деле дребезжала.

Когда кто-то поднимается по ступенькам последнего лестничного марша, обитая железом чердачная дверь начинает дребезжать. Это знает каждый, кто привык пересидживать неприятности среди балок. На такой случай необходим, конечно, путь отступления. И он у нас был: мы всегда успевали выбраться в оконце, пробежать шагком по плоской кровле и нырнуть в лаз совсем другого чердачного помещения... Нацелились и теперь. Но что такое? На нашем пути, установив этюдник и гуашь, поводя ехидным носом, сидела та самая Ника. Нашла же где рисовать! Да еще в момент, когда к ней, дурехе, пожаловала такая гостья — Катерина!

— Эй, герои! — тоненько пропела Ника, — от Витьки бегаєте?

Мы вылезли наружу, но она высунулась вслед. А убежище, куда вел наш запасной лаз, не имело иных выходов. Прыгать в него при этой ябеде Нике — все равно что забираться в капкан...

Пришлось проскочить дальше и бежать наугад по узкой гремющей крыше...

* * *

Домá в старом городском центре лепятся друг к другу вовсе без промежутков. Они прислоняются плечами, перекидываются арками и галереями, обнимаются фасадами, обмениваются флигелями и оттапливаются колодцами дворов. А крыши их, как горные хребты с ущельями, обрывами, плато и узкими тропами. А чердачные окна — как ходы пещер...

Мы с Геркой бежали, заворачивали, ныряли в одни пещеры, выныривали из других. Пронеслись над пропастью нашего второго двора, над ущельем третьего, а кровля гнулась и гремела, угрожая обнаружить для всех наш путь и заставляя бежать все дальше.

Герка свистнул вдруг:

— Прыгай!

Мы спрыгнули на старинный флигелек, взлетели на противоположную стену по пожарной лесенке... Место тут было абсолютно незнакомое, даже странно, что по нашим родным крышам можно, оказывается, добраться до такого места... Мы огляделись. И увидели внизу тот самый глухой колодец из камня, а в нем как раз вращался тот самый гриф...

Г Е Р К А

Некоторые люди угадывают свое призвание не сразу. Так и я. До сих пор неясно — кем буду. Может быть, потому, что меня слишком часто спрашивали об этом в детстве: «Какой умный мальчик. А кем ты мечтаешь быть?» Отвечал я, что придет на ум: «массажистом в бане» или «клоуном». Наша детсадовская группа в то время разделилась: половина решила стать космонавтами, другая половина — специалистами-открывателями общей теории физических полей. Но все это были

детские игры. А вот мой друг Герка собирается в космос всерьез. Этому он посвящает каждую минутку. И если его куда-нибудь зовешь, а для космоса это не нужно, то он не пойдет. Правда, для космоса нужно почти все: спорт, естественные науки, техника. Особенно радиотехника.

Вот почему так потряс Герку вертящийся гриф:

— Ой! Антенна! Гляди! Пеленгует!.. Пеленгует!

От восторга он прямо стонал. Антенны видятся Герке повсюду. Но тут он был прав.

— Да это же испытательная база от какого-нибудь научного секретного института! Потому и спрятана... Как думаешь, Валет, что это они тут проверяют? Приводы для спутников связи? Или, может быть, это аппаратура для приема внеземных сигналов? А?.. Но возможно, отсюда наблюдают неопознанные летающие объекты...

Догадки били из Герки фонтаном — он был человеком начитанным.

Между тем дело происходило при ярком дневном свете, и лучика видно не было. Я о нем тогда и не подозревал. Сам гриф не произвел на меня впечатления: ну, подумаешь, антенна как антенна. Тем более он немного повращался и провалился себе в свой купол, — так же как это происходило потом всегда. Но потрясенный Герка продержал меня там почти дотемна — он намертво влюбился во всю эту чертовщину.

Это было еще в м о е м измерении с м о и м Геркой.

Ну а потом, когда я угодил в этот д р у г о й мир, вернее, когда я это окончательно понял... Я думал тогда всю ночь, а на рассвете мне все стало ясно, и ноги сами принесли меня под Геркино окошко. Глаза щурились — в них падал солнечный блик от стекла и мешал рассмотреть, открыта ли форточка. Но какая разница? Просто надо свистнуть коротким двойным посвистом, а потом ещё раз — точно так же. Высунется заспанный Герка: «Привет, Валет! Ты чего?» — «Чего-чего! Дело есть!»

Только это будет не мой — д р у г о й Герка.

Может быть, двойник друга все же лучше, чем ничего? Я стоял, уговаривая себя, что это так и есть. Поговорить с кем-нибудь по душам было просто необходимо. Только вот как сказать то, о чем хочется рассказать? Скажешь, например: «Герк! Я попал в другое измерение». А он в ответ: «Вот те на! А я? Я что, тоже, по-твоему, там?» — «Ты? — скажу. — Ну как бы тебе пояснить?.. В общем, ты ведь не мой, ты — другой Герка». А он возьмет и ехидно покрутит пальцем у виска...

Прогнозы получались неутешительные. Но я все же свистнул.

— Ну? — Герка выскочил в один миг, как и полагается другу. А я так ведь и не придумал, с чего начать разговор. И потому брякнул первое попавшееся:

— Когда идешь на базу?

Можно было ждать всякого. Может быть, другой Герка о базе вообще не слыхивал. Тогда он выкатит свои круглые глаза и скажет с придыханием: «Какая такая база?» Ну а если этот д р у г о й совсем-совсем как м о й, он подскочит и закричит: «Давай-давай сейчас!» Для будущего космопроходчика наблюдать за такой базой — большая удача.

Герка потянулся и небрежно бросил:

— Да никогда. Нёкогда. В гараж спешу.

Говорить было больше не о чем. Но потянулся он так по-геркиному, запрокидывая тонкую шею... И я спросил невольно:

— В какой еще гараж?

— В Малаховский. Там у дяди Гриши «Жигуль» стоит. Красить будем: корпус — в серый, крылышки — в бежевый. Зато дядя Гриша к осени водить научит.

Бубнил он небрежно, а сам был ужасно как горд, что ему предстоит такая прекрасная гаражная жизнь. Вот уж на м о е г о Герку не похоже никак! Но я еще на что-то надеялся и продолжал настаивать:

— А как же внеземные контакты?

— Чего-о-о?

— Ну, космические задачи, что осуществляют на базе. Сам ты говорил... Ведь тебе же для твоего Главного Дела...

— Мура зеленая! — перебил он. — Детство. То ли дело машина: сядешь и едешь... Шофер всегда на хлеб с маслом себе заработает...

Что это был за тип? Он сам напоминал дядю Гришу, когда тот подминает колесами своего «Жигуля» дворовые кусты... И хотя у этого Герки большой Геркин рот и широкие Геркины зубы — он д р у г о й... Я и вижу-то его, по существу, в первый раз...

— погоди, Валет! — сказал этот тип. — Знаешь, давай попросим дядь Гришу, пусть учит и тебя...

Может быть, он и мог быть кому-нибудь неплохим другом. Но мне-то нужен был м о й!

* * *

М о й Герка — целеустремленный космолетчик, в тот день, когда мы открыли базу, стоял над ней до самых сумерек: все ждал, чтобы грифа-антенну выставили опять.

— Идем, Герк! Ну что тут смотреть-то? — спросил я.

— Это ты, Валет, прав: без бинокля тут не видно... Захватим бинокль — и сейчас же назад.

Этого еще мне не хватало!.. Я огрызнулся:

— Брось!.. Если это взаправду база, так рабочий день окончился. Прийти можно завтра...

Мне было не до грифа. Чужая дубленка давила, маг, казалось бы, такой небольшой, тянул, будто гиря. И до чего нелепо вышло — взял ведь случайно на какие-нибудь десять минут. Но попробуй теперь объясни это маме! Я просто видел ее лицо с чуть выпяченной губой и слышал презрительную тишину, которой она меня встретит... А папа будет постукивать пальцами по спинке стула... Как родители они меня, конечно, любят, но в душе все равно презирают... Достаточно видеть, как мама качает головой: «Нет, не о таком сыне я мечтала...» Когда что-нибудь у меня не так, все их презрение особенно вылезает наружу.

Эти мысли меня угнетали.

Но одновременно перед глазами вставал Никин двор — девчонки хихикали там на лавочках. Коля-студент важно щелкал зажигалкой. Внезапно смешки гасли, Коля смятенно совал горящую зажигалку в карман — это шел я, помахивая классным магнитофоном. А из Никиного окна мне вслед глядела Катерина...

А в самом деле, ну что тут такого? Ну что произойдет, если я про-

швырнись вот так разок по дворам? Володе надоело небось за мной бегать...

Подумав так, я позвал грозно:

— Герк! Идешь? Или я уйду один!

И он покорился.

Я думал: «Сейчас спущусь и еще успею пройтись. Ведь ни папы, ни мамы наверняка еще нет дома. Надо только успеть, пока их нет. Перед Володей-гостем я потом извинюсь. Ничего ведь с его чудным магом не станет...»

Тут я ошибался.

Как легко, оказывается, заблудиться на крышах! Мы бродили между труб, заворачивали за выступы, залезали на чердаки. Чердаки попадались все глухие — запертые; флигелек с черепицей, по которому мы сюда влезли, будто сгинул. Выбрались мы, когда уже стемнело, через чердачный лаз по темной лесенке в глухую подворотню. И сразу услышали:

— Гони-ка сюда маг!

Трое взрослых парней, лет так по двадцать, приближались к нам, сверля фонариками.

— И тулупчик сымай. Поносил и будет. Пусть теперь другие...

Парень тянулся к моим плечам.

— Беги! — заорал Герка и ринулся на него снизу.

Ну как могли эти трое знать, что малыш Герка ринется в бой, даже если против него не какие-то парни, а стотонные динозавры?

От неожиданности парень покачулся и сел. Мы бросились в образовавшуюся брешь. Но кто-то успел стукнуть меня по кисти руки...

Когда, оторвавшись от погони, мы остановились в нашем дворе под фонарем, Герка потирал подбитый глаз, а я прижимал к себе разбитые пальцы и с ужасом глядел на чужой магнитофон с оторванной ручкой.

Но ручка — это еще ничего в сравнении с тем, какая каша была, должно быть, у магнитофона внутри: в ушах все еще стоял стон, с каким он, выпав из моей разжавшейся руки, ударился о мостовую...

ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ

Тот вечер мне не забыть никогда... Глухо, будто издали, доносился Геркин шепот:

— Ерунда, Валет, ей-ей ерунда — раз плюнуть! Взять сейчас тут, разобрать и починить...

Герка тянул свои руки, но я оттолкнул их: заглядывать в маг было страшно. А главное — без пользы: что-то звенело в нем и болталось...

— Не хочешь, как хочешь, — гнул Герка.

— Ох, Герк, слушай, шел бы ты скорее домой...

Озноб, возникая где-то у лопаток, охватывал меня всего, стучали зубы...

Дрожащими руками я уложил на нашу лестничную площадку Володину дубленку, поставил рядом раненый магнитофон, нажал кнопку

звонка и кинулся на пол-этажа вниз... Хорошо бы, открыла не мама... Я знал, моя мама сразу все поймет и начнет просить: «Валёк, не надо. Не убегай. Прошу тебя. Бегство не выход...» Когда меня нет, мама не может заснуть, а потому она скажет: «Иди сюда. И давай все спокойно обсудим». Как бы не так!.. Это сейчас, пока меня нет, ей, может быть, и кажется, будто она так спокойна. А буду я рядом — и возмущение возьмет в ней верх, голос делается брезгливым: «Давай с тобой посмотрим правде в глаза. Ну что ты собой представляешь? Самолюбленный павиан...»

Я знал все наперед. А все же слышать, как она станет умолять, очень не хотелось. Пусть бы открыл мне Володя. В крайнем случае, папа. Папа считал, что всему виной мамин слепой материнский инстинкт... Если откроет папа, то промолчит или скажет: «Валентин! Ты что? Хочешь, чтобы тебя просили?»

Ничего я такого не хотел. Сердце билось так, что подрагивала лестница.

Дверь не открывали.

Пришлось повторить маневр. И с тем же результатом. Родители, значит, еще не пришли. И Володи-гостя тоже, оказывается, не было... Мою задачу это только усложняло. Приходилось отпирать самому и самому вносить дубленку и магнитофон, а домашние или кто-то из них могли ведь появиться в любую секунду...

Торопясь, стараясь не думать ни о чем, я сунул вещи гостя туда, откуда брал. И успел выкатиться прочь, прихватив с собой свой теплый плащик.

* * *

Может быть, кто-то воображает, что убежать из дому бог весть как приятно?.. Дрогнешь в пустых сырых подворотнях, а за окошками, при свете, в тепле люди пьют себе чай с вареньем и с бубликами. И улыбаются: ни перед кем они не виноваты... А если даже тебе повезет: кто-то выставит на лестницу старое кресло, то и пригревшись в нем, все равно ощутишь внутри тоску и холод. Будто это не кресло, а необитаемый остров, к которому уже не придут корабли.

Я уснул лишь с рассветом, повернув кресло к стене.

Так начались те последние странные дни, когда я жил еще в родном измерении, но уже немножко в нем и не жил... Во всяком случае, родного дома у меня в те дни уже не было.

* * *

На следующее утро я столкнулся с Геркой.

— Наконец-то, Валет, — заорал он с ходу. — Бежим!

Он был в отцовых альпинистских сапогах с шипами, на шее болтался театральный бинокль. А бежать он собрался, конечно, на базу. Мне же все равно было теперь куда идти.

Я приготовился к долгой ходьбе — вчера мы брели минут так пятнадцать. И какой дорогой! От лазанья и прыжков до сих пор болели икры. Правда, теперь я даже радовался такому пути: все-таки отвлечает... Однако стоило нам вылезти на крышу, Герка как заорет:

— Нет-нет! Не туда. Давай за мной, сворачивай!

Мы свернули за чердачный козырек, сделали два прыжка — и вот он знакомый каменный мешок! Я только и мог сказать:

— Послушай! А их что? Две?

— Сто две!.. А ты не думал, Валет, что, может, сегодня рано-рано кто-то уже лазал здесь и отыскивал этот ближайший путь?

Вот это да! Чтобы мой Герка — такая соня — да поднялся рано-рано?.. Впрочем, ему при его будущей специальности надо учиться преодолевать недостатки...

Но на базе не происходило сейчас ничего.

Единственное на что стоило глядеть, был Геркин заплывший глаз. Потрясающий синячище! Багровое переходило в оранжевое, оранжевое — в изумрудно-зеленое, и все замыкалось в черную рамку, точно как на картине «Рассвет в космосе». Это украшение навело на мысль о доме, и я спросил:

— А мои предки звонили вчера твоим?

Не хотел я про это ни думать, ни тем более спрашивать! Ну что с того, что, увидев дома искалеченный магнитофон, мама стала искать меня, обзванивая знакомых? Она делала так всегда...

— Да нет. Не слыхал. Не звонили.

Если бы не этот ответ, я, наверное, не вошел бы уже в свою квартиру ни разу...

* * *

Сперва я надавливал на звонок как всегда — отбежав на пол-этажа. Потом вставлял в замок ключ, а в мозгу роилось: «Почему она не звонила? Заболела? Отправили в больницу?» И пальцы дрожали, мешая отпирать. Припомнились папины слова: «А ты доведешь-таки мать до инфаркта!» Билась одна лишь мысль: «Господи! Да я больше ни за что!.. Никогда-никогда!.. Пусть бы только обошлось вот теперь...»

И обошлось. На стене в передней белела записка: «Валёк! Шуба уже зашита. Магнитофон починим. Не убегай больше. Целую. Мама».

Уф! Я вздохнул с облегчением... Мамина подушка пахла, как пахнет одна моя мама. Мамой пахло и в платяном шкафу, где в углу на гвозде висел ее белый запасной халат... В прошлом году, когда я убежал из дому в первый раз, мама не пошла даже на работу. Но больным врач нужен каждый день, а мама — врач в туберкулезном институте. Записки мама писала всегда ласковые. Я прямо видел, как при бледном утреннем свете у столика в прихожей уже в пальто мама стоя пишет мне на своем медицинском бланке...

Выскочив на кухню, я схватил со сковородки картофелину — не ел ведь со вчерашнего дня. Облизал пальцы. И набрал было номер маминного рабочего телефона, готовый сказать: «Мамуль! Это я...» Но тут в голову пришла одна мысль — и я бросился по комнатам, заглядывая в углы, распахивая шкафы, выдвигая ящики. Я искал... Ан нет, Володиного магнитофона не было нигде.

«Эх, дурень-дурень! — говорил я себе. — Если уж брать у Володи маг, так не вчера. Брать надо было сегодня!..» Я вспомнил, что как раз сегодня — двадцать девятого мая — день рождения Ники из нашего шестого «а». И на него непременно прибудет ее сестра Катерина.

Дело в том, что на Никин день меня в этот раз не пригласили. Когда мы были маленькие, тетя Инга — Никина мама всегда меня к ним звала. Но теперь распоряжалась сама Ника.

Однако если бы в руках у меня оказался настоящий репортерский маг... С ним можно и без зова прийти куда угодно. Я пришел бы, а Катерина бы сказала: «Ой, какой прекрасный маг!» А я сказал бы ей: «Здравствуй»...

А может, в крайнем случае, подойдет и немного сломанный маг? Я мог бы сказать потом: «Ах, а я не знал, что он сломался!»

Но магнитофона не было нигде-нигде: сдали уже, наверное, в ремонт. Между тем пошел уже пятый час — маме звонить поздно, она скоро придет сама...

Мысль эта меня испугала. Неужели вот сейчас придется встретиться с родителями с глазу на глаз? Я чувствовал теперь, что этого просто не смогу. Во всяком случае не так сразу. Может быть, чуть позже, когда соберусь с силами?

И, забыв данное себе обещание, я бросился прочь. Но все же задержался, чтобы начертать поперек маминой записки огромными печатными буквами: «Жив и здоров!»

КАК НА НИКИНЫ ИМЕНИНЫ...

Если бы Нина Александровна — тетя Нина с папиной работы — училась в нашем классе, ее бы так и звали: «Нравиться». Это было ее любимое слово, она произносила его в минуту раз пять. Но мама говорила, что смеяться над этим просто грех, ведь тетя Нина самый добрый человек в округе.

Так считала не одна только мама. Тетя Нина переехала к нам во дворы недавно, и у папы на работе она была тоже новенькая, но доброту ее признавали уже все.

Испытал ее на себе и я, хотя было это, правду сказать, не так уж приятно: тетя Нина притащила вдруг к папе на работу аквариум для моих будущих рыбок. (Папа считал почему-то, что для моего гармоничного развития необходимы рыбки. Но считал он так давно: когда я был еще в пятом классе. Тогда аквариума не достали.) И надо же было, чтоб мы с м о и м Геркой завернули на папину работу как раз в тот день! Хотели попросить на кино. Папы в отделе не было. А вокруг тети Нининого стола собралась небольшая толпа и говорила разом:

— Какая роскошь! Да это же целое море! Нина Александровна, вы ангел во плоти!.. Нина! Вы с ума сошли — такая хрупкая женщина и таскать такую тяжесть! Да я б никогда, ни ради каких разлюбивших детей!

Тут они заметили нас с Геркой и начали:

— А, сам герой дня! Он как почувствовал!.. Валя, ты только взгляни, что тебе принесла наша тетя Нина!

Аквариум был гигантский.

— Валя, ты рад? Хотел такой?

По правде сказать, рыбки мне были ни к чему. Я хотел собаку — ирландского сеттера, я назвал бы его Лорд...

— Рад. Хотел. Спасибо вам, тетя Нина.

И пришлось нам с Геркой вместо кино тащить на себе домой эту огромную банку... Но тетя Нина была тут ни при чем: откуда ей знать, что я хочу не рыбок, а Лорда?

Теперь тетя Нина помогала тете Инге печь именинный пирог. Через приоткрытую форточку слышно было, как они переговариваются на кухне: сперва обсуждали, сколько класть изюму, потом втыкали свечки — тринадцать свечей по числу полных Никиных лет...

А на улицу лился праздничный вкусный запах.

Есть в Никином дворе местечко под названием «Угол». Никакой это на самом деле не угол, а такая ниша в стене — архитектурный каприз. Из «каприза» и кустиков, посаженных вдоль стены, получился тайник: ты видишь оттуда Никин подъезд и все четыре подворотни, а тебя не видит никто.

Тут я и сидел на брошенной кем-то досочке. Родителям моим в Никин двор заглядывать не к чему: мама, как пришла, сразу, конечно, увидела мою записку. И успокоилась. Может быть, прилегла даже чуточку отдохнуть... «Наверное, и хорошо, что взял и не остался ждать маму, — думалось мне. — А то бы ей не отдыхать, а мне не сидеть бы в засаде».

Не сидеть здесь я не мог. Я держал под присмотром главный, уличный, вход. Ведь здесь сегодня под аркой из серого гранита появится Катерина.

Она не являлась. Шли и шли с цветами, с коробками девчонки из нашего класса, девчонки из параллельного. Мальчишек вообще как будто не звали. Интересно, что они делают там одни?.. Никина комнатушка выходила как раз в «каприз». И, подтащив мусорный бак, я шагнул с него на выступ стены...

Ника завязывала перед зеркалом кушачок и чему-то смеялась. Остальных видно не было.

Эта Ника — смешная, похожая на щенка — была для меня совсем особым человеком, как никто: ведь с ней шепталась обычно ее двоюродная сестра Катерина...

Вдруг кто-то больно схватил меня за лодыжку. Геркин голос рыкнул:

— Что? Шпионить?

— Чего ты? — прыгивая, изумился я.

— А ничего! — он приблизил ко мне красное от злости лицо. — В лоб получишь, вот что!

— Да? А если я сам тебе врежу?

Драться с ним не хотелось. И, глядя на его выставленную челюсть, я только подумал про себя: «Неужели ему нравится Ника? Ну и дела!» И ушел от него, презрительно сплюнув.

Разве мог я тогда подумать, что вижу моего Герку в последний раз?

«Как на Никины именины испекли мы каравай...» — я услышал это нестройное пение и сразу понял, что пришествие Катерины было мною бездарно пропущено. Никина двоюродная сестра жила с их бабушкой, и с тетушками, и с детьми тетушек не у нас, а на Мытнинской улице. И похоже, что пока я ждал, когда Герка уберется со двора, они все прошли. Из окон доносился теперь хохот, поцелуи и общий гвалт. Катеринин голос, правда, не пробивался. Но Катерина и не станет орать. Стоит небось в сторонке со своей полуулыбкой и спокойно ждет, пока обратятся к ней...

Я подобрался ближе, выставил ухо:

— Спасибо, спасибо! Ой, какое спасибо! — щебетала Ника. — Погодите, а где же Катюшка?

Гвалт сразу пропал, будто его выключили. Осталось лишь покашливание Никиной (и Катериной) бабушки. Оно было такое, будто бабушка хотела сказать: «Ах, лучше вы меня не спрашивайте!..»

— А ты еще не знаешь? — ворвался голосок одной из сестриц. — Очередное Катькино сумасбродство. Представь только...

Но бабушка перебила решительным баском:

— Катю не ждите. Тебе, Никуша, от нее поцелуи. Она на денек-другой в Москву отъехала...

Так я остался без дома, без Герки и без Катерины.

П Е Р Е М Е Щ Е Н И Е

Записки моя мама писала ласковые и так же ласково отвечала по телефону: «Сынок! Ты где? Иди домой, а?.. Иди...» Боясь это услышать, я выпаливал скороговоркой: «Это я. Я жив!» — и скорее вешал трубку...

В вечер Никиного дня рождения я поступил именно так. (Между прочим, один из автоматов в Щербаковом переулке вот уже скоро два года соединяет безо всякой «двушки»...) Такой мой звонок давал надежду, что инфаркта у мамы не будет. А домой идти не стоило... Я вдруг ясно увидел: если исключить слепой родительский инстинкт (а папа сам говорил, что он вреден), такой сын, как я, моим родителям вовсе не нужен. Все во мне их раздражает: «Сын! Ты не умеешь себя поставить. Как можно допускать, чтобы тебе кричали «шкет», или: «Господи, Валя! О чем только вы говорите с твоим Геркой?! Слышала и краснела — такие махровые глупости...»

Ну и что? А я, может быть, хочу говорить глупости!.. А вы — рожденные отличники, воспитанные, образованные, наслаждайтесь своим великолепием сами, я больше не стану вам мешать. Стану жить один, не пропаду. Я что-нибудь такое придумаю...

Так или примерно так я размышлял всегда — при каждом побеге. Но проходили сутки или чуть больше — и мысли эти куда-то испарялись... Испарились и на этот раз. Потянуло домой. Захотелось услышать, как мама напевает, а папа хохочет и как они перебрасываются

шуточками, — пусть бы даже и на мой счет... Захотелось, лежа в постели, прислушиваться к их вечерним теплым голосам...

Вот тут-то до меня наконец дошло, как ужасно то, что случилось... и как непоправимо...

В самом деле, магнитофон — маленький, как мамина театральная сумочка, с чистым, каким-то даже звенящим чистотой звуком, с любопытным круглым микрофоном-ухом, готовым все уловить, запомнить, повторить... То есть все это он готов был сделать прежде...

Володя привез его не на плече, а в чемодане, в самой глубине, бережно завернутым в свитер, потому что в нашем городе есть люди, которыми еще восхитится будущее человечество, и надо точно записать их неповторимые голоса...

Он и записывал. Но успел ли все, что хотел? Навряд ли. И уже одного этого мне просто нельзя было пережить... Я так и слышал мамин возглас: «Как можно после этого людям в глаза смотреть?» И правда, как?..

Кстати, как журналист наш гость хотел еще записать на пленку шумы нашего города, нашего Невского и особый ленинградский говор — в трамвае, в магазине, в метро... Все под рубрику: «Ленинградцы. Атомный век»... Вот тебе и ленинградцы — вместо магнитофона в футляре одни «дребезги»!..

Мама уже конечно просто сходит с ума.... И верно, ну с чем Володя вернется теперь на свою работу?.. Насчет починки мага что-то сомнительно... Можно, конечно, сгоряча в записке написать, что, мол, магнитофон мы починим. Какая там починка! Если бы мама слышала этот звон!..

Думать об этом было нестерпимо. Тем более немыслимо — возвратиться домой. Из окна лестницы, что напротив, видна была часть нашей кухни. Зажигались огни, мама ходила взад-вперед, прикладывалась лицом к стеклу. И тогда я приседал, хоть и знал, что разглядеть меня нельзя... Дом, огни, мамина голова — все это медленно кружилось, ведь спал я мало и почти не ел.

Володя-гость уехал. Отправился без магнитофона? Или родители купили ему новый на деньги, что отложены на мамины сапоги?.. А если этот особый репортерский маг дала Володе его студия, а в магазинах таких не бывает совсем?

Голова кружилась все сильнее. Шел уже четвертый вечер моего бездомного жилья. Но когда в одиннадцатом часу мама вышла меня искать, я знал, что не найдусь никогда, ни за что...

«Тук-тук-тук» — стучали мамины каблучки в пустых дворах. Мама, похоже, собралась уже спать: волосы распущены, пальто накинуто прямо на рубашку. Полоска ночной рубашки в зеленую крапинку выглядывала при каждом мамином шаге. Мама, видно, собиралась, но не смогла заставить себя лечь. Папа всегда доказывал ей, что, мол, искать парня глупо, ничего с таким большим лбом не случится, а захочет есть — придет сам... Папа был, конечно, прав...

Мама шла, придерживая пальто у ворота, и всматривалась в тусклые окна лестниц. Однажды — это было давно — она разглядела так мою прижавшуюся в уголке тень. Поэтому я кинулся на свой надежный чердак и через минуту уже смотрел на маму с крыши.

Мама бродила внизу — я следовал за ней поверху. Я смотрел вниз и размышлял, что, может быть, родители не удержались бы и высказали бы мне все, что они обо мне думают, но вообще-то они хотят все забыть и простить. Вот только я-то сам... Если, например, мама осталась на зиму без сапожек... Или если Володю уволят за то, что он загубил казенный маг... Какое я тогда имею право возвратиться и жить себе дома хорошей жизнью?

Мама шла и звала тихонько: «Валёк... Валёк...»

Внезапно в проулок вывернулся какой-то пьяный. Он шарахался от стены к стене, угрожающе бормоча. А мама вот-вот должна была выйти в тот же проулок... Я с ужасом понял, что спуститься уже не успею, кинулся на чердак, где свалена была куча реек, а когда вернулся с «метательным оружием» в обеих руках, мама и пьяный уже встретились. Он надвигался, растопыривая огромные лапы.

— Ах ты, птичка-синичка!

Но мама была уже не одна: рядом с ней стояла вездесущая и добрая тетя Нина. И грозила пьяному: давай, мол, потише!

— А ты, тетка, не встрей! Я ведь что? Только на синичку полюбоваться...

И прошел мимо. Моего вмешательства не потребовалось... Просто удивительно, до чего вовремя умела появляться тетя Нина! Взяла маму под руку и заворковала:

— Надежда Андреевна, не страдайте, найдется ваш Валет. Валет — это у него прозвище. Знаете?

В общем, мама была теперь в надежных руках.

Но вместе с облегчением я ощутил и какую-то пустоту... Действительно, раз меня искали, вниз я спуститься не мог. А здесь делать было уже решительно нечего. Разве глянуть на базу? Благо, она тут — подать рукой. Я обогнул трубу. И остановился в удивлении: на базе работали! И вечером это выглядело очень эффектно: тело грифа, будто вогнутое зеркало, собирало в длинный лучик звездный свет... Мерцающий звездный зайчик тронул кончик моей кеды, пополз выше, упал на лицо... Я зажмурился. А когда глаза открылись, лучик уже уполз.

В первый момент я не заметил ничего. Гудело в голове. Слегка чешались веки. Ветер как будто потеплел, но ведь и пора бы: последний день мая! Внезапно внутри шевельнулась тревога: дома стали ниже! Явно ниже! Я, глядяваясь, двинулся по кровле. Дома будто присели. Не знакомо и глухо лежали подо мной съезжившиеся дворы. В мозгу вспыхнуло: «Да наши ли это места?» И погасло: две женские фигурки все так же брели внизу. Тетя Нина продолжала разговор:

— Зря вы мучаетесь. Ведь не в первый раз. Пора привыкнуть.

Так она утешала. Отраженное каменными стенами, до меня долетало каждое слово... Тетя Нина, конечно, знала, как утешать. Но ее речь сопровождали теперь странные звуки — шаркающие, трудные... неужели это могут быть шаги моей мамы? Моей-то мамы, которая всегда просто летала?

Я замер.

— Знаете, Нина, я должна вам сказать, что когда на улице ночь, а твой ребенок неизвестно где, к этому привыкнуть нельзя.

Мама отвечала спокойно. Но какой это был усталый голос! Что должно было случиться с моей веселой мамой, чтобы она стала вдруг так говорить? Мне сделалось страшно. Думалось лишь: «Хорошо хоть, что с ней добрая тетя Нина!»

— А я хочу сказать, что ребенок-то подрастет и с него все как рукой снимет, а вот вы пока проглядите нечто весьма важное...

Тетя Нина произнесла это неожиданно громко, а в тоне ее прорезалось что-то колкое. Не то она предупреждала, не то угрожала. Это добрая-то душа? Я сам себе помотал головой: «Не может того быть...»

Мама откликнулась слишком ровным голосом:

— Вы на что-то намекаете?

— Да что вы? Просто ваш Антон Валентинович — блестящий ученый, умница, начальник большого отдела. И если кто-то на него заглядывается, тут, согласитесь, удивляться нечему...

Ее речь опять звучала мягко. И слушать такие похвалы своему папе было бы очень приятно, если б не чувствовалось в этом чего-то недосказанного. Вот так прошлой весной мы плыли с папой на лодке по гладкой реке, а под гладью скрывался, оказывается, острый риф...

— Нина, — перебила мама, — зачем вы это говорите?

Тетя Нина намекала на что-то страшное и обидное, и касалось это нас троих: папы, мамы и меня.

— Хочу вас, Надюша, по-дружески предупредить: вам пора уделить вашему мужу самое пристальное внимание, не то...

Что «не то»? О чем она нас предупреждает? О том, что на папу обращают внимание, или о том, что он сам?.. Намекает, что наш папа может захотеть жениться на ком-нибудь другом, как папа малыша Нильса со второго двора? «Врет! — подумал я. — Врет!»

Конечно, она врала. И в голосе сквозь воркование явно проступало злорадство, она будто потихоньку шипела, как змея... Даже в том, что она назвала вдруг маму не по отчеству, а просто «Надюша», и то почему-то ощущалось злорадство...

— Послушайте, Надюша! Никто, как я, не желает вам добра. Ваш Антон Валентинович всегда на виду...

Она шипела. И тут я внезапно подумал, что ведь это — не наша тетя Нина, ведь наша — добрая, хорошая — так бы просто не могла.

А еще мне подумалось, что моя веселая гордая мама никогда не стала бы слушать такие гадости.

Маленькая фигурка, так похожая на мою маму, двигалась, влекомая чужой Ниной Александровной, не делая попытки освободиться. Только шаги ее шаркали жалобно, будто просили: «Не говорите. Не предупреждайте меня. Не надо...» Но тетя Нина не унималась:

— Так вот, милая Надя, я должна вам в некотором роде открыть глаза...

Я будто увидел, как хищно она усмехнулась, а мама вся сжалась. Этого я допустить не мог.

— Мамуль, я здесь! Сейчас к тебе спущусь! — я крикнул, хотя внутри уже шевельнулась догадка, что это вовсе не моя мама...

Да, это был другой мир, хотя и ужасно похожий, другим и здесь были все! Я осознал это до конца в ту же самую ночь, стоило увидеть, как возвращался с «поздней прогулки» другой папа.

Странная вещь — параллельные измерения. К другим Моторным еще до того, как я к ним переместился, тоже приезжал Володя-гость. Он забыл у них на вешалке в передней рыжую куртку, точь-в-точь такую, какую носил и наш. Я узнал эту куртку сразу. А вот с магнитофоном получилось сложнее: то ли в этом чужом измерении Володя мага вообще не привозил, то ли все-таки привозил, но благоразумненький здешний Валя его не тронул, только жуткая история с магнитофоном здесь не случилась... Я же этого сперва не знал и с ужасом ждал, что родители вот-вот начнут ее со мной выяснять... Я заклинал их мысленно: «Пусть бы только не теперь, пусть чуть попозже...» И родители будто слушались — молчали... На третий день, истомившись ожиданием, я вдруг сам стал напрашиваться на эту ужасную тему:

— Мамуль! А Володя... он что... хороший журналист или нет?

Другого папы, как всегда, дома не было. Другая мама делала вид, что читает, а сама глядела мимо книги. Я думал, она тут же поднимет голову и бросит мне для начала что-то вроде: «Он-то вполне хороший, а вот ему-то напакостили...» Мама никогда не начинает ругать сразу, а сперва молчит — и чем вина больше, тем дольше...

— Надеюсь, что неплохой. Он вдумчивый юноша, — ответила мама, не поднимая глаз.

Эта ее уклончивость просто убивала. Будто мама намекала: мол, гнусность твоего поступка так велика, что ее все равно не выразить никакими словами. Так оно и было. Тем более мне не оставалось ничего, как только заставить маму об этом заговорить. Пусть говорит и выльет наконец все, что она об этом думает!..

— Мамуль! — бросил вызов я. — А он... Володя... уехал от нас... довольный?

После такого вопроса не мог не последовать взрыв: «Довольный?! Да что ты, просто в полном восторге! В полнейшем! Ведь ему всего лишь вконец испортили его орудие труда, лишили возможности делать дело, ради которого он приехал. Всего лишь!»

— Довольный? — рассеянно бормотнула мама. — Наверное...

Вот тогда, уже догадываясь об истине и все же пугаясь своей наглости, я выпалил:

— А репортерские маги, в сущности, ударопрочные, хоть кидай с девятого этажа...

И услышал в ответ равнодушное:

— Да?.. Ты бы чем-то занялся, Валёк. Почитал бы.

ЧЕЛОВЕК С БАЗЫ

«Мышеловка — это устройство, в которое попадаешь невзначай, а выбраться бывает сложно» — такими словами я открыл свой дневник, а точнее: «Записки В. Моторина, сделанные во время его необычайного

путешествия в другое измерение». Люди, которые путешествовали всего лишь в своем измерении, и те привозили тома записок. Но кроме первой фразы о мышеловке, я ничего пока придумать не смог.

Уже почти две недели я торчал в чужом мире в полном одиночестве, и это как раз тогда, когда начались долгожданные летние каникулы! А ведь мы собирались летом в Дагестан, в аул Сагратль через синие горы.

Вьется, вьется над пропастью тропа, по тропе голове в хвост идут три ишака, на ишаках папа, Герка и я. А тропка все уже и уже, а пропасть все глубже и глубже, и камешки из-под скользящих копыт падают глуше и глуше.

Сагратль — самый высокогорный аул. Облака и орлы парят ниже аула, в прежние времена по ним стреляли из нагана — сверху вниз. Так мужчины аула тренировались в меткости... Теперь все уже поняли, что орлов жалко. Мы будем их только наблюдать. А Герка будет наблюдать еще и звезды: в горах наблюдать звезды всего удобнее. Потому-то папа и обещал, что возьмет с собой не одного меня, а и Герку. Мама тоже приедет к нам, но чуть позже. У папы в Сагратле старинный друг его отца.

Только когда все это будет? И будет ли вообще?.. В этом другом измерении никто никуда не собирался. Мама задерживалась у больных. Герка торчал в гараже. Папа пропадал где-то чуть не круглые сутки.

Вообще другие родители были молчаливее моих, как-то даже слишком молчаливы. И должно быть, поэтому почти не высказывали мне презрения. А если и высказывали, получалось почему-то не так обидно. Может, потому, что это выходило у них не так согласованно? Что и говорить, мои мама с папой были куда дружнее. И дружно нападали на меня, и выходило — двое на одного. Но, насмотревшись на жизнь чужих Моториных, я знал теперь точно, что когда родители дружнее, все-таки лучше.

И Катерина в другом мире была совсем-совсем другая, я понял это в первый же день как сюда перенесся. Дом, где она жила, был угловой и окно — угловое, не окно, а две поставленные углом стеклянные стенки. На такой городской веранде жили Катерина и ее бабушка. Бабушка как раз поливала цветы в висячих горшочках. И тут из дома вышла Катерина.

Катерина, как всегда, плыла, чуть касаясь мостовой босоножками. И люди, и лужи, и машины расступались перед ней, как всегда. Но все же это была другая Катерина. И потому рядом, ковыляя на толстых подошвах, как страус на ходулях, и выставив свои джинсы, будто флаг, отсвечивал Коля-студент... Ну, нет, наша Катерина не пошла бы с таким и по одной стороне улицы!

И если до этого я еще чуть-чуть сомневался, у себя я или же нет, то тут уверился до конца: люди здесь другие и мир другой...

До чего же мне было тоскливо! Голубоватый лучик, который перенес меня сюда и мог бы тем же порядком вернуть обратно, до моих крыш упорно не доползал. Надо было что-то придумать. Но что?

Самое простое — связаться с теми, кто работает на базе. Если,

конечно, Герка был прав и это в самом деле научная база... Ведь должен же там кто-то быть!

Правду сказать, в первые дни я надеялся, что в моем мире меня хватились и что, может быть, кто-то на базе даже видел, как я попал в луч и исчез. Ведь для них-то я исчез?.. И поднялась тревога, шум, суетня. И организовали работы по моему спасению...

Но теперь уже было ясно, что ничего такого нет. Возможно, на базе и не подозревают о коварных свойствах лучика, а может быть, напротив, знают очень хорошо, оттого и испытывают в глухом дворе ночью...

Мне во всех случаях оставалось одно: сообщить на базу, что произошло, и попросить, чтобы скорее вернули меня назад. Ничего нет проще. Если бы, конечно, удалось понять, где на эту чертову базу входят... Странное дело, я ясно видел базу сверху. Но нигде не мог найти туда вход. Оставалось подкараулить кого-то из людей с базы, когда они будут туда проходить.

Наши дворы отделены от остального мира двумя улицами и двумя переулками. Я только и делал, что обходил дозором этот четырехугольник. Задача не из легких: сто подворотен и двести сорок семь парадных! Уходит десять минут, пока их разок обежишь... А сколько народу вытекает и втекает в наши дома за один только день! Кто из них с базы? Попробуй угадай!

Правда, оказалось: база работает не весь день, а минут всего по десять — в три часа дня и в одиннадцать ночи. Но перед этими часами во все парадные и дворы входили люди, вкатывались машины, а один раз прискакал даже всадник на коричневой, блестящей лошади. После выяснилось — это цирковой наездник примчался в гости к своей тетушке из девятой мансарды.

Впрочем, я и сам сразу понял, что ученые с базы не прискачут на лошадях. Машины приезжали тоже по своим делам забрать мусор, доставить кому-то шкаф... Пешеходы по большей части все тут у нас и жили...

В общем, людей с базы я пока не обнаружил. Но открыл случайно другие дворовые тайны. Узнал, например, что взрослые парни, те, что отнимали у нас с Геркой маг, в э т о м измерении все хотят жениться на продавщице из магазина «Вина—воды». Но продавщица Шура и не думает за них выходить, смеется только: «Да на что вы мне сдались, такая пьянь?»

А Коля-студент, тот что за трешку дает ребятам переписать диск (то есть хорошую пластинку), захаживал, оказывается, к нашей Нике. Я как увидел — просто поразился: студент, а ходит к такой малявке! Он шел с холщовым мешочком, где всегда носил диски, и сворачивал не к себе и даже не к Вите, а в Никин подъезд... То есть и Коля, и Ника были здесь, конечно, д р у г и е. И я подумал: «Может быть, он ходит к ней потому, что она сестра д р у г о й Катерины?»

* * *

Я бегал вокруг дворов, как спутник, запущенный на постоянную орбиту. Но узнать про всех, кто куда спешит, все равно не мог. Если

б здесь был со мной мой настоящий Герка!.. Вдвоем мы нашли бы кого угодно. Но однажды я и сам натолкнулся на очень странного типа...

— Скажите, который теперь час?

Я спросил это быстро, задыхаясь от бега, а тип вздрогнул в ответ.

— Без пяти... — буркнул, а сам тревожно глянул и, будто невзначай изменив направление, начал подниматься по лестнице вверх.

«Вот оно! — возликовал я. — Наконец-то нашел одного!» В самом деле, только что этот человек бежал и влетел в парадную на таких скоростях, что я чуть было от него не отстал. Он явно собирался проскочить через запасной ход в скверик. Но, заслышав меня, стал не спеша подниматься вверх... Кто это мог быть, как не человек с базы? Кто бы еще стал скрывать куда идет? Скрываться должны люди с базы, чтобы сохранить тайну...

Силуэт его вырисовывался на фоне лестничного окна: юркий и в то же время расхлябанный. Эта странная смесь удивила меня еще утром — он шел тогда по двору. Через час я заметил его снова, он крался к подворотне, где жили близнецы...

«Юркий» поднялся на первую площадку и, завернув, пошел дальше, так что я уже не видел его, но слышал, как его ноги перебирают ступеньки, как шуршит его плащ, а дыхание учащается по мере подъема. Всего здесь шесть этажей. Он приостановился, кажется, не доходя четвертого. «Кто живет на четвертом? — быстро прикинул я. — Саша. Нильсов дед... А что, если Юркий просто идет в гости? Только зачем бы тогда он бродил здесь с утра?»

Юркий вздохнул, двинулся опять. Заглянув снизу в пролет, я различил его движущуюся тень. И вдруг все исчезло: тень, шуршание, шаги. Он притаился! Действительно, в квартиры он не заходил — а то бы я услышал. И стоит там, и не дышит. Но только зря: ему теперь деться некуда...

Подпрыгнув от радости, я затопал к нему, говоря на ходу:

— Я нарочно нашел вас, товарищ! Здравствуйте! Я знаю, вы с испытательной базы. У меня к вам важное личное дело...

Мой голос странно звучал в лестничных извилах. Вверху рождалось эхо. Ответа не было.

— Вы слышите? Да не беспокойтесь, про базу я знаю давно, а никому не сказал и не скажу: тайна есть тайна! Только, пожалуйста, я очень прошу... так нужна ваша помощь...

Он не отвечал. Может быть, еще не совсем доверял мне?

— Я буду нем как рыба. Только не бросайте меня, помогите вернуться отсюда...

С этими словами я взлетел на четвертый этаж, взбежал на пятый, взобрался на шестой, запрыгнул на чердачную площадку. Что такое? Никого! Юркого нигде не было.

И куда он мог подеваться?.. Нет, в самом деле? Я подергал запертую чердачную дверь, заглянул в шахту сломанного лифта... И начал простукивать стены, чтобы понять, где тут потайной ход. Ход, конечно, был. Но стен тут много, а из дверей квартир повысовывались раздраженные жильцы...

Тогда, чуть не плача с досады, я уселся на подоконник.

ВСТРЕЧИ

«Какое чудовищное невезение! Или у них потайные ходы на всех лестницах?» Я долго сидел на подоконнике не глядя никуда. Затем поглядел вниз. Там в скверике на куче песка сидела девчушка лет шести и, уцепившись ручонкой за низкий борт песочницы, отталкивала худую женщину, наверное, свою маму. А та тянула девочку к себе. Казалось, я вижу их лица: у матери — перекошенное от бессилия, у дочери — упрямое, с прикушенной толстой губой... Ничего необычного в этой сцене не было: как мамы загоняют ребятишек домой, видишь в наших дворах каждый день. И однако все во мне насторожилось: обе они что-то мне напомнили...

Наконец мать сдалась: выпустила дочкины пальцы. И вдруг заломила над головой очень худые руки. Заломила так странно, что неловко стало смотреть...

Вот тут я понял, что ведь это и есть Лидия. Та самая Лидия, отца которой я пока не знал, но о которой просил вспомнить друг мой Валя Моторин.

Эту черную худую женщину Лидию и девчушку Лизу я видел на Московском вокзале. И было это в самый последний день, который я провел в моем измерении, ровно за час до того, как встретил наконец Катерину...

* * *

В то утро я встречал поезд. Точнее, вот уже второй день я встречал все скорые поезда, что приходили из Москвы. Ехать не скорым Катерина просто не согласилась бы.

Странно подумать, какая бездна народа прибывает к нам из Москвы каждое утро. Поезда идут один за другим. И выбрасывают на платформы толпы народа. Встречающие суетятся, заранее отыскивают, где остановится нужный вагон. А я номера вагона не знал. Не знал ни вагона, ни поезда, ни даже числа. И занял пост в начале платформы, где останавливаются тепловозы. Люди шли мимо меня и шли, несли сумки, чемоданы, баульчики. Зачем они ездили? Зачем во время своих экзаменов умчалась в Москву Катерина?.. Но зачем бы ни умчалась, сегодня приедет: завтра у нее экзамен — химия, я узнал это точно.

Катерина приедет, сойдет с подножки вагона. Не спрыгнет, как, например, Ника, а сойдет, как описано это у Грина: «Так спускаются по лестнице роскошного дома к почтительно распахнутой двери...»

Я представлял себе, будто Катерина уже идет вдаль — плывет, создавая в любой толчее неприкасаемую зону. Сейчас она выплывет следом за тележкой, груженной коробками... Но тележка проезжала за тележкой...

Катерина приехала в первом вагоне того поезда, что прибывал после девяти, когда наш шестой «а» начал уже, конечно, рабочий день на весенней школьной практике. Во мне что-то вздрогнуло за секунду до того, как Катеринин силуэт показался в дверях вагона. Она двигалась так, как умела лишь она одна, да еще Биче Сениэль из «Бегущей по волнам» Грина. Катерина, как и Биче, одарена особым даром подчи-

нять себе вещи, обстоятельства, людей. Когда я прочитал «Бегущую» — понял сразу: Грин списал свою Биче с Катерины... Как это могло выйти — не знаю, ведь когда жил Грин, Катерины еще на свете не было. Может быть, Грин встречал ее прабабушку, а она на прабабушку похожа? А может, существует много разных параллельных миров и Грин попал в один из них, а там Катерина уже была?.. Ну а как еще объяснить, почему героиня Александра Грина так похожа на Никину сестру Катерину?

Катерина ступила на перрон. Мои ноги одеревенели. Одеревенели и не шли, а Катерина плыла мимо. Видела она меня или нет?.. Неподалеку она приостановилась. Толпа, разделившись, обтекла ее по сторонам, а она спокойно опраправляла свою босоножку. Может быть, все-таки видела? Ждала, что подойду? Но мои ноги не двигались. И она ушла.

* * *

Я еще попал в тот день в школу и вскопал полклумбы в нашем школьном саду. И пока копал, говорил себе: «Ведь это и хорошо, ведь я так и хотел, чтобы Катерина меня не заметила. А то что бы я ей сказал?»

Я ни разу в жизни не сказал еще Катерине ни словечка. Не уверен даже, слышала ли она мой голос. Да и знает ли она вообще, что я есть?..

С практики нас вскоре отпустили. Светло-серые дождевые капли падали в темно-серую Фонтанку, и я шел, размышляя, как хорошо знать, что Катерина тут, в Ленинграде. Можно зайти в телефонную будку, набрать номер и слушать, как она говорит: «Алло! Алло! Перезвоните, я вас не слышу!»

Но Катерина произнесла только короткое: «Да?» Прозвучало оно, будто выкрик: «Ну, кто там еще пристает?» Где-то рядом с ней слышались голоса и смех: у Катерины были гости...

И что такого, что она пригласила гостей? Лучше всего было просто повесить трубку. «Будете говорить? — резко спросила она. — Ну, как хотите!» И запели-заиграли короткие злые гудочки: «пи-пи-пи»... Говорят, предложение жениться должен делать обязательно мужчина. И если ему ответят: «Не хочу!» — то он все равно должен предложить еще раз.

Во многих книгах намекают, что так бывает даже обязательно. Но если надо так, то я не женюсь никогда...

Я шел под дождем, а эти мысли смешивались с другими не более веселыми. Ведь я жил тогда в лестничном кресле и где-то валялся злополучный Володин магнитофон...

Вот почему я и думать забыл о еще одной вокзальной встрече.

* * *

Это произошло, когда я высматривал Катерину в толпе: я вдруг увидел папу. Папа нес в каждой руке по объемистому чемодану, а рядом, приотставая, семенила очень худая женщина. Длинная, в чем-то длинном и красном, она подпрыгивала на высоких гейшах, цепляясь

за папину руку, и вся напоминала спешащий красный карандаш... Женщина была мне абсолютно незнакома.

«Кто она?» — подумалось мне. Чтобы папа вот так, один кого-то встречал, — это выглядело странно. Тем более дома гостей как будто не ждали... Впрочем, как давно я не был дома!..

Я пригнулся и юркнул в зал ожидания, чтобы пересидеть минуток пять: за пять минут они отойдут далеко, а через шесть минут придет как раз следующий поезд.

С этими мыслями я плюхнулся на деревянную скамью. Но они вошли следом. Хорошо еще, что скамейки тут были с высокими, будто ширмы, спинками. Я притаился за одной из них.

— Ну зачем мы сюда пришли? — Если бы я не видел папину спутницу раньше, то теперь по одному голосу все равно бы понял, как она странно худа. Так худа, что словам негде в ней поместиться и они вырываются с каким-то нервным присвистом.

— Пойдем... Пойдем!.. Я прошу... Я мечтаю добраться хоть до какого-то дома...

Папа прервал мягко:

— Лидия! Сядь. Давайте пять минут отдохнем.

Она, видимо, послушалась: лавка скрипнула. А папа сказал:

— Вот так... Давай теперь знакомиться. Меня зовут Антон Валентинович. А ты, кажется, Лиза? Сколько тебе теперь лет?

Я удивленно выглянул из-за скамьи — тут была, оказывается, еще и девочка. Маленькая, черная как вороненок, она, насупясь, стояла в сторонке возле брошенных чемоданов. Папиных слов она будто и не слыхала — смотрела прямо перед собой.

— Седьмой год, — ответила за нее Лидия.

Девчонка не шевельнулась, будто речь не о ней. Странная была девчонка — неподвижная, с неподвижными, совсем грустными глазами. Я не услышал от нее ни звука. Впрочем, я и вообще почти ничего больше не услышал: в пустой зал ворвалась компания с двумя гитарами, транзистором и такими глотками, что заглушили бы и атомный взрыв.

Папа и женщина еще что-то говорили, наклоняясь друг к другу, напрягая голоса. Кажется, спорили. Он — терпеливо, она — бурно, со множеством странных резких жестов. Я даже подумал, что девчушка Лиза потому, наверное, такая угрюмая, что ей всегда неловко за мать...

Внезапно Лидия вскочила и, подняв свои чемоданы, покачиваясь под их тяжестью, сделала несколько упрямых шажков к выходу. Папа вырвал у нее груз.

— В конце концов решать тебе, — донесся до меня его голос в случайной паузе общего гомона. — К Нине Александровне, так к Нине Александровне. Изволь.

На том они удалились...

В любое другое время я бы, уж конечно, постарался выяснить, что это за женщина и что за девочка. Но я встречал Катерину. А вечером того же дня угодил в другое измерение, и встреча на вокзале затерялась в памяти.

КОЕ-ЧТО О ЛИДИИ

Теперь я глядел из окна, как наперекор материнским приказам девчушка Лиза усаживается в песочнице поплотнее, и во мне росла догадка, что обе они играют в моем переселении в другое измерение какую-то роль. Может быть, даже могут помочь возвратиться. Иначе зачем бы другому Вале о них вспоминать?

Я распахнул раму и лег на подоконник животом.

Лидия, знакомо заломив руки, что-то кричала, а девчонка положила подбородок на согнутые коленки, и вся ее фигурка выражала такое упорство, что я даже посочувствовал ее беспомощной маме. Но тут все переменялось: Лидия внезапно умолкла, прикрыла лицо руками и почти упала на садовую скамью; тогда Лиза взметнулась из своей песочницы, обхватила мать и, бормоча и плача, стала оттирать от глаз материнские ладони.

Я отвернулся: смотреть на это было неловко. А когда глянул опять, мать с дочерью, умиротворенные и зареванные, шли в обнимку к подъезду. Раз! — и они скрылись за дверью. Это была та самая парадная, где жила Нина Александровна — папина сослуживица.

* * *

Я слонялся по скверу, заглядывал в окна. Как раз в этот день пришло лето, жара струилась от камней, а дом как вымер: те, кому не надо было на работу, предпочли отправиться куда-нибудь на пляж. Надо сказать, другая мама тоже рвалась отправить меня в лагерь или на дачу к знакомым, но я объявил, что все равно отовсюду убегу... Ну не мог же я торчать на какой-то там даче, когда надо добиваться возвращения в свой мир!

Окна на светлом от солнца фасаде темнели будто провалы. Многие были распахнуты, плескались на ветру пестрые занавески. Набрав горсть мелких с горошину камешков, я стал тихонько забрасывать их за растворенную тети Нинину раму: один камешек, второй... пятый... Ага! Из темноты показалось возмущенное лицо Лидии, и худая кисть захлопнула створку. Створка стукнула, будто бросила мне: «Хулиган!» Зато теперь стало ясно, что Лидия с дочкой в самом деле живут у другой тети Нины.

Но мне повезло еще больше: в сквере неизвестно откуда появилась тетя Инга — Никина мама. Она торопливо размахивала одной рукой, в другой был большой желтый портфель. Вот это да! То был портфель моего папы!

Не успел я ахнуть, как тетя Инга скрылась в тети Нинином подъезде, через минуту серые, как у Ники глаза, глянули на меня сквозь стекло захлопнувшегося недавно окошка, а еще через несколько минут тетя Инга уже протопала мимо в обратном направлении, кивнув мне мимоходом:

— Что, Валентин? Скучаем?

Я пошел за ней. Она почти бежала в сторону института, где работали и она, и Нина Александровна, и мой папа. Теперь тетя Инга размахивала обеими руками — папиного портфеля при ней не было.

Итак, все нити к интересующей меня Лидии тянулись почему-то с папиной работы... Я потоптался на углу у автоматов с газированной водой и отправился туда же.

Институт физики, где папа работал, выглядел в обоих измерениях совсем одинаково. Папин заместитель Позен сидел за огромным столом, напротив поместились тетя Инга и дядя Олег, а между ними лежал чертеж, и они будто бодались над ним головами.

— Тебе папу, Валентин? — сразу обернулась ко мне тетя Инга.

Папа был мне вовсе не нужен, наоборот, мне казалось, что без него мое расследование по поводу Лидии пройдет куда легче. Но я уже знал, что дверь папиного кабинета все равно заперта, и потому смело кивнул.

— Олег, не знаешь, где у нас Валентинович? — Но тут тетя Инга, видимо, что-то припомнила и, разом покраснев, пробурчала: — Ах, да... да... да...

Она поглядела на дядю Олега так, будто просила, чтобы он ее выручил. Но он лишь моргнул и сказал:

— Да-а-а-а... Э-э-э-э...

Все стало ясно: папа был сейчас в таком месте, про которое рассказывать нельзя: в очень секретном... Между тем тетя Инга оправилась от смущения:

— Папа ушел. Погуляй тут, а потом пойдем обедать.

— А куда ушел? — Я спросил просто по инерции.

— Куда-куда... Уехал в банк выбивать нам премию.

Вот уже это-то была неправда, за премией бы он не поехал ни за что — это дело бухгалтерии. Просто тетя Инга заговаривала мне зубы. Она работала с моим папой так давно, что познакомилась со мной сразу, как только я родился, и все-таки не поняла еще, что я — человек проникательный!

«Что же они скрывают? — соображал я. — Может быть, папа работает с той аппаратурой, от которой у него в прошлом году был ожог?»

Отогнав легкое беспокойство, я вышел в коридор. Думал потолкаться по этажам, позаглядывать в разные комнаты, и тогда, может быть, sluшок о странной Лидии найдет меня сам собой. Был, конечно, и другой путь: расспросить тетю Нину (Лидия-то жила у нее!). Но что-то говорило мне, что вопросов на эту тему лучше не задавать.

Однако Нина Александровна догнала меня сама и, подцепив под локоть, спросила тихо:

— Тебе очень нужен папа?.. Валечка! Папа занят одним очень ответственным делом, но уже заканчивает и вот-вот должен быть...

Я знал, что это другая тетя Нина и голос у нее не добрый, а просто вкрадчивый, но был заинтересован поддержать разговор: а вдруг она в чем-то проговорится? И потому поинтересовался.

— А что это за дело, тетя Нина?

— Рассказать я не имею права. Но только оно ответственное. Чрезвычайно. И в общем... в общем папе будет приятно, если после такого дела его встретит родной сын.

На слове «такого» она сделала ударение. А тон был таков, что сделалось не по себе... Я как-то почти забыл, что это не мой папа. И мысли о Лидии мгновенно отошли на задний план.

— Тетя Нина! Вы хотите сказать, что это опасно?

— Ну-ну! Сейчас, я надеюсь, все уже позади. Но, знаешь, ты подожди в отцовском кабинете. Только у нас такое не принято. Так что ни-ни! Ти-хо-нько!.. И запрись изнутри.

Быстро затолкнув меня в кабинет, она сунула мне отцовский ключ.

* * *

— Олег, ты не видел Валюху?

— Моторина-младшего, что ли? Только тогда. С тех пор — нет.

— Противный парень, ну куда пропал?

— Да ушел. И правильно сделал. Чего ему в такой день здесь париться?

— А обед? — Тетя Инга почти рассердилась.

— Да на что ему твой обед?

Они протопали по коридору прочь, следом за ними — все другие: начался обеденный перерыв. А я остался сидеть за папиным столом, по-папиному подперев щеку. Вообще-то папа не очень любил, чтобы я торчал в его институте: мол, забежал, если что-то надо, и иди домой, не мешай. В его кабинете я бывал лишь мельком, а один не оставался, конечно, ни разу. Здесь хранились приборы, какие-то реактивы и никому, даже сотрудникам, ходить сюда без хозяина было нельзя, я знал это точно.

Вот почему поведение тети Нины все больше и больше казалось мне странным. Странно уже и то, что у нее почему-то был папин ключ.

Впрочем, в другом измерении и порядки могли быть совсем иные... Примирившись на такой мысли, я стал думать, как это будет занятно — папино изумленное лицо, когда он сюда войдет. Когда папа удивляется, кончик носа поднимается у него вверх, будто у веселого щененка... А глаза у папы прищурятся: «Ба, сир! — забасит он. — Мое научное место уже, значит, занято?» За ход папиного «ответственного дела» я почему-то больше не волновался. Ведь сказано же, что все позади. Зато передо мной был папин письменный стол, которым стоило заинтересоваться.

Стол был такой громадный, что тут могли бы играть в настольный теннис сразу две пары. На нем валялись кучи бумаг, книг, чертежей и какая-то штуковина под стеклом с прыгающей стрелкой.

Я поднес руку к штуковине — стрелка метнулась вправо, будто хотела выпрыгнуть наружу. Я отвел руку — стрелка вернулась назад, встала было посередке, где нуль, но передумала и скакнула до упора влево. Я чихнул — и она бросилась к нулю. Это было до того занятно, что я забрался в кресло с ногами и стал потихоньку дышать на стрелку через стекло. От дыхания она будто оторопела и остановилась, мелко подрагивая. А я сказал ей.

— О, великий Джин! Ты, кто заключен в этом странном сосуде! Чего ты хочешь, скажи? Хочешь, чтобы тебя освободили?

На самом деле я, конечно, вовсе не думал, что там сидит джин, а знал, что это папин прибор. Но стрелка перестала дрожать и замерла, будто задумалась над вопросом.

— Скажи! — шепнул я. — Если надо, я сумею разбить волшебное стекло, за которым ты заточен. Только не воображай, что мне нужна награда. Просто я против, чтобы кого-то заточили...

Я знал, что никто не ответит, потому что никакого джина нет. И все же на минутку представилось папино лицо, когда он увидит свой прибор с разбитым стеклом, — зрелище не очень приятное... А стрелка замоталась влево-вправо, влево-вправо, будто замотала головой: мол, нет, нет, нет... не разбивай!.. И почему-то именно в этот миг я внезапно отчетливо понял, что шутовина-прибор, и бумаги на папином столе, и тети Ингин чертеж — все-все это относится к антиматерии, все тут изучают не что-нибудь, а антиматерию... Как я это уловил — не знаю сам. Может быть, до меня с опозданием дошло, что всегда во всех институтских коридорах только и слышится «антимезон», «антинейтрино», «антикварк». А ведь это — частицы антивещества. Папа говорил, что их найдено уже очень много... И как я не догадался уже тогда, что, наверное, сам папа их и находит? И когда он обжегся в прошлом году — это, видно, было от античастиц, ведь антиматерия очень опасна...

— Знаешь что, Джин, — сказал я, — сиди уж действительно там.

И ко мне возвратились все прежние опасения. С беспокойством припоминалось, что тетя Нина сказала уходя, уже из-за двери:

— Ни в коем случае ты сам отсюда не выходи. Если что-то произойдет, приду за тобой я...

Что она имела в виду? Значит, папе еще что-то угрожает?

Папы все не было. Подойдя к двери, я выглянул осторожно в замочную скважину: коридор был пуст. Мне думалось: «А если что-то и вправду случилось? Случилось, но тетя Нина вгорячах про меня забыла, а остальные ведь просто не знают, где меня искать...» И в этот момент раздались странные звуки, будто позванивали маленькие колокольчики, — в коридоре совсем рядом с дверью висел телефон, и он звонил, но совсем по-особому... Может, это звонят о папе?.. Я высунулся, схватил трубку. Там произнесли:

— Тубинститут слушает.

Это было непонятно: тубинститут, где лечит больных мама, не имеет к папиному физическому институту никакого отношения. И почему это «тубинститут слушает»? Это мы здесь его слушаем, а он, наоборот, нас зачем-то вызывает... Я собрался было задать законный вопрос: «Алло! А кого вам надо?» Но услышал поскрипывающий голос тети Нины:

— Здравствуйте! Прошу вас как можно скорее сообщить вашему врачу Моториной...

Меня будто ударили в грудь, в голове пронеслось: «Случилось самое страшное и тетя Нина об этом звонит...» Трубка чуть не выпала из рук. А тетя Нина продолжала четко и громко:

— ...сообщите ей, что ее сын Валя попал в уличное происшествие и в настоящее время находится в тридцать шестой поликлинике в рентгеновском кабинете.

* * *

Я бежал, бежал и думал только о том, чтобы скорее добежать.

— Тетенька, простите. Очень нужно. Дайте, пожалуйста, две копейки. Спасибо.

В будку телефона-автомата я ворвался как шквал:

— Алло! Надежду Андреевну! Как ушла? Может быть, еще не совсем ушла, может, еще на лестнице? Ой, крикните, пожалуйста, это ее сын... Алло! Мамуль! Это я, Вая.

— Господи, Валенька, Валюшенька! Что с тобой? Что случилось? — Мама не то всхлипнула, не то икнула. — Где ты?

— На Невском. У кино «Октябрь», — безмятежно объявил я.

— Как у кино? Тебя отпустили? Ты один? Что-нибудь сломано? Как рентген?

— Какой рентген? Ты что, мамуль?.. Я хотел спросить, можно мне в кино? Хорошая картина...

— А как же?.. погоди! Ты был в поликлинике?

— Какая поликлиника? Мамуль, я же спрашиваю, можно мне в кино? Ты поскорей, а то сеанс начинается.

— Господи! Милый мой, дорогой мой мальчик! Конечно, можно... По-моему, мама плакала.

* * *

Дело в том, что телефон, висящий возле папиного кабинета, подключен параллельно к другому телефону — белому, блестящему, всегда стоящему в рабочем зале отдела у Позена на столе. Вот по нему-то, когда все ушли на обед, звонила в мамин институт д р у г а я тетя Нина. Про аппарат в коридоре она, видимо, забыла — это был ее просчет... Что касается папы, никакого опасного эксперимента он на этот раз не проводил. Просто врунья Нина Александровна придумала засадить меня в кабинет, чтоб в самый момент ее коварного звонка я — непоседа — наверняка не оказался бы у мамы.

Я прыжком выбрался из будки автомата. Я ликовал, приплясывал, напевал. Будь толпа на Невском чуть пореже, я сплясал бы танец дикарей. Потому что, пусть это касалось мамы другого Вальки, я чувствовал, что просто не пережил бы, если бы у нее сделался инфаркт.

Да, сколько я ни говорил себе, что здешние родители — чужие, но до конца осознать этого не мог. То есть, конечно, мои папа с мамой — совсем-совсем иное... Но и за этих я тревожился и волновался. Я тревожился за них даже больше, ведь они — эти д р у г и е родители Моторины — куда менее удачливы, чем мои.

Со стороны Нины Александровны было неумно врать, что я в тридцать шестой поликлинике, ведь тридцать шестая — вовсе не детская, никто бы меня туда не послал... А вот зачем ей понадобилось такое вранье, это я еще намеревался выяснить.

И выяснил. Возле рентгеновского кабинета в кресле для ожидающих сидел папа. «А может, я не понял и тетя Нина говорила не обо мне, а о папе?» — это было первое, что пришло мне в ум. Но папа был непохож на пострадавшего. Он развернул газету и поглядывал то в нее, то на белую дверь. Дверь пискнула, растворилась и оттуда показалась Лидия.

Я замер. И, встав за колонну, наблюдал оттуда, как он подхватил бледную Лидию, как накинул на нее теплый плащ и почти понес к выходу. «Так вот на что намекала маме д р у г а я тетя Нина. И вот почему этот д р у г о й папа приходит домой поздно» — так мне думалось. Я уже хорошо знал, чем это может кончиться; в прошлом году такое случилось

с отцом малыша Нильса: его отец Дмитрий Иванович начал ходить к чужой женщине. И тогда он сразу стал задерживаться допоздна, вот так же как теперь друг ой папа. А мама Нильса смотрела на это, смотрела, а потом сказала Дмитрию Ивановичу, что пусть он уж лучше не приходит совсем. С тех пор Нильс живет только с мамой, а папа встречается с ним по вторникам в Екатерининском садике. А мама Нильса с тех пор все болеет, говорят, что от грусти...

У меня даже заныл затылок. «Но это еще будет не сейчас, сейчас мама ничего еще, к счастью, не знает. А после пусть беспокоится друг ой Валя. Меня здесь после не будет» — так я пробовал себя утешать, хотя и знал, что эти верные по существу рассуждения не утешают почему-то ничуть...

Я все стоял возле дурацкого рентгеновского кабинета, приложившись к колонне пылающей щекой. Потом щеки стали остывать, а я сообразил, что ведь Лидия пришла сюда не так просто: она заболела. Ну а если один человек провожает другого, больного, то в этом не может быть ничего плохого.

Раздумывая так, я вышел на бульвар и, шагая вдоль скамеек, наткнулся на вытянутые ноги.

— Ах, простите! — Я обернулся.

Ноги принадлежали папе. А на его плече лежала Лидия с опущенными почерневшими веками.

Нет, то что она лежала на его плече, не означало еще ничего. Может быть, ей, больной, надо просто отдохнуть по дороге... Но вот сам-то папа... Сперва он будто не узнал меня, отвел глаза. Потом сообразил, что притворяется уж слишком явно, и обернулся ко мне, а сам покраснел. Я и не предполагал, что он может краснеть.

— Ах, это ты? Ты... Поди сюда, — с запинкой сказал он, а сам стал скорее придумывать, что бы такое мне соврать. Было просто видно, как он придумывает... Не вообразил ли он, что я стану слушать всякое вранье?

— Иди же сюда!

— А мне неинтересно. Не-ин-терес-но! — отчеканил я.

И ушел.

Мамина подруга Нина Александровна хотела, оказывается, чтоб мама увидела папу и Лидию вместе, для этого все и подстроила. Вот как понимали в этом чужом мире дружбу!

Хотелось затопать ногами и заорать на всю Вселенную: «Спасите! Не могу я больше оставаться в этом измерении!» Вот бы набрать побольше кирпичей и начать швырять их сверху в эту гнусную базу. Может быть, тогда бы они задумались о том, что наделали? Только я ведь и прежде пытался уже закидывать в эту каменную щель обломки кирпича, но они растворялись в воздухе, не достигнув цели...

Оставалось продолжать поиски, присматривая одновременно за тетей Ниной, чтобы она не осуществила все-таки свой «дружеский» план. Мама не должна узнать про Лидию. Ну зачем ей знать? Ведь ничего особого пока что нет, ничего рокового не случилось, и, значит, все еще может исправиться...

Да и во всех случаях, чем позже мама начнет болеть, как мама Нильса, тем, конечно, лучше.

Я размышлял, что бы придумать такое, чтобы раз и навсегда отучить Нину Александровну лезть в наши семейные дела. И меня осенило. Я как пуля понесся снова в папин институт. Позен, тетя Инга и дядя Олег опять сидели над чертежами. Тетя Нина, стоя за спиной Позена, зыркнула на меня довольным взглядом: представляла небось, как сейчас чувствует себя мама в тридцать шестой поликлинике...

— Теть Нин! — громко и наивно сказал я. — Зачем вы передали маме, что будто со мной плохо, и меня отправили на рентген, и чтобы мама бежала туда же?

Вот это был эффект! Тетя Инга, дядя Олег, Позен — все разом вскочили. И закричали в три голоса:

— Как так?.. Откуда ты это взял?.. Что с мамой?..

На это я и рассчитывал. Недаром же они скрывали, где отец. Знали, конечно, и про поликлинику, и про Лидию, но ни в коем случае не хотели, чтоб про это узнала не только мама, но даже и я.

Нина Александровна покрылась красными пятнами, но пропела с натуральным изумлением:

— О чем ты, Валечка? Какой рентген?

Никого это не обмануло. Коллеги глядели на нее все пристальнее. А я продолжил:

— Ну что вы, тетя Нина? Вы же сами закрыли меня на это время в папином кабинете... Вот, кстати, возьмите назад.

И я протянул ей у всех на виду давешний папин ключ.

НОВЫЕ СВИДАНИЯ

В одиннадцатом часу вечера было еще светло. Я как всегда направлялся к своей крыше, когда под аркой Никиных ворот лицом к лицу столкнулся с девчужкой Лизой. То есть это только так говорится: лицом к лицу, на самом деле ее лицо было на уровне моего ремня, так что она уткнулась в пряжку, но как будто не ушиблась.

Девчушка сразу отскочила и хотела бежать. Ей и надо бы было бежать, потому что таким маленьким детям в этот час давно пора спать. Но я, сообразив, что вот представляется случай узнать о Лидии побольше, схватил девочку за ручонку.

— Куда бежишь? — я спросил приветливо, но она руку выдернула.

— К маме. А что?

— Ничего. Просто хочу сказать тебе: здравствуй, Лиза!

Я думал, она удивится, что я ее знаю. Но она улыбнулась:

— Здравствуй, Валя!

Я даже подпрыгнул:

— А ты меня откуда знаешь?

— А кто бросал к нам камешки в окошко?

Улыбалась Лиза странно: глаза светились смехом, но по потрескавшимся губам сразу видно было: улыбаться они не привыкли.

И тогда я спросил вдруг:

— Твоя мама очень... нервная, да?

Из глаз улыбка сразу исчезла, а губы, наоборот, расплылись еще

больше, они расплывались и расплывались, будто самим им улыбаться хотелось, а их хозяйке — вовсе нет... Мне показалось, что Лиза сейчас заревет, но она только сглотнула:

— Большая...

Тогда я спросил деловым тоном, как спрашивают, например, «где ложка?».

— Чем большая?

Деловой вопрос требовал делового ответа. Она и ответила, старательно выговаривая каждый слог:

— Изо-тер-по-ко-ко-нней. Такая производственная болезнь. От экс-пе-римента, знаешь?

Ничего такого я не знал. Но мне казалось, что пора переменить тему, а потому я кивнул и снова взял девочку за руку:

— Пошли, я тебя провожу.

— Что ты? Я сама! — Однако теперь она не вырывалась, а, наоборот, прижалась к моему боку. Наверное, все-таки побаивалась ходить по чужим дворам.

— Мама послала меня к тете Инге за солью. А тети Инги дома нет, одна Ника... А ко мне вчера черный кот в форточку приходил... А у меня дома две куклы с настоящими волосами...

Она болтала от радости, что не страшно идти и что нашелся хоть кто-то, с кем можно поболтать. Ведь она тут никого еще не знала.

— А моя мама потому такая нервная, что у меня невыносимый характер...

Вот это да! У этой малышки было вроде как у меня?

— Это тебе мама так говорит? — поинтересовался я, уже отпуская ее возле парадной.

— Все говорят! — и она помахала мне, как машут маленькие дети.

Меня все подмывало спросить, часто ли бывает у них дядя Антон Валентинович. Но это было бы как-то нечестно.

* * *

А зря я надеялся на Лидию. Ну как она может помочь возвратиться?.. И другой Валя говорил о ней не потому, а просто намекал, что папа пропадает из дому не из-за чего-нибудь, а из-за Лидии... Так что, если хотеть вернуться в свой мир, надо снова и снова искать связи с испытательной базой.

Придя наконец к такому выводу, я обежал вокруг дворов раз так пятнадцать подряд, после чего пришлось отдыхать, привалившись к старой тумбе.

И тут из парадной, где жила Нина Александровна, показалась странная процессия. Сцепившиеся люди выдвигались наружу осторожно и медленно. Так высовывается из раковины улитка. Я привстал и сразу присел опять: то были папа и тетя Инга, они вели под руки ослабевшую Лидию. «А как же Лиза?» — подумалось мне. Лиза вышла, озабоченная какими-то двумя сетками, которые она несла осторожно-осторожно. В одной из них видна была темная бутылка — наверное, лекарство Лидии. Подъехала машина — не скорая помощь, не такси, а какой-то микроавтобус. Подкадил совсем бесшумно; папа и шофер молча посадили Лидию, Лизу с ее

сетками, тетю Ингу, впрыгнули сами. И все это выглядело так, будто среди белого дня происходит похищение. Никто ничего не заметил. Лишь когда щелкнули автобусные дверцы, в Никином окне, том, что выходит в проход, как будто шевельнулась портьера...

Тогда я расчесал пятерней чуб и отправился на разведку к Нике.

* * *

В Никиной парадной внизу топтался Нильс — шестилетний малыш из четвертой квартиры. Тот самый, у которого ушел папа... Родители называли этого мальчишку в честь Нильса Бора, великого физика. Думали, наверное, что от этого сын будет умнее...

Когда я вошел, Нильс отпрыгнул от лифта что-то уж очень быстро. Но затем вернулся и даже услужливо надавил кнопку. Это меня удивило: мальчишка услужливостью не страдал. Я бросил ему:

— Привет, лифтер!

— Я тебе не лифтер, — огрызнулся он, следя за подъезжающей кабиной. И вдруг объявил торжественно: — Прибытие! Прошу на выход!

А я-то, балда, вообразил, что Нильс вызывает лифт для меня! Как бы не так! Он распахнул железную дверь, и оттуда вылез недовольный и «укаченный» кот Эдик. Ну да, конечно, мне уже рассказывали раньше, что этот Нильс загоняет бедного кота в лифт, а сам бежит и вызывает его с этажа на этаж.

— Ты что это, фашист, животное мучаешь?

От моего крика кот попятился и попытался «сесть» в лифт снова. Сам же Нильс моим возмущением пренебрег. Возразил с достоинством:

— И ничего не мучаю. А приучаю к перегрузкам, чтобы при старте космического корабля...

Ну что с ним было разговаривать?.. Я плюнул и позвонил в Никин звонок.

* * *

Открыл Никин сосед дядя Глеб:

— Здорово-здорово! Проходи, парень, не тушуйся!

Подбодрил он меня, оказывается, совсем не зря: от того, что я увидел, вполне можно было стушеваться.

Нет, в самом деле, я заходил сюда в последний раз месяца так два назад за задачкой по алгебре. Все тогда было нормально: Ника стояла возле шкафа на голове, потом перекувырнулась и дружески треснула меня учебником по затылку... В Никиной комнате, отделенной от родительской занавеской, все тетрадки, книжки, карандаши были тогда разложены аккуратно по полкам. Даже доска с незаконченным Никиным рисунком и та была ровненько приставлена к стене...

Сейчас Ника лежала на диване спиной к портьеру, заменяющей дверь, и читала книгу, приставленную к диванной подушке. А в ее ногах, в головах, под боком, на соседнем столике, за диванным валиком и просто на полу лежали и стояли разные другие книги, будто она читала целую библиотеку сразу.

— Кто там? — нехотя спросила Ника, не поворачивая даже свою нечесаную голову.

— Это я, Валя. К тебе можно?

— Угу.

Она читала, лежа спиной ко мне, и, видимо, не имела намерения поворачиваться. Казалось, она лежит так не день и не два... На стуле рядом стояли грязные тарелки с недоеденным супом, под стулом валялся недоеденный кусок хлеба... «Вот это да! Такого безобразия не встретишь ни у одного мальчишки!» — так я подумал. А вслух спросил:

— Интересная книжка?

— Угу.

— А про что?

Поняв, что от меня не отделаться, Ника нехотя шевельнулась и еще более неохотно перевернулась на спину:

— Что ты сказал?

— Про что твоя книжка?

Несмотря на жару, Ника покрыта была теплым красным халатом. Похоже было, что она покрылась им несколько дней назад, когда еще было холодно. И с тех пор все ленилась его сбросить. Часть этого огромного халата свисала до полу и лежала там в пыли. Но когда Ника переворачивалась, халат немного поддернулся и книги, что лежали на нем грудой, попадали вниз... Она на них только покосилась и ответила мне:

— Да так... Про все...

Теперь Ника лежала на спине и так же, как прежде в книгу, настойчиво глядела в потолок. Любой, кто знал раньше эту верткую Нику, решил бы, что ее опоили, околдовали, подменили. Он понесся бы к ближайшему телефону и вызвал бы скорую помощь и милицию... А я закрыл глаза, посчитал в уме до десяти и понял, что ничего не случилось — просто передо мною была другая Ника!

Я бродил по пыльной Никиной комнатухе и наткнулся на старый проигрыватель. Он стоял на облезлой табуретке как-то боком, но вот удивительно — возле него прямо на полу лежали диски. И какие!.. Я опустился рядом. «Король Артур», все записи Битлсов! Такого великолепия не было, я думаю, даже у Вити.

— Откуда у тебя «Король Артур»?

Ника все так же лежала на спине, но тут обернулась:

— Эти? А... это... одного человека. Слушай, Валь, засунь их подальше. Вот хоть бы под шкаф, а?

— Может, лучше в шкаф? Все-таки...

Она нетерпеливо дернула плечом. И я сунул диски на полку на какие-то девчоночьи тряпки... Конечно, подмывало спросить, что это за «один человек», который разбрасывает где попало такие вещи. Но Нике вряд ли захотелось бы отвечать...

Отодвинув занавеску, я оказался на родительской половине комнаты и начал рассматривать старинный письменный прибор на столе. Никому теперь не нужные пустые чернильницы красовались на мраморном постаменте, окруженные резной бронзовой оградой с воротиками. Я подвигал воротики туда-сюда, провел пальцем по бронзовым кружевам.

— Валет! Я все хотела тебя спросить, — донесся из-за портьеры какой-то вдруг охрипший Никин голос. — В тот раз, ну когда Катя приехала из Москвы... скажи, она была одна или с Колей?

— Когда?.. Где?.. Как? — лепетнул я в ответ.

Я не мог произнести ничего внятного. Не потому, что Ника, оказывается, равнодушна к этому индюку Коле-студенту. И не потому даже, что Катерина, оказывается, все-таки видела, что я ее встречал, и рассказывала, и, может быть, даже смеялась... А потому, что на тети Ингином столе рядом с красивым письменным прибором лежал на подставке календарь и в нем против сегодняшнего числа на месте «для памяти» тонким почерком сделана была надпись: «Утро. Лидия Федотовна. База»...

* * *

Итак, Лидия, то есть Лидия Федотовна, все-таки имела отношение к испытательной базе, а значит, и к нашему с другим Валею перемещению. Тетя Инга, выходит, тоже была связана с базой. А если так, значит, связан и папа! И сегодня, согласно записи в календаре, все они отправились на базу!

Это вспыхнуло в мозгу, и я застонал от досады: ну что бы мне было вместо разговора с Нильсом, да и с Никой, сразу побежать на базу за ними следом?.. Впрочем, стоп! Получается какая-то чушь: как можно проехать на базу на автобусе, пусть даже это будет микроавтобус? Не выростают же у автобуса крылья...

Через две минуты я уже стоял на крыше. Кровля возле моей третьей трубы вся была в комьях глины, нанесенных моими кедами за много вечеров. А внизу на базе не происходило ничего. То есть что-то, возможно, там и совершалось: кто мог видеть, что творится под этими куполками? Но гриф наружу не вылезал, и никакого микроавтобуса тоже не было. Разве что он прижался к самой-самой стене дома, на крыше которого я стоял: узкая кромка у самой стены с моего места не просматривалась...

Я стоял и спрашивал себя: неужели может быть такое, чтобы тетя Инга и даже папа каждый день ходили на базу и делали что-то таинственное под самым моим носом, а я и не заметил?

Быстро спустившись, я добежал до первого телефона, набрал номер Ники. Раздались глухие длинные гудки: один, другой... Никого, кроме Ники, у них там в квартире сейчас не было: дядя Глеб при мне ушел. А Ника подходить ленилась. Я насчитал шестнадцать гудков — значит, телефон, что стоит на полочке в Никиной передней, прозвонил шестнадцать раз. Ника не подходила. Я набрал номер снова. Потом еще. Когда гудков насчитывалось шесть раз по шестнадцать, в трубке щелкнуло и сонный Никин голос сказал:

— Алло.

— Ник, это я — Валет.

— Да.

— Ник, ты меня извини. По-моему, Катерина была тогда на вокзале одна... А еще... ты не знаешь, где та опытная база, на которую ходит твоя мама?

На том конце провода молчали, видимо, Ника «переваривала» первую часть моего сообщения.

— Ника! Алло! Ника!

— Конечно, знаю! — объявила Ника неожиданно звонким, веселым прежним своим голосом. — Только она не ходит, а ездит. Куда-то под Одессу.

ЧТО ЗНАЛ НИЛЬС

В этом другом измерении и мороженое было совсем иное... Я лизал крем-брюле, пахнущее кислым, и мне так хотелось обратно в м о й мир, что я готов был выть, выть, выть...

Другая мама вручила мне поутру два рубля, чтобы я съездил хотя бы за город, а не торчал целый день в душных дворах. Но дела не отпускали меня далеко, а кафе-мороженое было тут рядом.

Я ковырял ложечкой холодный шарик и думал о том, как Никино сообщение про одесскую базу снова запутало то, что я начал было распутывать... Неужели они все: тетя Инга, папа, Лидия взяли и вот так без предупреждения отправились в крошке автобусе под далекую Одессу?

В кафе было пусто. Может быть, оттого, что оно в подвале — шесть ступенек вниз. Но скорее оттого, что его только недавно открыли, а вывеску еще не повесили. Я сидел за столиком прямо против окна, светящегося под сводчатым потолком ярким, льющимся снаружи светом. Окно было похоже на щель, какая получилась бы, если бы зацепить дом за крышу каким-нибудь великанским крюком-краном и чуть-чуть приподнять его над асфальтом... А за этой щелью-окном шли, стояли, бежали, переминались и пятились большие и маленькие, толстые и тонкие, мужские и женские — самые разные ноги. Просто парад ног! Я зевнул и попытался от скуки отгадывать, куда они все идут. Вон те в красных босоножках на тонюсеньких ремешках спешат, наверное, в театр. Эти — в полукедах — на теннисный корт. А вот мужские, солидные, на толстой модной подошве, может быть, вышагивают на базу?..

Я взволновался и пристально следил, как они двигаются вдоль моего длинного окошка. Не дойдя до конца, приостановились — их хозяин искал, видно, у кого бы прикурить... Так и есть — идущие навстречу сандалеты задержались рядом. Затем ботинки и сандалеты стали расходиться, сандалеты двумя решительными бросками скрылись из поля зрения. Я вскочил: такие вот желтые сандалеты и бежевые брюки в крупный рубчик могли принадлежать только моему отцу.

* * *

Папы не было ни в переулке, ни во дворах, ни дома — нигде. И все-таки это мог быть только папа: такие сандалеты и брюки мама привезла ему откуда-то еще зимой и гордилась: до чего подошли в тон! Сандалеты с брюками пронеслись как раз в сторону наших домов. Но с другой стороны, как мог здесь оказаться папа, который ведь отбыл утром в Одессу? Или все же не отбыл?

Оставалось затаиться в «капризе» под Никиным окном и терпеливо ждать. Если он вправду уехал, то, конечно, не появится совсем. Если все же он появится из ворот, что ведут от автобусной остановки, — это значит, что хотя он никуда не уехал, но не был сейчас и на базе. Зато если он войдет в Никин двор из-под низкой арочки, что ведет изнутри нашего лабиринта, значит... Значит, база, на которой бывают тетя Инга и папа, вовсе не под Одессой, а именно здесь!

Растянувшись на молодой траве, я стал следить сквозь кусты за обоими входами. Сперва вошел Вита. Он поступал в техникум и теперь,

наверное, возвращался оттуда, подавленный трудностями и побледневший. Потом долго никого не было. А затем показался малыш Нильс. Он сжимал в кулачке длинную ярко-синюю ленту, а на другом ее конце выступал готовящийся в космонавты кот Эдик. Кто из них кого вел — было неясно. Нильс пытался присвоить руководство, но время от времени Эдик проявлял норов, и тогда, чтобы избежать конфликта, Нильс поворачивал свои потрепанные сандалии и бежал за котом... Они поравнялись с кустами, за которыми я скрывался, и дружно пустились ко мне. «Странно, как это они меня открыли? — подумалось. — Ну, у Эдика, предположим, нюх. А у Нильса? И с каких это пор они так меня полюбили?» А Нильс уже уселся на корточки возле моей головы и заверещал:

— Здравсте!.. Эдик проходит бег в поводке, это важно в условиях иных планет... Витька в техникум провалил, потому что большой, а балда, от него все кошки убегают... Ника Вознесенская рисовать теперь разучилась, — голосок у него был насмешливый (и вообще, этот д р у г о й малыш Нильс казался гораздо умнее нашего, напоминал даже чем-то м о е г о Герку). — Девчонку Лизку, ту, что приехала весной, доставили назад, а ее мать оставили лечиться на базе...

— Стой! — у меня даже занемело внутри. — На какой базе?

И именно в этот миг я увидел папу. Папа пожимал руку старушке Татьяне Тарасовне. Пожал и пошел вместе с ней в ее подъезд. Появился он изнутри или с улицы? Вот за этим — самым главным — я и не уследил...

* * *

Теперь мне оставался только один Нильс. То есть с нашим глупеньким шестилеткой Нильсом я и говорить бы не стал. Но этот... Он таинственно повел глазами и шепнул:

— У нас во дворах, вот совсем где-то тут спрятана настоящая научная база. Честное слово!

И, насладившись произведенным впечатлением, продолжил важно:

— А знаешь, что на ней делают? Животных к космосу приучают! Как я — Эдика. Только у них — все дикие: медведи, тигры, инфузории...

— Кто-кто? — перебил я. — Инфузории? Ну ты даешь!..

Жаль, что он брякнул такую глупость! Не хотелось, чтобы правдивый, может быть, рассказ засорялся такой ерундой.

Он в ответ надулся:

— Инфузория — это микроба такая. Не хочешь слушать, так не надо. Сразу, хитрец, почуял, что мне необходимо его послушать!

— Ну что ты, Нильсик? Я хочу.

— А тогда не дразнись... Без микробы в космосе тоже ведь нельзя... Всех зверей привозят к нам сюда и здесь тренируют.

Опять он понес ерунду, так что скучно стало разговаривать. Я возразил неохотно:

— Если привозят сюда, так почему мы их не видим?

— А вот в том-то и есть главный секрет. Зверей в какой-то тайный двор спускают. На вертолете. Спускают ночью, а навстречу шлют такой специальный лучик, тонюсенький-тонюсенький, бледный-преблдный... И на что лучик упадет, того становится не видно...

Вот тебе и малыш! Конечно, не то чтобы я всему поверил, тут еще надо разбираться и разбираться... Но что-то ценное здесь явно было.

— Скажи, Нильсик, а откуда ты это знаешь?

— Мне один человек рассказал. Он, когда надо, зверям лекарство носит. Вот он один раз на базу шел, а к нему пристал один, понимаешь? Любопытный такой балда, вроде нашего Витьки. Он идет, а любопытный — за ним. И пришлось ему тогда к моему деду зайти, чтобы, понимаешь, не показывать любопытному дорогу...

Ну и дела! Ведь все было именно так: Юркий исчез у меня из-под носа как раз на той лестнице, где жил Нильсов дед!

— Да как он мог к нему зайти? Двери не отпирались, — этим утверждением я выдавал себя Нильсу, вполне он мог теперь догадаться, что любопытный балда вовсе не Витька, а я. Но он ничего не заметил, лишь буркнул:

— А дверь была отперта еще раньше. Я тогда развел костер у деда в пепельнице. А дед велел открыть окно и дверь, чтобы проветрилось.

«Как глупо я упустил тогда Юркого!» — подумал я.

— И твоему деду он тоже рассказал?..

— Ну что ты? Дедушка в комнате на диване лежал. А мы слушали в передней — я и Эдик.

Я посмотрел на Нильса и кота с чувством, похожим на зависть: ведь встретить человека с базы необходимо было не им, а мне.

— А знаешь, как Лизкину мать будут лечить? — донесся до меня Нильсов голосок. — А я знаю! На нее напустят этот тонюсенький луч, и она сделается невидимкой. А когда луч пропадет, она появится опять. А потом еще раз. И еще. И каждый раз она будет появляться не такая, как была, а чуть-чуть поздоровее. Потому что от тряски часть болезни из человека выпадает.

Опять я не понимал, где правда, а где выдумка. И спросил:

— От какой такой тряски?

— А ты попробуй стань невидимкой и появись. Тогда поймешь. Он не мог, конечно, знать, что я давно это попробовал.

— Нильсик, а ты не видел, на чем увезли Лизину мать?

— Ее-то? На вертолете. У них вертолет-вездеход. Иногда он совсем похож на маленький автобус.

— И Лиза все знает?

— Что ты? Она ж разболтает. Ей перед взлетом шапку с ушами надевают на самые глаза...

— И там тетя Инга и мой папа?

— Тс-с-с! Это страшный секрет. Того, кто работает на базе, знать не должен никто!

Нильс произнес это свистящим шепотом, так что Эдик и я вздрогнули. Эдику, наверное, показалось, что где-то шипит враждебный кот. А меня поразили слова: «Знать не должен никто!» Не этим ли объясняется и то, что тетя Инга и дядя Олег скрывали, куда папа пошел, и то, что папа возвращается после полуночи, а мама не знает, где он ходил? Ведь раз «никто», значит, конечно, и не жена... Выходит, ни к какой Лидии папа не уйдет, и все хорошо, и зря старается д р у г а я тетя Нина...

Да, со всех точек зрения похоже, что эта база — от папиного института. Тем более папин институт изучает антиматерию, а другие измерения

вполне ведь могут быть из антиматерии... Однако если мир, куда я угодил, сделан из антивещества, то я должен бы был в первый же миг взорваться — аннигилировать, обратиться в нуль. Папа говорил: именно так и происходит, когда антивещество и вещество соприкасаются между собой. Ну а если так не случилось, то, может быть, лучик превратил в а н т и и меня?..

Я быстро ощупал свои кеды, провел по щекам, поглядел на ссадину у коленки. Неужели все это теперь а н т и в е щ е с т в о? Недаром мне в последнее время подумывалось, что и сам я стал какой-то немного другой... Но если вещество во мне и переменялось, то все равно я не сделался абсолютно похож на своего двойника — другого Валю Моторина. Д р у г а я мама это наконец почувствовала, вот уже раза три она заглядывала мне в лицо:

— А ты у меня, кажется, взрослеешь?

И Ида Савельевна — актриса с пятого этажа — тоже поглядывала на меня с любопытством. Догадаться об истине она, конечно, никак не могла и шептала маме:

— В нем просыпается нравственное чувство...

А нынче утром, я слышал, мама сказала папе:

— Он меня озадачивает!

По тому как она произнесла «он», я понял: говорят обо мне.

— Хи... А не ты ли утверждала, что он весь у тебя как на ладони?

— Когда это было-то?..

— С месяц назад.

— Возможно, — мама вздохнула. — Но за месяц он разительно изменился. Не к худшему. Но я не могу привыкнуть. И иногда мне чудится — его подменили...

— Что? Подменили? Ты сказала, подменили?

Припомнив эту папину фразу, я понял теперь задним числом, сколько в ней было тревоги и смутной догадки... Не означает ли это, что достаточно открыть всю правду д р у г о м у папе? Ведь человек с базы — это как раз он и есть! Возьмет и поменяет меня на своего сына...

Все оказывалось удивительно просто. Я почувствовал себя так, будто нахожусь уже на обратном пути. Все во мне ликовало и пело так, что хотелось даже плакать.

И за всем этим я совсем позабыл про Нильса, а он все сидел на корточках и теперь был какой-то нахохленный. Еще бы! Ведь у него, такого крошки, то, чего я только опасался, случилось уже на самом деле: мама болела, а папы не было, считай, совсем. Хорошо бы забрать его с собой... Захотелось сказать ему на прощанье что-то ласковое. Вместо этого я почему-то ляпнул:

— У тебя локоть в глине!

— Ага. Я вымою. Или дед вечером вымоет.

— А мама где?

— На работе, а потом пойдет в поликлинику. Опять она кашляет.

Он сидел нахохленный и грустный, будто брошенный птенец. И вдруг спросил:

— Валь, а ты как думаешь, этим вот лучиком, что Лизкину мать, им ото всех болезней можно лечить?

Так вот почему Нильс знал о лучике так много! Мне захотелось вскочить, куда-нибудь бежать, нырять на морское дно, с кем-то сражаться и сделать вообще что угодно, лишь бы этому малышу стало повеселее.

— Подожди, — пообещал я. — Скоро я это выясню.

* * *

Нильс все, конечно, перепутал: лифт для космических тренировок не годится: перегрузки в нем совсем ведь небольшие. Поэтому кот Эдик оказался вовсе не подготовленным и трусил, когда попал не то что в космический корабль, а в обычную электричку. Впрочем, от природы Эдик был такой способный, что на третий раз освоился и мог уже смотреть в окно на бегущие мимо кусты... Мы с Нильсом и Эдиком ездили теперь каждый день купаться на взморье.

Когда Нильсов детсад уезжал весной на дачу, Нильс ухитрился как раз простудиться, и его не взяли. Нильсова мама все лето работала, а дед еле ковылял на костыле. Так что Нильсу и его коту был смысл ездить со мной на взморье. Мне же все равно нечем было теперь заниматься, кроме как ждать, чтобы другой папа вернулся из командировки.

И надо же, чтобы так не повезло! Когда я понял наконец, что на базе работает сам папа, я крутился возле него весь вечер, чтобы улучшить минутку для разговора. Но мама все время была тут же рядом, а говорить при ней — значило бы нарушить тайну. В конце концов я решил подождать до утра, а утром проводить папу на работу. То была роковая ошибка. Ночью, когда я спал, зазвонил телефон, и ранний утренний самолет уже уносил папу в Петропавловск-на-Камчатке — туда, где срочно понадобилась кому-то его научная помощь.

Мы сидели с Нильсом на пляже и по очереди гладили Эдика, чтоб не побежал искать других котов и не потерялся бы в траве и соснах.

— А Коля-студент к Нике Вознесенской из нашего подъезда все-все свои песни отнес, — задумчиво сообщил Нильс.

Была его очередь гладить, а я лежал на спине, смотрел в небо и представлял, что я совсем не здесь, а в своем измерении. Я представлял себе, как подхожу к своей маме и, прижимаясь к ней, слушаю, как она смеется: «Ой, Валёк, да ты что? Ты ж так мать повалишь — огромный парень стал, медведь такой! Ах ты, миша-медведь, мой родной медвежонок! Где ты, мишенька, бегал? Где, мишенька, обедал?» Она смеется, трогает меня за губ...

Тут я повернулся на живот и сказал себе, что если другой Валя, мой двойник, действительно человек выдержанный и хороший, то мои родителим живется теперь, может быть, даже веселее... Догадка, вполне логичная, жгла как огнем, хотя на самом деле я поверить в такое не мог. Я стал этот огонь еще в себе разжигать... Сейчас, когда возвращение было уже, по существу, довольно близко, в голову приходили разные странности... Я весь в них погрузился. Поэтому сообщение Нильса дошло до меня не сразу. А когда дошло, я спросил лениво:

— Какие еще песни?

— Ну, такие, что Витька с Сережкой любят. И Коля. И ты. Пластинки.

— Диски, что ли?

— Диски, — подумав, согласился Нильс. — А Герка, знаешь, эти диски у Ники увидел и хотел выбросить в помойку...

— Ну, балда этот Герка! — отозвался я.

А сам подумал, что вот моему настоящему Герке нравилась наша настоящая Ника и это точно, раз я сам чуть не получил из-за этого в лоб. А другому Герке нравилась, оказывается, другая Ника. Но если этой другой Нике нравится д р у г о й Коля-студент, то означает ли это, что мой единственный друг Герка в моем родном измерении тоже переживает взаимную любовь? Я ото всей души понадеялся, что нет.

А Нильс продолжал вещать:

— Только Коля к Вознесенской больше совсем не ходит. Даже диски и те не идет забирать. То есть он как раз ходит, но не к ней, а к той, та тоже, понимаешь, Вознесенская, но только не Ника, а Катя...

— Откуда ты все это берешь? — оборвал я.

Он не сообщил мне ничего нового. Тем более Катерина проходила теперь какую-то практику в публичной библиотеке: один день — с девяти утра до пяти, другой — с двух дня до десяти. И каждый день, когда кончалась эта работа, Коля в своих джинсах поджидал ее у выхода... Я видел из-за ограды сада: кто-нибудь из выходящих придерживал тяжелую дверь, поток людей, покидающих библиотеку, приостанавливался сам собой и наружу выступала Катерина... Она была бы совсем как наша эта д р у г а я Катерина, если бы не кивала так нежно Коле-студенту.

ВСЕ О ЛИДИИ

Если бы я не знал уже, что испытания на базе проводит именно папа, то теперь бы все равно догадался. Какое там стало без него запустение! Даже краска на стенах сразу будто обветшала. А воздух сделался пыльным, и куполки не отсвечивали на солнце. Я даже испугался, не заржавели бы там приборы: без них меня не возвратить никому... Вот почему я решился и подошел во дворе к тете Инге:

— Здравствуйте! Мне с вами надо поговорить.

Она ничуть не удивилась, только спросила:

— Сейчас? Ну пошли. — И двинулась было к своей парадной.

— Не-не, тетя Инга, не к вам. Там у вас Ника... И вообще...

— А где ты предлагаешь?

Вот уж кто не изменился в этом д р у г о м мире! Она была веселая, и решительная, и насмешливая, точь-в-точь как наша. Я повел ее в скверик. Во дворах много укромных уголков, но скверик — единственное место, где все могли нас видеть, но слышать — никто!

— Тетя Инг! — заявил я, когда она присела на лавочку. — Я все знаю! Только вы, конечно, нисколько не беспокойтесь! — И добавил торжественно: — Клянусь, что буду нем как могила!

Она смотрела на меня и выжидательно молчала. Тогда я подумал: «Ну ладно. Пусть она ни в чем не признается, пусть делает вид, что не понимает, о чем я говорю. Но сходить на базу и посмотреть, чтобы аппаратура не испортившись продержалась до папы, она должна!» И пробормотал вслух:

— Я хотел сказать, не пора ли вам, тетя Инга, побывать на базе? Она приподняла брови:

— Ах вот в чем дело! Ника говорила, что ты интересовался базой. Знаешь, что? Я, может быть, вырвусь в конце августа недельки на две и захвачу тебя и Нику. Идет?

Теперь уж вскинул брови я. И растерянно лепетнул:

— Простите, а я думал, на базу можно не всем...

— Совершенно справедливо. Только тем, у кого есть туристские путевки. Но путевки-то мы достанем. У нашего института под Одессой своя база отдыха.

* * *

О чем я говорил на самом деле, тетя Инга, конечно, поняла. Не то спросила бы небось, что такое особое мне известно и в чем, собственно, я клянусь... Просто тетя Инга такой уж железный человек! Если я буду когда-нибудь тоже изучать антимир, то стану хранить тайну так же хитро и весело, как тетя Инга.

Но на испытательную базу тетя Инга так и не пошла, а если и пошла, то грифа не включала. Не ходили на базу и другие папины сотрудники: ни дядя Олег, ни даже сам Позен. Зато все они ездили к Лидии в больницу. Скорее всего, папа просто не успел вылечить Лидию до своего отъезда и ее временно поместили в обычную больницу Эрисмана.

«Кто она им всем, эта Лидия? Откуда они вообще ее знают?» — удивлялся я. Я часто думал о Лидии (раз она связана с базой!) и хотя знал теперь, что ее зовут Лидия Федотовна, но привык уже называть про себя только имя, а от этого она начала казаться не совсем взрослой, вроде Катериной подружки Эли...

И в конце концов мне захотелось взглянуть, как она живет в своей больнице.

После того что вышло с папиным ключом, Нина Александровна меня не замечала. Губы ее складывались тонко, а ее голубые глаза отворачивались в сторону. Но на этот раз Нина Александровна не видела меня в самом деле: я уселся в трамвае на заднюю лавочку и вдруг обнаружил у себя под носом знакомые затылки — ее и заместителя директора папного института Алексея Юрьевича... Подслушивать нехорошо, но разговоры у них были поначалу какие-то хозяйственные, так что и слушать было нечего.

— Вот я на рынок после работы забежала, взяла малосольных огурчиков — она любит... А вот свекольный сок свеженький. А то больничная еда, сами знаете... — Нина Александровна радостно показывала собеседнику баночки в своей сумке.

Тут я понял, что они, видно, тоже едут к Лидии.

Алексей Юрьевич поблескивал зеркальной лысиной:

— Ах, Нина Александровна, ну и гостинцы! Уж вы откройте мне, голубушка, секрет, как попасть к вам в друзья? С вами дружить — три срока на земле прожить...

Он был весь круглый, с круглой головой. Даже смех его был какой-то круглый.

— Напрасно смеетесь, Алексей Юрьевич. Хотите, я вашу печень в месяц вылечу?.. Вот, нате-ко...

Она порылась в сумке и протянула ему что-то в бутылке из-под молока... Он застеснялся, замахал руками, но она раскрыла его портфель и опустила туда подарок.

Я ехал и ехал, трясясь за их спинами. Трамвай звенел, катил по мостам, куда-то заворачивал. Они переговаривались теперь тише. Раза два я расслышал как будто папино имя. Вдруг тетя Нина сказала довольно громко:

— Прекрасный дружный коллектив, я счастлива, что в него влилась.

Такое заявление тетя Нина делала частенько. Это значило, что ей нравится работать в папином отделе. Но Алексей Юрьевич пожевал с сомнением губами:

— Прекрасный-то он, конечно, прекрасный, а вот Лидушу проморгали... Конечно, она все решила сама; сама, как говорится, большая. А все-таки кто-то должен же нести...

Он разволновался и бормотал невнятно, но я понял, что он хотел сказать. Он намекал, что за Лидией почему-то должны были следить, причем делать это надо было не кому-нибудь, а людям из папиного отдела, а раз «проморгали» — не уследили, то кто-то из них, может быть, даже папа должен теперь за это ответить.

Нина Александровна лишь вздохнула.

— Я, Алексей Юрьевич, в вашем институте тогда еще не работала. Но насколько мне известно, тогда как раз... то есть, если наука требует...

Она высказывалась в этом роде долго, а я, конечно, стал из всех сил прислушиваться, но считает ли она, что кто-то должен отвечать за Лидию, или не считает — понять из ее слов было невозможно.

— Вот-вот! Вы очень правы! — радостно перебил вдруг заместитель директора. — Ведь, по существу, не виноват никто. Все терзаются — такое несчастье! Но может же быть несчастье, в котором некого винить?!

Видимо, он понял собеседницу так, как ему хотелось понять.

А она, довольная, что узнала, чего именно ему хотелось, радостно поддакнула:

— Может! Лидия Федотовна сама, по собственной инициативе направила на себя луч. Ради науки. И обвинять тут кого-то просто глупо!

Теперь она высказывалась решительно и определенно — поразительно, до чего умеет подлаживаться!.. Но зато я узнал очень важное: Лидия работала когда-то в папином институте и побывала под лучом, как и я!..

Только вот можно ли заболеть от луча? Тут Нина Александровна что-то, наверное, путала: я же вот ничего — здоров... А саму-то Лидию, наоборот, этим лучом даже лечат... Или бывает так, что заболел от луча и лечение — все тем же лучом?

Между тем Нина Александровна вся так и подпрыгивала:

— Я уверена, с Лидией все будет хорошо. Надо лишь не жалеть труда... Вот, например, эти мои соки...

Она выразительно кивнула на свою поклажу. И это было не очень-то честно. Ведь на самом деле соки для Лидии готовила бабушка Сафронова из нашего седьмого двора — папина лаборатория ей что-то за это платила... Но заместитель директора наивно восхитился:

— Прекрасный вы человек!

Что за привычка болтать в трамвае? Пока трамвай шел, лязг хоть заглушал их голоса. Но на остановках...

— У нас всегда кто в отпуске, кто в командировке, у кого, понимаете ли, дети трудные, — сообщала тетя Нина. — Так что пришлось нынче поднапрячься и сделать фактически самой целую работу, знаете, по токалогии парамедии...

— Так это вы?.. Такое огромное дело?.. Еще бы, знаю. Работа отличная! — замдиректора в восторге закивал лысой головой.

Я же просто обалдел: это надо же так врать! Папа сто раз говорил маме, что делает эту самую токалогию тетя Инга... Нет, я не мог этого так оставить. И, тронув замдиректора за плечо, сказал:

— Вы только не вздумайте поверить! Работу сделали тетя Инга и немножко дядя Олег. Он ей помогал. Спросите кого хотите.

Если бы я всегда жил в этом д р у г о м мире, то, возможно, научился бы разоблачать таких вот, как д р у г а я тетя Нина... А так у меня вышло довольно глупо: Алексей Юрьевич отодвинулся почти испуганно, рявкнув:

— А вы... ты кто, собственно, будете?

Лицо и шея Нины Александровны пошли красными пятнами, а сама она вскочила и собралась было крикнуть визгливо: «Ах ты хулиган, нахал!..» — но только глянула злобно, а произнесла вдруг мягко-мягко:

— Успокойся, Валечка, успокойся. Ну конечно, тетя Инга и дядя Олег. Ты только успокойся...

Ну и хитра она была! Говорила так, что все сразу подумали: «О! Да это, оказывается, псих! Он не отвечает, наверное, за свои поступки, а она уговаривает, потому что знает — он псих!»

Алексей Юрьевич тоже клюнул на этот маневр и уставился на меня с опасливым выражением... А я... Ну что я мог сказать? Что бы я ни сказал теперь, что бы ни сделал — все подумают: это потому, что он — псих...

Но промолчать я все-таки не мог.

— Я совсем спокоен, Алексей Юрьевич. Просто сказал, чтобы вы знали настоящую правду. И зря вы верите, будто я какой-то дефективный...

А Нина Александровна тем временем сделала заместителю директора знак: видите, мол, какой тяжелый случай? Не стоит его возбуждать и нервировать... И произнесла вслух:

— Ну конечно, Валечка, настоящую правду. Ты только успокойся... Успокойся...

Если бы она до меня тогда дотронулась, я бы, наверное, просто в нее плюнул. Слишком уж чувствовал свое бессилие... Но она предусмотрительно держалась подальше и даже спрятала руки на коленях. Выглядело это престранно: человек произносит ласковые слова, а сам явно сторонится и сидит как столб...

Алексей Юрьевич, заключив из этого, что я псих не простой, а опасный, начал потихоньку отклоняться от меня подальше. Тогда я хмыкнул от нервности и бросил ему:

— Я вас не укушу.

Получилось как будто подтверждение, что я в самом деле могу кусаться.

Алексей Юрьевич вскочил. И женщина, что сидела со мной рядом, вскочила тоже. На нас оглядывались. Вдруг тонкие губы Нины Александровны затрепетали от радости. «Придумала еще какую-нибудь гадость!» — догадался я. И правда. Она потянулась к уху замдиректора:

— А вы его узнаете?.. Это ведь сын Моторина. Нашего. Да-да. Бедный мальчик!..

На этот раз удар ее метил в папу: вряд ли папе будет приятно, если дирекция станет думать, что сын у него — опасный идиотик... И это было еще не все: она сделала значительное лицо и добавила громким шепотом:

— ...А тут еще всем известные моторинские неурядицы... Семейные...

Интересно, что она имела в виду? И надеялась небось, что спутник станет расспрашивать... Но он даже не слушал. Не желая больше находиться возле такого опасного — меня, он быстро сгреб свой портфель и бормотнул:

— Нам выходить... Идемте... идемте же!

Выходить им было не нужно: до больницы оставалось еще остановки три. Нине Александровне пришлось, однако, за ним последовать. Но прежде чем уйти окончательно, она усмехнулась и произнесла громко, чтобы я услышал:

— Знаете, а ведь Лидия Федотовна — первая любовь нашего уважаемого шефа Антона Валентиновича... И в общем, эта любовь не угасла. Да-а-а!..

* * *

Бабушка Сафронова жила почти что в подвале: нижняя часть комнаты — до окна — была фактически под землей, а окно висело прямо над газоном. Мама говорила, что это называется «цокольный этаж» и что прежде так жили многие. Сейчас в наших дворах так жила только одна бабушка Сафронова, да и то потому, что не соглашалась никуда переезжать: у нее были тут дорогие воспоминания. Говорят, прежде у нее был муж и дети. А сейчас — одни только воспоминания. И никто не ходил к ней, кроме почтальонши тети Симы, что приносит пенсию, да соседок по дому, для которых бабушка латала простыни и выжимала соки... Летом бабушка подставляла к своему окну изнутри белую табуретку, тогда табуретка становилась как бы ступенькой, а окошко — дверью. Бабушка Сафронова садилась снаружи перед «дверью» на другую табуретку и шила. Она была сухонькая и почти глухая.

Теперь у бабушки Сафроновой жила Лиза.

Каждое утро, направляясь на взморье, мы с Нильсом и Эдиком встречали Лизу у молочного магазина.

— Здравствуй, Лиза! — говорил я.

— Здравсти! — Деловито помахивая бидоном для молока, она проходила мимо.

— Воображает, — комментировал Нильс.

А Эдик делал за девчушкой шаг-другой: ему бы познакомиться да попробовать молочка. Но он был кот совестливый и не мог нарушить компанию.

Когда я вечером проходил мимо бабушкиного окна, Лиза на меня не смотрела. Но она, конечно, вовсе не воображала, а просто побаивалась

других девчушек с нашего двора: Динки, Нинки и Иринки — могли ведь поднять на смех: «жених и невеста!». Впрочем, в женихи Лизе подходил не я, а Нильс.

В этот вечер Лиза сидела за столом и что-то рисовала. А в моей голове уже шевелилась мысль, что она не из этого другого, а из моего измерения. Чем-то она была похожа на девочку именно из моего измерения... Кроме того, мне стало теперь известно, что Лизина мама испытывала луч, причем испытывала на себе. И небось догадывалась, что он перемещает... И наверняка она не оставила бы свою дочку в ином измерении одну...

Я наклонился и постучал в оконное стекло к бабушке Сафроновой:
— Можно к вам?

...У бабушки пили чай не из чашек, а из тонких стаканов. Сперва я, конечно, от чая отказался, но бабушка была глуховата и все равно накрыла на три прибора. На самом деле пить мне хотелось: я съел возле больницы пирожок с соленой сосиской. Лидию же так и не увидел. Не мог я прийти в палату к незнакомой женщине. Тем более что там должны были появиться тетя Нина со своим спутником. А в больничном саду Лидии не было.

Лиза с бабушкой потащили меня к столу и уселись сами напротив, а посредине в полосатой тарелке лежали мои любимые ванильные сухарики... И можно было кое о чем расспросить:

— Лиза, а где вы жили с мамой раньше?

Лиза как раз откусила кусок сухаря.

— У тети Нины, — с полным ртом сказала она.

— А до этого?

— На даче у маминых друзей.

— А еще раньше?

— Еще до весны?.. До весны мы жили в Петропавловске-на-Камчатке.

Вот оно что! Разматывается ниточка Лидьиных тайн! Петропавловск-на-Камчатке — как раз то место, куда ездит в командировки папа...

— А где твоя мама там работала? Не помнишь?

— Помню. Институт анти... анти... Трудное такое слово... Ленинградский филиал...

ПРОСТО НОВЫЙ ЭТАП

Удивительно, как эта девчушка Лиза умела отвечать на вопросы — выпалила сразу самое главное!.. Филиал — это часть завода или института, которая находится в другом городе. Значит, в Петропавловске-на-Камчатке есть часть папиного института, а Лидия — его сотрудница, вот почему у папы все ее знают. В филиале тоже, наверное, есть испытательная база, Лидия работала на ней и направила на себя лучик. Потом Лидия заболела. Случилось это скорее всего потому, что лучик у них там в филиале получился какой-то не очень хороший. Не такой хороший, как тут у папы. Вот почему папу вызвали в Петропавловск на помощь, а Лидия приехала лечиться хорошим папиным лучом.

Наконец-то все уразумев, я радостно обмакнул кусочек сахару в чай — у бабушки Сафроновой пили чай вприкуску... И подумал, что о

любви папы и Лидии — это, безусловно, тети Нинины враки. Просто один человек лечит другого больного человека...

Но тут в окошко стукнули, и в его проеме проявилась тень.

— Ты, значит, у Лизки, Валет? — произнесла тень задорным голосом Динки из сорокового подъезда. — А что моя мама про тебя ска-за-а-ла!.. Я такое теперь знаю про твоего папку. Про твоего папку и про Лизкину мамку... Эх вы!..

* * *

Было совсем темно, и друг а я мама могла уже начать волноваться, а я считал, что волнений у нее достаточно и так из-за этой папиной тайной базы. Поэтому я пустился бегом.

Возле низенькой ограды, поставив на нее туфлю, спиной к прохожим стояла Ника. Мне было совсем не до нее, хотелось проскочить мимо, но вдруг из-за ее ноги выкатился лохматый шар и запищал-заскулил тонюсеньким голоском. Ника обернулась:

— Это ты, Валет? Не бойся, он не кусит. Кузя, ко мне!

Но Кузя и не думал слушаться. Он подпрыгивал, толкался мне в ноги, облизывал мои руки шершавым язычком. Лаять он, наверное, еще не умел.

— Сколько ему? — спросил я.

— Четыре месяца.

— Твой?

— А чей же? — И она взяла щенка на руки. — Ах ты хороший песик, мой единственный дружок!

Ника терлась щекой, носом и лбом о мохнатую мордочку. Но и в темноте было видно, что лицо у нее грустное.

— Ника! — спросил вдруг я. — Что бы ты сделала, если б узнала, что твой папа влюблялся много раз?

Она быстро спустила Кузю на траву.

— Много раз?.. Ну... не знаю... А сколько?

— Два.

— Всего два раза, да?.. То есть один раз — в твою маму, а другой раз в...

— Ага. В кого-то другого...

— А когда в кого-то другого? Теперь или давно?

— Ну, например, давно.

Ника вздохнула:

— Тогда... Тогда я думала бы о той женщине, с которой он расстался. И мне было бы за нее грустно.

Она снова взяла Кузю, и он уткнулся ей в шею.

И тут мимо нас с обычным своим холщовым мешочком в руке про- шествовал, помахивая джинсовым клешем, Коля-студент. Он кивнул нам чуть-чуть. А Ника уткнулась носом в Кузю и зарылась лицом в его шерсть.

* * *

— Мамуль! Ты когда с папой познакомилась, то уже в больнице ра- ботала?

— Да.

— А папа... он уже был немолодой?

— Ну, как тебе сказать? Двадцать восемь лет и два месяца.

— А вы в каком году поженились?

— Ты разве не знаешь? Ровно за два года до твоего рождения.

— Мам, я еще хотел спросить... Вы с ним, когда я уже был... вы не разводились?.. Ну, на время?

— Насколько мне известно, нет, — она пожала плечами, и по тому, как она спокойно это сделала, стало ясно, что сказки насчет наших мотобринских семейных неурядиц просто зеленая мура.

Все это время мама заплетала себе на ночь косичку. Но тут она на меня глянула, будто собиралась спросить: «А что это ты вдруг заинтересовался?» Моя настоящая мама так бы обязательно и спросила, и пришлось бы отговариваться: мол, просто так, а она бы настаивала: «Нет, уж ты скажи!» Но д р у г а я мама только слегка вздохнула. И от этого вздоха захотелось броситься к ней и рассказать все-все... Если бы можно было хоть иногда навещать эту маму, когда я наконец возвращусь к своей...

— Мамуль! А тетя Нина не такая уж добрая, правда?

Я сказал это, чтобы хоть намекнуть ей, кто наш настоящий враг. Надо же ей знать это, когда она останется здесь без меня... Но поняла ли мама намек, я заметить не успел, потому что раздался длинный звонок и принесли телеграмму: «Все хорошо буду десятого целую люблю Антон папа».

— Ура! — заорал я.

Десятое августа — это было послезавтра.

* * *

«Завтра, наконец-то завтра я буду уже у себя дома! Я прищурюсь от голубоватого лучика, а когда глаза откроются, это будет уже м о й мир, мои крыши, мой воздух!» — Я представлял себе, как станет смеяться своим серебристым смехом моя настоящая веселая мама. Папа будет приходить домой только вовремя. И даже если он и там (у нас!) работает на базе, то все равно м о й папа наверняка придумал что-нибудь такое, чтобы мама не волновалась... А как, раскрыв в изумлении рот, будет слушать о моих приключениях м о й настоящий Герка!..

А может быть, все наши все-таки отправились в Дагестан? Тогда, наверное, я окажусь в Дагестане... В самом деле, мой двойник переместится сюда, а я — на его место в Дагестан, в сине-розовые горы, где падает вниз река Сулак...

— Валь, а Валь! Ты не спишь?

— Сплю! — ответил я.

Я снова ехал через весь город на трамвае к Лидии в больницу. Но Нины Александровны и заместителя папиного директора тут на сей раз не было. Путешествие проходило в гораздо более приятном обществе: Лиза, Нильс и его Эдик.

Они глядели в окно. А я размышлял о разных разностях. И еще вспоминал сон, что приснился мне утром, когда мама ушла к своим больным.

Снилась мне Катерина — настоящая, не д р у г а я. Катерина шла по чему-то туманному, серебристому и улыбалась своей тихой полуулыбкой.

Вдруг из тучи выскочило что-то косматое, большое, завертелось волчком, завывало и из него, загоразживая Катерине дорогу, возник Коля-студент в джинсах и с большим гибким хвостом. Коля размахивал хвостом, и тянулся к Катерине, и хрипел: «Птичка-синичка, погода да погода!» Но Катерина, не переставая улыбаться, смела его с пути чуть заметным движением ресниц. Коля покатился по мостовой; он катился и катился, свертываясь в странный клубок. А Катерина протянула руки, и ей на шею, смеясь и рыдая, теряя на бегу длинный красный халат, бросилась на шаа настоящая Ника. Сестры обнялись, а Коля все катился вдаль грязно-бурым клубком...

Наш трамвай дотащился до больницы. Пока вылезали из вагона, пока переходили на другую сторону улицы, Лиза болтала, вертелась и принималась хохотать, да так, что вокруг оборачивались и думали: «Хохочет или плачет?» Но в больничном саду она разом примолкла, вытянулась, будто вдруг выросла, и заспешила подпрыгивающими шажками. Я придерживал ее за ладошку:

— Постой. Спросим, где тут второй корпус...

Но Лиза рванулась вправо, потом влево, завернула в аллею и замерла: впереди, почти спиной к нам, сидела на садовой скамье похожая на карандаш и, кажется, еще похудевшая Лидия. Она поддерживала рукой ворот больничного халата, на коленях у нее лежала раскрытая книга, а смотрела она прямо перед собой, будто окаменела. Нас она не видела.

Я подтолкнул Лизу: иди, мол, иди! Идти к матери она должна была одна, а мы — ждать ее у ворот, это все было между нами уже оговорено.

Лиза сперва резко дернула плечом: мол, не тронь меня, когда захочу, тогда и пойду! Потом она рванулась к матери. Обернулась на бегу. И с криком «мама!» бросилась к Лидии на шею. Почти как Ника в моем сне.

— Уйдем! — потянул меня Нильс.

Он был малыш деликатный.

* * *

Шествие возглавлял кот. Он все еще тренировался на ходьбу в поводке, но вместо ленты на нем была уже настоящая ременная петля, и это увеличивало обоюдную ответственность. Кот прыгал по газонам, проскальзывал под оградой, непринужденно проходил сквозь колючий шиповник, а после оборачивался и презрительно ждал, пока все это продаваем и мы со своими неуклюжими, за все цепляющимися телами.

— А лучом ее лечить больше не будут! — объявил вдруг Нильс без всякой подготовки.

Он говорил, конечно, о Лидии и чуть повел своей патлатой головой в ту сторону, где она должна была сейчас находиться. Я тоже только что думал о Лидии. Думал, что вот наконец приезжает папа, он возьмет Лизину мать к себе на базу...

— Это почему же? — естественно, поинтересовался я.

А сам даже приостановился от удивления. Но Нильс, уже приученный

к ходьбе в поводке, проскочил на три шага дальше к дереву, о которое Эдик вздумал как раз поточить свои кошачьи когти.

— Так почему? А? Откуда ты взял? — спрашивал я, едва их догоняя.

— Потому что уже вылечили. Ну, вылечили, насколько вообще можно. Мне тетя Инга сказала.

— Тетя Инга? Тебе?

В моем вопросе звучало недоверие. То есть я знал, что Нильс вовсе не врал. Но чтобы железная тетя Инга, из которой даже я не смог вытянуть ни словечка...

Нильс понял меня и насупился:

— Тетя Инга, между прочим, ко мне в гости приходила...

— Ну, уж так прямо и к тебе?

Она приходила, наверное, к Нильсовой маме за ключом от колясочной (там все хранят велосипеды) или, может быть, соли одолжить.

— Ко мне! — настаивал Нильс. — Перенимать опыт, как воспитывать котов и щенков. Они себе взяли щеночка Кузю. А этот Кузя такой невыученный...

Образцово выученный Эдик драл кору дерева мощными когтями. Но тут он оглянулся на меня с самодовольной мордой. Я дернул Нильса за рукав:

— Ну и что она тебе сказала?

— Про Эдика?

— Тьфу ты! Про Лизину мать.

— А-а-а... Она сказала, что ее мама теперь вообще-то в порядке, только у нее почему-то тоска.

— Чего?

Нильс придвинулся ближе и взглянул на меня снизу:

— Вообще-то про это тетя Инга сказала не мне. Я как раз к их щенку Кузе Эдика приводил, а она стояла у телефона... Тетя Инга сама нас с Эдиком пригласила, чтобы Кузя брал пример, понимаешь? А когда я вошел, она и говорит в телефон: «Все бы пошло на лад, если бы не эта ее неистребимая тоска».

Нильс вдруг опустился на корточки и, забыв про поводок, принялся вытягивать из земли огромный пучок травы. Смотреть на это было странно: ну зачем этот пучок ему нужен? Трава не поддавалась, а он тянул обеими руками. Ни на меня, ни на пораженного Эдика он не смотрел. Но произнес:

— Как думаешь, это у всех от луча будет тоска? Если, например, лечить лучом кого-нибудь другого?..

Он имел в виду, конечно, свою маму. Я тоже о ней не позабыл, я собирался непременно говорить с другим папой перед тем, как он станет возвращать меня в мое измерение... Но возможно, этот малыш опять прав: лучше, если бы его маму вылечили бы как-то иначе — без этого небезопасного лучика...

Я и Лидия — мы были пока, наверное, единственные люди, которые переходили из измерения в измерение. И то, что происходит с Лидией, мог по-настоящему понять только я. А я вдруг подумал, что, может быть, в этом другом измерении Лидия тоскует по тому, а в том она хочет обратно в это...

Я вписывал в «Записки Вали Моторина» самую последнюю страницу:

«Полночь, двенадцать часов. Значит, папа приедет уже сегодня. Сегодня я проведу в комнате другого Вали последнюю ночь. А мне еще надо написать ему письмо-наказ. Папа отправит меня, а взамен получит собственного сына. Что он сможет это сделать, я узнал вчера точно от самой Лидии... Конечно, Лидия — взрослая и надо бы называть ее по отчеству, но ведь мы с ней все равно что родственники — дети голубоватого луча! Этот луч в одно короткое мгновение разлагает человека на крошечные элементы и создает его в другом измерении почти что снова...»

Тут я почесал затылок и отодвинул «Записки», потому что не знал точно, как луч все это осуществляет. С Лидией мы говорили не об этом.

Мы встретились с ней, как родные и как люди, у которых есть общая тайна. А разговаривали так, чтобы понимали только мы и чтоб никто, если даже случайно подслушает, не смог ничего заподозрить... Как она догадалась, что я тоже побывал под лучом? Этого я не понял. Может быть, она бывала здесь прежде и видела другого Валу? Возможно, она переходила из мира в мир не один раз, а много.

Лидия оставила Лизу на скамейке и подошла ко мне:

— Валентин Антонович! Здравствуй! Спасибо за дочку.

— Не за что, — брякнул я.

Я еще не знал, к чему этот разговор, а она знала.

— Я представляла тебя совсем-совсем другим.

Слово «другим» она сказала по складам и поглядела на меня испытующе: понимаю ли я, что это значит? Я быстро кивнул:

— А я и есть как раз другой...

— Ты другой или все вокруг другие?

— Я другой для тех, кто вокруг, а те, что вокруг, другие для меня.

Теперь она смотрела сочувственно:

— Со мной так бывало несколько раз. Живу-живу, потом присмотрюсь, а вокруг все совсем другие...

— А вам хотелось обратно к тем?

— Еще и как!

— И вы возвращались!

В глазах Лидии появилась грусть, и она медленно помотала своей черной головой.

— А я знаю, что возвращусь, — объявил я, но увидел безнадежность в ее глазах и спросил быстро: — Разве это невозможно?

— Это очень-очень трудно, — она помолчала. — И этого, наверное, не надо. Надо просто сказать себе, что настал новый жизненный этап...

Она ежилась, хотя день был жаркий. Худые пальцы, перебирая халат у ворота, мелко дрожали. Видимо, этот «новый жизненный этап» дался ей нелегко.

— Но ведь так же нельзя! Ведь там остались дорогие люди!

Я почти кричал, а она смотрела на меня влажными, черными, совершенно Лизиными глазами и мотала головой... Просто странно, какие у нее были Лизины глаза. Может быть, из-за этого я решился спросить прямо:

— Вы хотите сказать, что папа мне не поможет?.. Папа придет завтра. Я жду его и надеюсь... Он не сможет или не захочет?..

И тут она улыбнулась облегченной улыбкой:

— Папа? Ну, папа — это совсем иное дело. Папа захочет, сможет и, конечно, поможет. Я очень верю в твоего папу.

* * *

Солнце лежит на полу большими желтыми квадратами. Яркая змейка метнулась по стене — туда-сюда и опять туда.

— Иду! — кричу я, распахивая окно. — Мячик брать?

Внизу, щурясь от солнца и нацеливая на меня ослепительное карманное зеркальце, топчется мой Герка.

— Ага, брать, — кивает он. — И еще — транзистор.

— Как? А маг?

Я спрашиваю удивленно; зачем транзистор, когда моему Герке только-только купили переносной магнитофон? Разве Герка не берет его?.. Но Герка похлопывает в ответ по кожаному футляру — маг спрятался, оказывается, за Геркиной ногой... Значит, берем и транзистор и маг? Отлично!

— Идет! — кричу и сгребаю с тумбочки свои кассеты.

В дверях в пестром платье с васильками улыбается мне моя мама:

— Валёк! Вы с Герой тоже за город? А мы с папой — к тете Нине на дачу. Там будут все наши: тетя Инга, дядя Олег, Лидия Федотовна... Как там будет весело!

Да, верно, сегодня воскресенье, и наша тетя Нина приглашала всех к себе на дачу в Петергоф... Внутри у меня легко-легко: не надо ни враждовать, ни что-то скрывать... А моя мама смеется. Она смеется глазами, и нежными складочками у губ, и самими губами, и мягким подбородком. Она смеется, смеется, смеется, будто звонит маленький колокольчик...

— Надюша! Надюшка! А где у нас ракетки? — рокошет в прихожей мой папа.

Я сбегаю с лестницы. На каждой лестничной площадке меня настигает сквозь окно Геркин солнечный зайчик. Герка хохочет внизу. Сверху летит смех моих родителей. Мои губы складываются в трубочку и насвистывают-высвистывают что-то веселое, ритмичное, летнее: «Хорошо-хорошо!»

И вдруг рядом раздается то ли писк, то ли плач. Слабенький, он чуть слышен сквозь веселый рокот. Но ноги мои сами собой останавливаются: им уже не хочется бежать. «Эдик? — всплескивается внутри. — Это что, Нильсов Эдик?»

Солнце разом гаснет. Потемневшие лестничные стены будто смыкаются над головой. Внутри растет тревога. А в ушах стоит теперь лишь один тихий плач...

Я поднял голову: в соседней комнате поскрипывает мамина тахта, под настольной лампочкой — ворох записей: мой дневник путешествий. Я заснул прямо за столом другого Вали и нахожусь пока еще в чужом измерении.

* * *

«Привет, Валя! Эту записку сразу порви на мелкие кусочки, а то мало ли что... А теперь о главном. Маме не говорят, где папа пропадает по вечерам из-за тайны базы, но надо срочно что-то придумать, чтоб она из-за этого не волновалась. Нина Александровна подлиза, ябеда, хвастунья и вредная врунья, ее надо разоблачать и разоблачать... А еще, Валя, тут есть отличные малыши: Лиза и Нильс — и красивый кот Эдик. Ты с ними, пожалуйста, дружи, и пусть никто-никто...» — в этом месте авторучка, которой я писал, сделала жирную фиолетовую кляксу, я ойкнул... и услышал вдруг ответный звук, будто на полу кто-то тоже поставил кляксу.

— Эй, кто тут?

Ответа не последовало... Со странным чувством, что такое со мной уже было, я быстро наклонился. В самом деле, у моих тапок на коврике лежал мой двойник — другой Валя Моторин.

— Привет! — шепнул он. — Значит, утречком меняемся?.. А я вот что... тебе тут купили маг? Нет? Как же тогда быть? Мне купили.

Его рыжие глаза были от меня совсем близко. И вообще — это здорово, поговорить перед обменом.

— Послушай, Валь! — я отодвинул свое уже не нужное письмо. — Тебе тут остаются очень важные дела. Во-первых, Нина Александровна и...

— Так как же быть с магом? — перебил он.

— Валь! Нет, ты послушай! Ведь сам предостерегал про своего папу и про Лидию... И вот выходит...

— Об этом потом!.. А вот как у тебя складывается с дядей Гришей?.. Я-то торчу, знаешь, и торчу у него в гараже... Устроит он тебе «права» или нет?..

Разговор получался, будто с глухим. Я так и спросил:

— Послушай, ты оглох? Ведь с твоими же родителями не все тут в порядке. Не с м о и м и — с т в о и м и! Хочешь, чтобы я поговорил перед обменом с т в о и м папой?

Он не перебивал, будто что-то понял. Но вдруг как брякнет:

— А может быть, я заберу свой маг с собой? А? Вот только как его взять-то?..

Попробуй, друг, проглоти его со шнуром. Может, в брюхе и перевезешь.

Этому крестину маг был дороже своего родного мира! Хотелось плюнуть с досады на его макушку. Но блеснул голубоватый луч, и двойник исчез, оставив смятый коврик и смятение в моих мыслях.

Так вот, значит, каков этот другой Валя! А он будет здесь вместо меня, и с виду он все равно что я... Утречком он выйдет во двор, к нему бросится Эдик. Что он сделает? Скажет «брысь»? Замахнется ногой?.. А что он выкинет, когда подойдет Лиза?..

От этой мысли сделалось страшно...

Я изо всей силы зажмурил глаза и замотал головой, чтобы только себе этого не представлять. Я говорил себе: «Не думай об этом. Незаменимых людей нет. Имеешь же ты право вернуться к своей маме!»

Да, право-то я имел. Но только переставал трясти головой — и картинка: «Мой двойник встречается с моими малышами» возникла опять как тоскливая заноза... И если бы я хотя бы мог забыть, какой беззащитной перед тети Нининой «дружкой» останется тут другая мама... Но я знал, этого мне не забыть никогда!

А небо за окном голубело. Папа должен был приехать уже вот-вот. Дневник, что я вел здесь, чтобы взять с собой, лежал уже приготовленный в моем кармане. Нащупывая его, я думал: «Если бы еще только вчера кто-то сказал бы, что я засомневаюсь хоть на минутку возвращаться мне или нет, как бы я тогда смеялся!»

Сейчас хотелось зареветь. Но глаза смотрели в щель занавески абсолютно сухие. В конце переулочка показалась такси. Оно двигалось почему-то очень медленно... Будто оставляло мне время подумать. «Хочу к своей маме! И всегда, всегда буду хотеть!» — подумал я. Но тихий голос Лидии будто шепнул мне откуда-то прямо в ухо: «Это очень трудно. И этого, наверное, не надо...» Я понимал теперь, что она имела в виду. Лидия была права. И, сунув дневник в самую глубь стола, я бросился к дверям с криком:

— Папка!.. Мамуль, приехал папка!..

Я знал теперь, что за болезнь возникает от бледного луча. Она возникает от луча у всех, кто попадает под луч... «В этом измерении я мечтаю о другом, а в другом — тоскую по этому» — вот что такое болезнь «изо-тер-поко-кония», которой мы с Лидией неизлечимо заболели.

Наталия Никитайская

ЭКСПОНАТ

РАССКАЗ

Приход деда Николая Никитича встревожил Марину Андреевну, заведующую отделом новых поступлений музея «Богатства Вселенной». За все время заведования Марина Андреевна только три раза принимала приношения из рук этого деда. Но каждое из приношений было памятно.

Проще всего обстояло дело с глазом-предсказателем. Во-первых, потому, что он казался совершенно немыслимым с точки зрения обычного человека, а именно немыслимое и представляло для музея бесспорный интерес, и во-вторых, глаз не только существовал вне человеческого тела, он еще и превосходил человеческий размерами. Глаз Марина Андреевна приняла сразу и даже выразила деду благодарность.

Вид этого самостоятельно существующего глаза был не особенно приятен, однако посетители постоянно толпились возле него, по преимуществу, правда, в первые дни.

Выяснилось, что и в столь мало склонное к мистике время находится немалое число людей, желающих сверхъестественным путем вызнать свое будущее. Но так как глаз безбожно врал — ничуть не меньше, чем гадалки прошлого, — то интерес к нему постепенно угас. Остались возле глаза только уборщица Зинаида, врач-наблюдатель да исследователи.

Потом Николай Никитич принес в музей валенок. Самый обыкновенный стоптанный деревенский валенок. Хотя валенки теперь были большой редкостью, к «богатствам Вселенной» они явно не имели отношения. Марина Андреевна посочувствовала деду, предложила попробовать — если ему уж так хочется видеть валенок в числе музейных экспонатов — пристроить его в музей «Прошлые земляны», но предположила также, что и в этом музее его вряд ли примут: там уже имеется достаточное количество валенок куда лучшей сохранности.

Надо сказать, что Марина Андреевна была в тот день не в духе, валенок приняла за дурную шутку и речь свою произнесла довольно саркастически. Как уж отнесся дед Николай Никитич к сарказму, неизвестно, но возразил он решительно и непримиримо:

— Нет уж, Марина Андреевна, придется вам этим валеночком заняться. Я его не у бабки Зинаиды на печке откопал, а выловил в открытом космосе. Так что уж не обессудьте.

Первая же экспертиза показала, что валенок не что иное, как погибшая колония несуществующих на Земле волособразных. И дорого бы дали многие ученые, чтобы обнаружить такую же колонию: живую или мертвую — лишь бы там, где она обитает. Но пока не обнаружили.

За валенком последовало колесо. Опять-таки на вид простое деревянное колесо от телеги. Но Марина Андреевна знала уже, что внешнее впечатление бывает обманчиво, и поэтому с выводами не торопилась. И правильно сделала, ибо колесо это вызвало настоящую бурю на планете. Вряд ли был хоть один человек в мире, который не слушал бы тогда рассказ деда о том, где, когда и при каких обстоятельствах он обнаружил колесо. Деда закидали вопросами. С ответами деду помогали эксперты.

Интерес к колесу объяснялся просто; оказалось, что сработано оно из сверхпрочного материала, которого нет на Земле и на известных землянам планетах. Логично было предположить, что дед обнаружил первый след схожей с земной цивилизации. Решено было попытаться найти и саму цивилизацию. Определили район поиска, отправили туда две экспедиции. Ни одна еще не дала положительных результатов: и кто знает, даст ли когда-нибудь. По предположению Марины Андреевны, колесо могло потеряться и далеко от дома. Она так и представляла себе: катится телега по Млечному Пути, по дороге происходит поломка, колесо заменяют, негодное выбрасывают. Все очень просто.

Таким образом, суммируя опыт общения с дедом Николаем Никитичем, Марина Андреевна пришла к выводу, что любая находка деда всегда уникальна и — что самое главное — непременно имеет свое подобие на Земле, хотя бы по внешнему виду. Сделать этот вывод было легко, но между тем отношение к самому деду у Марины Андреевны складывалось сложное.

Каким был дед?

Дед был прочным, основательным транспортником космоса. Он знал свое дело и относился к нему, как его предки относились к землепашеству или мореходству: то есть просто. Послушать, как дед рассказывает

о своих полетах, так подумаешь, что он не из космоса вернулся, а из ближайшего леса. Марине Андреевне нравилось слушать деда. И сам дед ей нравился. Но было в нем что-то, что заставляло Марину Андреевну при его появлении настораживаться и вообще впадать в подозрительность. В нем было мальчишество. И когда он нацеливал на Марину Андреевну большие голубые глаза, полные доверчивости и наивности, ей казалось, что доверчивость и наивность что-то собой прикрывают: какой-то подвох.

Именно поэтому сейчас, увидев деда на пороге своего кабинета, Марина Андреевна насторожилась.

— Добрый день, Марина Андреевна, — сказал дед. — Вот я и снова к вам.

Марина Андреевна улыбнулась и ответила:

— Здравствуйте, Николай Никитич. Что-нибудь новенькое?

— И да, и нет, — виновато разведя руками, ответил дед.

«Хорошее начало», — с издевкой подумала Марина Андреевна, но вслух произнесла:

— Ну, показывайте. Что там у вас? — про себя Марина Андреевна решила, что не удивится ничему, даже если это будет вещь, которой Марина Андреевна пользуется ежедневно.

Осторожно опустив на пол огромный рюкзак, дед принялся вынимать из него объемистую корзину. И при этом он говорил:

— Сначала я думал, он наш, поэтому за ним и гонялся. А потом понял, не было поздно.

Марина Андреевна не столько слушала деда, сколько следила за его действиями.

Дед достал корзину и аккуратно поставил ее на пол. В корзине сидел мальчик.

У Марины Андреевны оборвалось сердце, когда она увидела этого мальчика, его небесно-голубые глаза.

— Это его вы принесли в музей?! — гневно спросила она у деда, делая ударение на слове «его».

— А куда же его нести? Мне и в космопорту сказали: «Неси в музей. Там он будет в надежных руках». Да и сам уже так решил. — Дед тяжело вздохнул и добавил: — Нашел вот, на свою голову...

Дед взял мальчика на руки и опустился с ним на стул.

Мальчику было лет пять. Кроме набедренной повязки, на нем ничего не было.

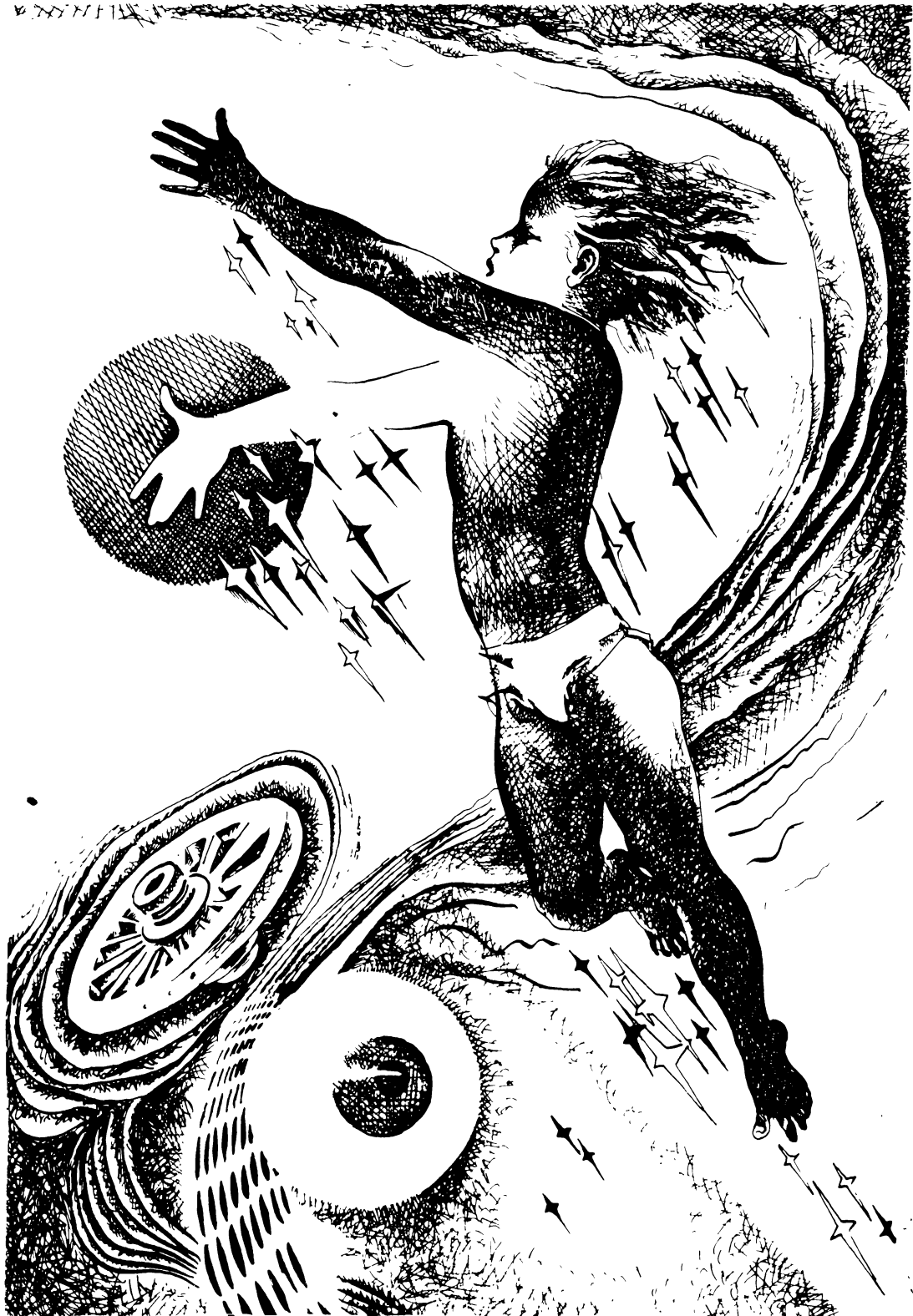
— Пробовал надеть на него нашу одежду — холодно ведь. Мерзнет, а одежду скидывает, не привык. Вот и пришлось ему рюкзак оборудовать: утеплил, а в порту еще вот и корзину дали. Как нора. Ему, видно, привычнее.

— Кто это? — спросила Марина Андреевна. Она постаралась взять себя в руки.

— Я думаю: существо, — коротко ответил дед, и было видно, что он много раздумывал над этим вопросом.

— Откуда? — спросила Марина Андреевна.

— Найдено мною в квадрате четырехсот восемьдесят восемь, чуть в стороне от большой световой дороги, на планете Ведьм, — отрапор-

товал дед и пояснил: — Я всегда там водой запасаюсь. И сроду там ничего и никого не видел. И вдруг — мальчонка. Я как увидел, сразу решил: еще один из дому сбежал за романтикой. Уж я гонялся за ним, гонялся. А он — от меня, от меня... Но поймал все-таки...

Существо дергалось на коленях у деда и издавало какое-то шипение.

— Та-ак... — потянула Марина Андреевна. — И какие у вас по этому поводу мысли?

— Так я же говорю: сначала подумал, что это наш мальчишка. Тысячу вариантов перебрал, как он мог на планете Веды оказаться. И все к нему приглядывался. А как пригляделся, так и сообразил, что вовсе он не наш, не земной. А чей и какой? Так это ж бог его ведет. Я ответить не могу... Но наверное, все равно решать надо, как он на ту планету-то попал... Вот так я думаю.

Марина Андреевна с ног до головы оглядела существо. Оно ничем не отличалось от множества мальчишек, которых Марина Андреевна перевидала за свою жизнь. А то, как сейчас мальчик вертелся на коленях у деда, пытаясь высвободиться, напомнило Марине Андреевне ее собственного сына в детстве: тот тоже не любил, когда его брали на руки. Сейчас мальчику уже двадцать, и он совершенно самостоятельный человек.

Дед, наконец, не выдержал и отпустил существо.

— Да, совсем забыл. Вот карточка. Санитарный контроль пройден. Заразы в нем нет. Тут же и регистрация приемки существа в космопорту.

Если у Марины Андреевны и были еще какие-то сомнения и подозрения, то теперь проявлять их было бы попросту невежливо. «Он хоть раз тебя обманул? — спрашивала себя Марина Андреевна и тут же себе отвечала: — Ни разу... Смотри на жизнь шире, Марина, в конце концов это твоя профессия: постигать многообразие мироздания», — уговаривала она себя. Но тут была закавыка: постигать многообразие гораздо легче, чем поверить в существование полной идентичности миров. «Но ведь присутствуют же глаз, валенок, колесо, наконец. Так почему же не быть и мальчишке?.. И потом, какой смысл деду? Какой смысл?..»

Никакого очевидного смысла не проглядывалось, и Марина Андреевна решила, что иначе как существом мальчишку называть не будет и не будет допускать никаких сомнений на дедов счет, чего бы это ей ни стоило.

— Ну что ж. Завтра как раз заседание экспертов. Я представлю вашу находку, начнем разбираться, что к чему. На ваш взгляд, существо разумно?

— Нет, нашего разума в нем нет. А может... Впрочем, оно говорящее, — дед в раздумье прикрыл глаза и добавил: — А может, и разумное...

— Говорящее? Это как?

— Ну вот как попугай: нет-нет да и вставит словечко к месту.

Существо оторвалось на минуту от созерцания пейзажа за окном кабинета Марины Андреевны и, обращаясь к деду, произнесло:

— Ну дед!..

Дед грустно покачал головой и резюмировал:

— Я же говорил: чисто попугай! Сегодня рассматривали его в космопорту и все удивлялись и приговаривали: «Ну дед!.. Ну дед дает!..» Вот он уже и повторяет...

Объяснение было простое. В возможность такого объяснения можно было поверить. Но реплика существа Марину Андреевну тем не менее сразила. Она и без того уже — непонятно, почему — отказалась от экстренного вызова экспертов. Теперь же, глядя на существо, только что произнесшее с укоризной: «Ну дед!..» — Марина Андреевна совсем растерялась:

— Нет, вы как хотите, но это ужасно! — воскликнула она.

— Я и говорю: тоска! — с охотой подхватил дед.

Марина Андреевна посмотрела на деда подозрительно и напряженно. Держится как будто естественно, но какая-то скованность присутствует.

А что, если это все-таки розыгрыш?

Марина Андреевна подключилась к службе информации:

— Требуются все случаи исчезновения детей, а также пропавших экспедиций, случаи исчезнувших космолетчиц, все таинственные происшествия, результатом которых может оказаться ребенок на чужой планете.

— Нет таких случаев, Марина Андреевна. Зря вы это. Ведь и в карточке отмечено, — попытался разъяснить дед.

Но Марина Андреевна терпеливо ждала ответа информанализатора. Конечно же, он ничего не добавил к ответу деда.

— Да не сомневайтесь вы, Марина Андреевна. Ну какой мне смысл? Точно вам говорю, мальчонка этот — существо, иначе говоря — экспонат. Экспонат в законченном виде и ничего больше. — И опять в голосе деда Марина Андреевна услышала грусть.

Дед выполнил все формальности, связанные с передачей находки музею, попрощался с Мариной Андреевной и перед уходом зашел проведать глаз-предсказатель. Бабка Зинаида очень обрадовалась деду и тут же принялась жаловаться на глаз:

— Я его и обмываю, и капельки в него закапываю, что пропишут, а как ни попрошу будущее показать: все он меня в гробу кажет.

Дед промолчал.

— Да, в гробу. Лежу это я, убранная, как положено. И надо мной все наши, музейные, речи говорят. Красиво...

Зинаиде явно нравилось то, что ей показывает глаз, и еще нравилось, что есть с кем поделиться. Но дед плохо ее слушал. Он внимательно осмотрел глаз со всех сторон, пробормотал: «Ну тебе-то тут неплохо...» — кивнул Зинаиде и ушел.

Марина Андреевна видела деда, видела, как он идет по дорожке к воротам: неспешно, как будто даже нехотя. Руки в карманах, сутулая широкая спина и правая нога по-медвежьи загребают вовнутрь. Только теперь Марина Андреевна поняла, что старик по-настоящему расстроен.

Отойдя от окна, Марина Андреевна вгляделась в существо. Оно свернулось в комочек в своей корзине и смотрело на нее исподлобья. Марине Андреевне показалось, что оно мерзнет. Нельзя, чтобы оно

мерзло. Марина Андреевна приложила к спине мальчика холодный кружок измерителя. Мальчик вздрогнул, подался в сторону. Но и короткого мгновения хватило: прибор уже указывал оптимальный для существа интервал температур. Марина Андреевна отрегулировала по нему температуру в кабинете. Стало жарко. И через некоторое время существо опять задвигалось. Оно исследовало кабинет: все его углы и закоулки, довольно долго изучало пульт вызова, а потом, как и при деде, забралось на подоконник и принялось разглядывать улицу.

Марина Андреевна внимательно следила за существом. Причем когда оно глядело на мигающие на пульте вызова глазки, Марина Андреевна отметила, что это ее вызывают, но ответить и не подумала. Почему-то ей захотелось отгородиться от мира, а вернее — отгородить от него этого мальчика, малыша в набедренной повязке.

Марина Андреевна разглядывала его со спины. Ну ничего, решительно ничего отличного от человеческого детеныша. Как все-таки природа любит повторы! Но если допустить, что мальчик принадлежит внеземной цивилизации, то вряд ли может быть, чтобы в одинаковую с человеческой форму природа влила совершенно иное содержание.

А почему, собственно, нельзя предположить такое?

Последнее время на Земле часто обсуждается вопрос, почему люди до сих пор не встретили разумной жизни во Вселенной? Высказывались предположения, что такую жизнь люди все-таки встречали, но не распознали ее исключительно из-за того, что проявления разумного расходились с нашими представлениями о том, какими они могут быть. Колесо соответствовало таким представлениям, вот почему оно всех так поразило. А теперь еще и мальчик. Вот он стоит, живой и здоровый, смотрит, не отрываясь, в окно. Что видит, неизвестно, но смотрит внимательно.

В кабинет влетел Сеня Бурый.

— Слушай, это от тебя дед вышел?

— От меня.

— Ну так показывай. Мне Владька звонил: дед, говорит, опять такое приволок, что весь космопорт сбежался смотреть и никто не верит. Я ему: чего, мол, дед привез? А Владька рожу такую загадочную соорстил — знаешь, как он любит, — и говорит: сам увидишь. Так где же? Где то, что дед-то привез? — Сеня шарил глазами по кабинету, увидел корзину, подскочил к ней. — Тут пусто. — Потом Сеня увидел спускающееся с подоконника существо. — Откуда у тебя малец? Грязный-то какой! Эй, мальчуган, пойди умойся.

Марина Андреевна остановила Сеню:

— Оставь его. Я сама потом его умою.

Сеня потерял к мальчику интерес, расстегнул пиджак:

— Жарища у тебя. Так где?..

— Что где?

— Ну что дед-то приволок?

— Ах это... — Марина Андреевна вздохнула: никуда не денешься, не спрячешь. И даже странно, что хочется спрятать. Марина Андреевна собралась с духом и сказала: — Николай Никитич привез

нам из космоса этого мальчика. Называет его существом и экспонатом.

Сеня даже присвистнул:

— Иди ты!..

Он обошел мальчика со всех сторон, осторожно погладил по голове, потом легонько дернул мальчика за волосы, как бы желая убедиться, что они настоящие.

— Скажи: а-а-а...

Существо увернулось из-под Сениной руки и на просьбу сказать «а-а-а» не прореагировало.

— Елки-палки!.. Так ведь это сенсация! Чего ты стоишь, Марина?! Надо же срочно собирать Совет!..

Сеня кинулся к пульту вызова, но Марина Андреевна резко его остановила:

— Подожди! Оставь пульт в покое. И мальчика оставь в покое. И за волосы его не дергай и не смотри на него как на уродца!.. И вообще, оставь меня с ним!..

Сеня оторопел:

— Ты чего это, а, Марина?.. Что с тобой?.. Чего ждать-то?.. Ты чего тут разводишь?.. Ты что: деду не веришь?

— Всем я верю. И ничего не развожу. Просто считаю, что торопиться некуда...

— Темнишь ты что-то...

Марина Андреевна и сама понимала, что «темнит», но ничего не могла поделать. Сенин напор казался ей чем-то в высшей степени отвратительным. А Сеня продолжал:

— Не понимаю, чего тебе одной-то мучиться — решим коллективом. Всем коллективом навалимся — и нет проблемы!

— Вот именно — навалитесь!.. — ехидно подметила Марина Андреевна. Она видела, как от Сениного бодрого и зычного голоса съезжился мальчик. — Ты что, не видишь, как он тебя испугался?

— Да? — Сеня посмотрел. — И верно, вроде испугался... Но если мальчику вредно наше общество, мы можем его обследовать и незаметно для него самого. — Сеня говорил значительно тише и вообще присмирел.

А Марина Андреевна добавила примирительным тоном:

— И куда торопиться? Подумай: дед был с мальчиком в полете около полугода, преодолел такое расстояние, что и представить невозможно. Что изменится от того, что эксперты посмотрят на него не сегодня, а завтра?.. Я же не собираюсь его скрывать...

Произнеся последнюю фразу, Марина Андреевна подумала, что именно скрыть мальчика она бы и хотела. Кажется, Сеня понял это или догадался о подобном желании. Так или иначе, он не ушел, а устроился поудобнее в кресле и уставился на существо.

Мальчик копошился в корзине, как будто что-то искал. Вид у него был жалкий. Вид этот тронул Марину Андреевну. «Чего это он там ищет?» — подумала Марина Андреевна и тут же вспомнила, что час уже поздний и пора обедать. В карточке значилось, что существо питалось у Николая Никитича земной пищей.

Марина Андреевна налила ему молока, поставила перед ним тарелку

с бутербродами. Существо поело и, поглядев на Марину Андреевну, четко произнесло:

— Марина...

В Марине Андреевне проснулось все ее материнство. А Сеня вытаращил глаза:

— Господи! Оно еще и разговаривает!.. Слушай, я читал у кого-то из фантастов про космического Маугли. Может, аналогичный случай?.. Ты посмотри на него — это же человек! Натуральный человеческий ребенок!.. Лет этак пяти-шести, только сильно отставший в умственном развитии.

— Как ты торопишься! Как все-таки много от тебя шума! Как бы мне хотелось, чтобы ты дал мне подумать спокойно!.. — Марина не хотела обижать Сеню, но с собой совладать не могла.

А тот пожал обиженно плечами и, ни слова больше не говоря, вышел.

Марина Андреевна проводила Сеню взглядом, а потом перевела взгляд на пульт вызова. На нем по-прежнему сияло множество сигналов: и в центре — ярче всех — светился директорский. Как же это Марина Андреевна не подумала о директоре? Вот кто может ей помочь. Вот кто деликатно и мягко во всем разберется и найдет приемлемый для всех вариант. Марина Андреевна относилась к директору не только уважительно, но и с симпатией, которая с годами общения только возрастала и укреплялась. Иногда эта симпатия переходила во влюбленность.

Марина Андреевна подошла к пульта. На экране возникло знакомое лицо: такое ироничное и мудрое.

— Марина Андреевна, что это вы там затворились? Что там у вас?

— Новое поступление, Борис Петрович. Только и всего.

— Что же вы его не показываете?

— Сама еще не нагляделась.

— Э-э!.. А зачем так грустно?.. Хотите, я приду к вам и мы вместе посмотрим?

— Хочу, Борис Петрович. Правда, хочу.

«Правильно, пусть он придет», — подумала Марина Андреевна. Существо дремало в корзинке. Исходных соображений может быть только два: или оно человек или нет. Это главное, что надо установить. Марина Андреевна еще раз, но теперь уже внимательнее ознакомилась с заключением медиков в космопорту: если им верить, то совпадение полное, уцепиться совершенно не за что. Конечно, более тонкие исследования возможно установят какую-то разницу между, скажем, кровью людей и этого существа. Но ведь эта разница может возникнуть просто из-за того, что существо, мальчик этот, долго прожил на другой планете.

А почему бы ему и не оказаться человеком?

В голове Марины Андреевны прокручивались какие-то странные и обрывочные мысли и картины о подброшенных детях — было же это в прошлом. Но Марина Андреевна остановила себя. В прошлом-то было, но в нынешнем совершенно нереально.

И тут ей вспомнилась виноватая улыбка деда. Марина Андреевна представила, как дед — вовсе не такой уж спортивный — бежит за мальчиком, догоняет его, пытается схватить... Мальчик вздохнул во сне. Его

удлиненное личико было усталым. И внезапно Марину Андреевну озаорило: да ведь он похож на деда! И глаза у него голубые. Вот и в карточке отмечено: голубые глаза. Господи, да уж не внук ли это его?! Марину Андреевну кинуло в жар.

Легко фантазировалось ей на тему о дедушкином внуке. Представлялась ссора. Кипятящийся дед — нервишки-то уже пошаливают: «Ты посмотри, как ты себя ведешь?! Дикарь!.. Разве ты человек?! Ты же натуральный экспонат!.. Тебя в музей надо сдать, как диковинку!.. И второй такой не найдется!.. Экспонат!..» — «Я?! — ядовито и дерзко отвечает малыш. — Я — экспонат?.. Меня в музей?.. А ты сдай!.. Сдай!.. Попробуй!..» — «И сдам, и сдам...» — шумит дед, запикивает ребенка в рюкзак и... Тут была маленькая неувязочка. Хотя, безусловно, слова существа «Ну дед!» прекрасно подходили под эту версию, не укладывалось в нее все остальное. Дед совсем не был жесток. А поступок такого рода может быть оценен только как жестокость. И потом не соответствовали такому варианту ни внешний вид существа, ни его отрешенность, ни то, наконец, что он пробыв в космосе долгое время: тайком деду не удалось бы его провезти. Да он и не повез бы.

Вошел директор.

— У-у!.. Жара!.. Что же вы не предупредили, я бы оделся полегче. Впрочем, это мелочи. Мальчуган теплолюбив? — директор склонился над спящим мальчиком.

— Да. Но не больше, чем наши южане.

От присутствия директора Марине Андреевне стало намного спокойнее.

— Я тут заказал информацию о Маугли. Может, пригодится. Похож он на него?

— На кого?

— Да на Маугли, конечно. А вы о ком подумали?

— Только не смейтесь, пожалуйста, но мне кажется: мальчик чем-то похож на деда, на Николая Никитича.

— Вот как? — директор всмотрелся. — А вы правы. Действительно что-то есть, легкое такое сходство... даже не скажешь, чем именно, но похож.

Директор посмотрел на Марину Андреевну, улыбнулся:

— Правда, есть о чем подумать?..

Марина Андреевна облегченно засмеялась:

— Еще бы! Такие картины рисуются.

— Ну, а если серьезно: что вы мыслите по этому поводу?

— Надо установить, кто он.

— Да ну?! И я, знаете, тоже подумал, что надо бы. Но как вы собираетесь это сделать, если не секрет? К тому же никого сюда не допуская?

— Но вас-то я пустила.

— Попробовали бы не пустить, я бы вас тут же уволил. А вот несчастного, беззащитного Сеню выгнали? Выгнали ведь? Он меня сейчас в коридоре поймал и жалуется. У него голова пухнет от идей!

Марина Андреевна взмолилась:

— Борис Петрович, вы же знаете Сенины идеи: ему бы шума побольше, сенсации!.. А тут ребенок... — И уже совсем тихо Марина

Андреевна прибавила: — Несчастное существо, кем бы оно ни было, несчастное...

Директор внимательно смотрел на Марину Андреевну. Ей казалось, что в этом взгляде есть все: и понимание, и сочувствие, и отеческое покровительство — все.

Оба они уселись на корточки перед малышом. И Марина Андреевна не удержалась — погладила его руку. И испытала то, что испытывала всегда, сидя у кровати спящего сына.

— Ну что ж: вот вы, допустим, установили, кто он. А дальше?

— Если человек, надо вернуть ему все человеческое.

— А если нечеловек?

— Найти его дом и вернуть, как говорится, по принадлежности.

— Да-а!.. Найти...

Скрипнула дверь.

— Ладно, Сеня, заходи, — негромко, но достаточно отчетливо произнесла Марина Андреевна.

— Да это не Сеня, это я, Зинаида, — послышался голос старухи, наверняка уже последней уборщицы на Земле. — Я чего к вам: эти ваши роботы — они разве чай заваривают? Бурду. А я чаек заварила. Попейте, а то сидите небось не евши, не пимши.

— Спасибо, Зинаида, что бы мы без тебя делали. Только говори потише, видишь, ребенок спит.

Зинаида устала в угол, в ожидании, по-видимому, обнаружить там дикобраз. Было ясно, что не только желание напоить чаем любезных сердцу сотрудников привело сюда Зинаиду. Вид ребенка ее разочаровал.

— Дите нашли?.. Ну и ладно... Вот и хорошо...

Зинаида ушла почти что опечаленная, но Марина Андреевна наверняка знала, что очень скоро Зинаида сочинит про этого ребенка такую слезную историю, что, рассказывая, и сама будет плакать. Марина Андреевна усмехнулась.

Чай был действительно замечательный. Марина Андреевна и Борис Петрович пили его с бутербродами. И Марине Андреевне нравилось смотреть, как директор захватывает бутерброд и как ему неудобно держать такой маленький бутерброд своими огромными пальцами.

— Марина Андреевна, вам никогда не приходилось размышлять над теми экспонатами, которые отыскал Николай Никитич, сразу над всеми вместе?

— Приходилось, а что?

— Ну и вы подумали, конечно, что все повторяется, и пытались свести эти находки к нашим земным представлениям, правда?

— Правда.

— А потом отмечали, что повторяется-то повторяются, но каждый раз по-новому. Вот глаз, например. Очень похож на человеческий, очень. Но ведь ни черта не видит. И каким макаром извлекает из человеческих глубин желанные душе картины, мы понять не можем. — Директор допил чай и еще раз внимательно посмотрел на Марину Андреевну. — Мне кажется, что вы привязаны к идее земного: с этим мальчиком вам от нее оказалось труднее всего оторваться. Вы увидели

существо, нуждающееся в вашей, чисто материнской защите, и повели себя, как повела бы в такой ситуации мать: вы не вызвали ни меня, ни экспертов, вы Сеню выставили, наконец.

Директор был прав. Именно этим — желанием защитить, укрыть, спрятать от досужих, любопытных, недобрых глаз, — именно этим объяснялось поведение Марины Андреевны в последние два-три часа. А Борис Петрович продолжал в той же лирически-ироничной манере:

— Вот вы изложили два варианта: либо Земля — его дом, либо — другая планета. А если Земля не дом, а дома мы не нашли, как быть тогда? Оставить его вечным экспонатом, проживающим свой век в отделе «Живая Вселенная» рядом с немногочисленной вселенской фауной? Не хочется ведь? Даже больно. Уж очень он напоминает наших собственных детей. Выходит — усыновить? Кого мы усыновим, мы не знаем. Где же гарантия, что мальчик поймет нас, приживется у нас?

Директор сделал несколько картинную паузу, а потом добродушно и мудро улыбнулся и закончил:

— Гарантия в вашей любви, Марина Андреевна. И лично я не против уже сейчас отдать мальчика под ваше покровительство. Даже если его настоящие родители окажутся выше нас по развитию: от нас ему не будет вреда, потому что любовь и сочувствие еще никому не вредили.

— Да, любовь, — повторила Марина Андреевна.

Мальчик заворочался, сел в корзине, потер кулачками глаза. Боком в кабинет вошел Сеня:

— Марина, можно?

— Да входи уж, можно...

Сеня тут же перестал быть застенчивым и напористо выпалил:

— Директор, есть идея! Давайте поведем его по залам музея: у нас же тут с миру по нитке, а вдруг он найдет что-нибудь свое?.. Здорово придумал, да?..

— Очень здорово. Особенно если учесть, что как любой ребенок, он увлечется в первую очередь тем, чего никогда не видел и не знает... Но вообще-то попробовать можно.

Мальчик подошел к Марине Андреевне, встал рядом. Она приобняла его за плечи.

Директор и Сеня принялись обсуждать текст первого сообщения о находке. Марина Андреевна, все время чувствуя рядом теплое, хрупкое тельце мальчика, тоже включилась в работу. Трое взрослых спорили из-за каждого слова, а ребенок вертел головой в разные стороны, глядя то на одного, то на другого — и вряд ли догадывался, что спорят из-за него.

Сеня оторвался на секунду от диктофона и мельком взглянул на существо. Потом посмотрел еще раз внимательнее.

— Вот это да! Смотрите-ка, директор! Посмотрите на него! Или мне это снится?!

Борис Петрович тоже посмотрел на ребенка:

— Не может быть...

— Но вы видите? Да, видите?..

— Что вы там увидели? Что? — Марина Андреевна повернула существо к себе лицом и обомлела: какое-то неуловимое, лишенное кон-

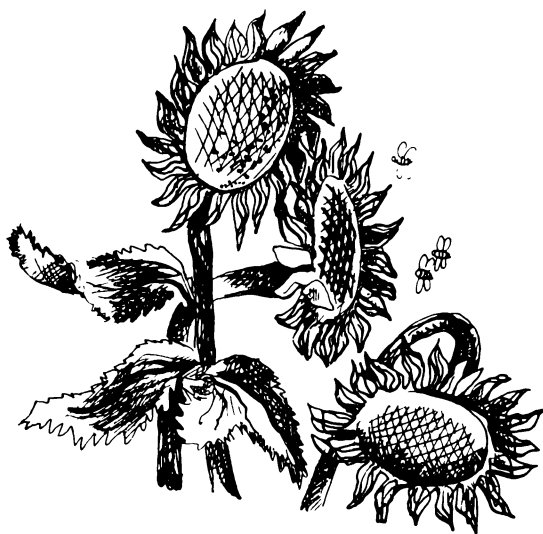
кретности, но тем не менее очевидное сходство с ней, с Мариной Андреевной, читалось в лице мальчика.

— Похож, ей-богу, похож, — сказал директор. — Он на вас теперь похож, Марина Андреевна, и на деда все еще похож: странно-то как.

— Странно и загадочно, — сказал Сеня.

— И прекрасно, — тихо завершил директор. — Вот мы уже и знаем кое-что о нем, кое-что такое, чего не знали раньше. Этот мальчик, это небесное существо отзывается на любовь. Так просто и ярко отзывается. Как подсолнух на солнечный свет.

Все замолчали. И только смотрели на мальчика. А Марина Андреевна смотрела на директора, на Сеню, на этого, ставшего ей вдруг родным ребенка, и таким теплом, такой признательностью охватило ее. И она подумала: «Как это хорошо! Как хорошо и замечательно, когда мир богатый, щедрый и добрый. И как хорошо, когда каждый на Земле хочет помочь каждому и понять каждого. Как это хорошо!»

Вячеслав Рыбаков

ВСЕ ТАК СЛОЖНО

РАССКАЗ

Уже одевшись, Алька снова подошел к телефону, и под ногой у него хрустнуло. Алька мельком глянул вниз. Это была сухая апельсиновая корка — хозяйка повсюду рассыпала их от моли. Тщательно собрав оранжевое крошево, Алька высыпал его в помойное ведро. Очень не хотелось оставлять после себя грязь. Потом Алька еще раз попробовал позвонить Юле. Едва застрекотал телефонный диск, бабка приоткрыла дверь своей комнаты, чтобы лучше слышать, — это получалось у нее беззвучно, профессионально, она только не подозревала, что Алька видит происходящее за спиной. В коридор, к делу и не к делу задрапированный пестренькими занавесочками, пахло лекарственной старушечьей затхлостью. Алька усмехнулся, отчетливо чувствуя напряженное ожидание хозяйки. Любопытная она была чрезвычайно. Долгие гудки мерно падали в беспросветную пустоту. Забавно, отметил Алька, прислушиваясь к сумасшедшему биению сердца с каким-то отстраненным, болезненным любопытством. Он поглядел на свои пальцы и снова отметил: даже пальцы дрожат. Он решительно повесил трубку. Дверь за его спиной сразу закрылась.

Он вернулся в свою комнатенку. Ни за чем. Постоял у порога, оглядываясь в последний раз. Провел кончиками пальцев по корешкам книг, опять усмехнулся, предвкушая бабкину растерянность. Даже приемник не

позволяла включать, старая. Он, дескать, электричество тратит, «а пенсия у меня ма-аленькая...». А за лекарства и продукты, которые покупал ей Алька сверх платы за комнату, деньги и не думала отдавать. Злая бабка, заключил Алька напоследок, но без обычного раздражения. А как она отчитывала Юлю, решившуюся однажды позвонить! Юля... Я пропал, пропал, подумал Алька с веселым, бешеным отчаянием.

Ему снова вспомнилось, как отец водил его смотреть на казнь. Налетавший не больше десятка парсеков юнец, инспектируя один из нижних комбинатов, позволил себе преступную доброту действием по отношению к ребенку касты Производящих. Алька навсегда запомнил радужное блистание необозримых фестончатых зданий и темную громаду Обелиска посреди вознесенной над городом площади — стремительную, грозную, угловато вломившуюся в небо. Выше нас — только небо, говорил отец, наше небо... Отец. Он погиб всего семь лет спустя, в своем небе, и Генеалогическое ведомство было даже не в состоянии указать звезду, возле которой пресеклась его жизнь...

У самого подножия Обелиска, маленький и жалкий, стоял преступник. Адмирал сорвал с него знаки различия и награды, огласил отлучение, и добряк провалился вниз, сквозь все силовые перекрытия, сквозь все предохранительные щиты и барьеры — вниз, вниз, глубоко вниз, на ярус Производящих, где совершил он свое преступление и где ему предстояло отныне, не видя неба, прозябать до конца своих дней. Отец поднял меня над скорбящей толпой, вспомнил Алька и будто почувствовал вновь ласковую, горячую мощь ладоней. Отец, если бы он знал... Хорошо, что он не узнает. Алька забросил на плечо потертую «адидасовскую» сумку с катонным деструктором и «пищалкой» и вышел на темную, пропахшую кошками лестницу. Лифт не работал.

На улице Алька глубоко вздохнул. Здесь, внизу, казалось, будто в мире царит чистота. Сразу расхотелось стрелять, захотелось писать стихи или картины... Сколько снега, подумал Алька, старательно настраивая себя на деловой лад. Трудно будет пробираться по сугробам. Алька шел ровным, быстрым шагом, время от времени перебрасывая тяжелую неудобную сумку с плеча на плечо. Он злился на себя: бывая летом на озере, не удосуживался взять пространственного ощущения, и теперь ему приходилось тащиться местными видами транспорта, потому что телепортировать можно было только в ощущаемую точку пространства. Свежий снег, переливающийся всплесками белых искр, задорно хрустел, и в воздухе то и дело вспыхивали, тут же пропадая, едва уловимые серебряные блески. Было морозно и беззвучно, Алька шел, выбирая путь побезлюднее, и встретил только женщину, молча тащившую за руку упиравшегося мальчика лет пяти. Мальчик обижался и пытался объяснить: «Я говорю: отойди от него, маленьких обижать неправильно, а он говорит: дурак, а я ему как стукнул, а ты меня уводишь, как будто я испугался...» Альке было весело и жутко, нервы туго стянулись, тронь — зазвенят. А всего-то дела — три выстрела. Как на полигоне, стрелковое упражнение номер восемь, поражение беспилотного устройства при его посадке. Автобуса на остановке не было, а за углом прилепилась к стене дома светящаяся, как елочная игрушка, кабинка телефона-автомата.

На ходу выгребая мелочь, Алька ринулся звонить. Поставил сумку на пол, набрал Юлин номер. Надо же, отметил он, сколько не звонил —

сначала хотел, чтобы позвонила она, потом — выдерживал характер, потом — потому что уже стало зря. И вот в последний вечер собрался наконец. Где же она может быть? С отчаяния Алька позвонил Жеке, и Жека ответил.

— Ба-ба-ба! — сказал веселый Жека. — Кто к нам пришел! А почему он пришел таким странным, таким телефонным способом, а не ножками, как простые смертные? Все здесь, а его нет! Все ждут, а его нет!

— Кто ждет? — удивился Алька.

— Народные массы.

— А меня не звал никто...

— То есть как? — ошалело спросил Жека. — Измена в доме? Я ж Юльку просил тебе напомнить!

— Да мы с ней сто лет не виделись и не слышались.

— Ладно, потом разберемся. Лети сюда, понял? Ждем!

— И она ждет?

— Больше всех, лапоток ты!.. Предоставить ей слово, что ли?

Алька тискал трубку, пальцы мерзли. Ах, как глупо, думал он. В телефоне слышались музыка, смех. Подошел автобус, впустил в себя трех ожидавших на остановке и укатил.

— Я слушаю, — произнес Юлин голос.

— Привет, — сказал Алька безмятежно.

— Привет. Куда пропал?

— А ты сама не звонишь.

— Забыл, как в тот раз бабка твоя на меня наорала? А Жека сказал, что тебя позовет, и я попыталась сделать тебе сюрприз.

— Какой?

— Быть здесь. Правда, что-то он не получается. Приезжай скорей, Алька.

— Заранее надо предупреждать, что я вам, мальчишка? Сейчас я занят.

— У, какой сердитый. Смотри, я тоже стану сердитая.

— Да ради бога. Сами забыли про человека и сами сердятся. Пока. Рад был услышать твой голосок.

— Я тоже. Звони, если что.

— Обязательно.

Ну вот, подумал он, вешая трубку. Побеседовали. Долгожданный разговор прошел в обстановке полного взаимопонимания. А ведь я никогда больше не услышу ее голоса. Разве только встречу ее в толпе и извинюсь за то, что неловко задел ее, а она ответит: «Пустяки» и не узнает меня. Юля... Никогда. Забавно. Он вышел из будки, поспешно настраивая себя на битву и выколачивая из памяти неловкий этот разговор.

Внезапный, необъяснимый отзыв. Переброска? Или что-то заподозрили? Он вспомнил, как три года назад его вдруг отозвали, не объясняя причин, и ему, переполошившемуся донельзя, советник лично прочел приказ Его Светлости наместника и присвоил следующий чин... Целую неделю потом не ходил, а прямо-таки парил по знакомым, забавным улицам. Зато теперь... Во всяком случае, отзыв помог окончательно решиться.

Интересно, куда бы меня перебросили, против воли подумал он и тут же одернул себя: не надо об этом, я ведь уже решил. Страшно как, Пресветлый Бог Звезд! И очень странно. Не укладывается в голове: я — предатель. Я — предатель!.. Но что я предал? Разве не оказался бы я предателем стократ худшим, если бы, поняв все, что я понял, продолжал бы жить как ни в чем не бывало, продолжал бы тупо, как автомат, готовить вторжение? Ладно, хватит.

По уставу, идущий на пеленг бот имеет походную готовность, но ни в коем случае не боевую. Значит, чтобы ответить залпом на первый мой залп ему понадобится две с половиной секунды, не меньше. Мне нужны три выстрела, в который раз прикидывал Алька, значит, у меня по целой секунде на второй выстрел и на третий, и еще полсекунды резерва. Наша возьмет, подумал Алька весело, с силой притопывая ногами. Ноги мерзли. Главное, сказал он себе, симитировать аварию бота так, чтобы казалось, будто я тоже погиб. Это главное. И я знаю, как это сделать. Наша возьмет.

По местному времени было начало восьмого. Не обернувшись до десяти, подумал Алька и на миг непроизвольно встревожился от этой мысли, но тут же почти злорадно усмехнулся, снова представив себе, с каким удовольствием станет вредная хозяйка запирает дверь квартиры на щеколду, не дождавшись Алькиного возвращения к урочным десяти часам. Такое трижды бывало — все три раза из-за Юли, — если Алька не успевал вернуться в десять, хозяйка задвигала щеколду и не открывала, сколько ни звони.

Алька вдруг замер, ему стало не по себе. Надо же, пожалел бабу. Конечно, ей приятно послушать его звонки, а впустить лишь поутру, рассказывая про крепкий сон и глухоту и укоряя в неисполнении уговора относительно обязательного возвращения к десяти: мол, сам, милок, виноват... Но ведь звонков-то не будет, и утром Алька не придет, вообще никогда не придет. Полтора года парень жил и вдруг исчез. Надо предупредить ее, что ли... Алька досадливо покусал губу: не возвращаться же из-за ерунды. Да, подумал он, но бабу-то, чего доброго, в милицию побежит, занервничает, а она и так чуть жива, и двое внуков, между прочим, на ней. Собственно, время еще есть. Посмеиваясь над своей неожиданной сердобольностью, Алька понесся домой.

Из-под двери в бабкину комнату струился холодный голубоватый свет; хозяйка подремывала перед бубнящим телевизором. Нередко она спала так до утра, и дважды на Алькиной памяти телевизор из-за этого выходил из строя — Алька тогда чинил строчник и заменял перегоревшие детали, а бабу сидела рядом и наблюдала, чтобы Алька не помял накрахмаленные подстилки, и рассказывала, какой у нее добрый и заботливый сын и какие замечательные внуки. Внуки, впрочем, действительно были симпатичные, Алька любил с ними играть, да и они его жаловали. Пожар устроит, старая, подумал Алька, нерешительно стоя в коридоре, а потом прикрыл глаза, представил схему и габариты надежника и сделал его. Очень трудно описать это ощущение — когда в ждущей руке возникает из воздуха задуманная вещь, еще теплая, еще светящаяся светом последних рекомбинирующих ионов... Вместе с надежником Алька просочился в щель под бабкиной дверью, подлетел к телевизору и пустил махусенького паучка под запыленную заднюю крышку. Пускай ползает.

Неслыханное, конечно, нарушение устава, но Альке уже было все равно. Он лишь поставил надежник на самоуничтожение при снятии крышки. У себя в каморке Алька сочинил прощальную записку, измыслив что-то несусветное — какое-то письмо ему пришло от каких-то родителей — и пожелав бабке и ее внукам всех благ. Поверх записки положил деньги за комнату, за последние шесть дней. Надо же, какой я стал гуманненький да вежливенький, подумал он, заслоняясь иронией от детского упоения своей правильностью. Это все из-за Юли. Она все твердила, что со старушками надо быть снисходительным... и сама такая мягкая, добрая... со всеми, кроме меня.

И тут задребезжал телефон. Поспешно, чтобы не проснулась от резкого звука бабка, Алька подцепил трубку с рычага, поднес к уху, и сердце его упало, потому что голос Юли произнес:

— Добрый вечер. Простите, пожалуйста, за беспокойство, но вас не затруднило бы позвать к телефону Альку, если он дома, конечно. Мне очень нужно с ним переговорить.

— Сейчас позову, — ответил Алька старушечьим голосом, шамкая и заикаясь.

— Ой, это ты! — воскликнула Юля облегченно. — Видишь, какая я стала, — пожаловалась она, — вежливенькая да гуманненькая. Это из-за тебя. Все уши мне прожужжал: терпимость, доброта и эта, как ее, презумпция доброжелательности... Слушай, — заговорила она медленнее, — у тебя... у тебя ничего не случилось? У тебя был такой голос, я испугалась. Приезжай, Алька, пожалуйста.

— Зачем?

— Балда. Скучаю. Без тебя я скучаю. И боюсь за тебя. Повторить по слогам?

Он помедлил, унимая дыхание. Юля никогда еще так с ним не говорила.

— Честное слово, вот сейчас не могу, Юль.

— Ну, как знаешь, — произнесла она совсем иначе. По-чужому. Это было нестерпимо, и Алька тихо сказал:

— Юля...

Она молчала.

— Юля, — повторил Алька. Ему нравилось произносить ее имя.

— Что? — так же тихо ответила она. Казалось, она знает, что он хочет сказать. Но он сказал совсем другое.

— Я что хотел тебя спросить. Как бы нужно выглядеть человеку, чтобы ты в него влюбилась?

— Хочешь, я отсюда удеру, и побродим просто? — отчаянно предложила она после секундной паузы. — А? Хочешь? Или скажи, чего хочешь? Вот скажи!

— Правда, Юля, я не могу. Потом объясню, а сейчас ответь...

— Чтоб похож был на тебя, — сказала она ехидно, — а вместо носа поросячий хвостик, — и повесила трубку.

Алька перевел дыхание. Как хорошо, что я вернулся, смятенно думал он. Если бы я про бабку не подумал, я бы не вернулся. И не услышал бы этого. Ой, как больно, понял он вдруг. На кого же внешность-то менять? А менять обязательно надо, все сменить, чтобы не опознали, не выявили потом... Он подхватил стоявшую у двери сумку и вышел на лестницу.

Стыдно и немного забавно было теперь припоминать, сколь омерзительными казались Альке землянки прежде. Хуже землян. Они пользовались косметикой, словно женщины низших каст, они пользовались духами, кошмар! Даже Конструирующие уже не применяют эту противоестественную чепуху, предпочитая полную естественность в стремлении хоть как-то уподобиться женщинам Покоряющих и Охраняющих, которым дается после совершеннолетия возможность изменять себя в зависимости от собственного желания или вкуса мужчины... Правда, Юля почти не пользуется косметикой. Может, все это от того? Автобус подкатил, точно ждал, когда Алька прибежит.

Облегченно вздохнув, Алька опустил на продавленное сиденье, а рядом поставил тяжеленную свою сумку. Сумка перегородила весь проход. Автобус был почти пуст, впереди сидело четверо да неподалеку от Альки пристроился маленький старикан с лукавыми коричневыми глазами, любопытно уставившийся на Алькину сумку. Наверное, Алька был похож на любителя подледного лова. Сумка топорщилась, раздутая на коже излучающего ствола, так что казалось, будто внутри дожидается своего часа уложенная на снасти бутылка. Маленький укатанный «львовский», пропахший бензином и бездорожьем, бодро залязгал и толчками пошел в темноту. Алька откинулся на спинку сиденья.

Невозможно понять, с чего все началось. Алька не раз пытался, но так и не сумел провести четкой границы. Что-то было в нем, наверное, с самого начала, с детства, но что — он не мог определить. Эти качества считались почетными, уважаемыми среди Покоряющих — доброта, доблесть, честь; Альку не раз ставили другим лицеистам в пример...

В мозгу немедленно всплыли соответствующие строки Морально-боевого устава: «Доброта есть все поглощающее стремление и постоянно совершенствуемое умение любой ценой, не щадя даже собственной жизни, во всех условиях, бескорыстно помогать своим соратникам в выполнении ими их боевых задач. Поскольку душевное здоровье и благополучие оказывают весьма существенное воздействие на повышение эффективности выполнения боевых задач, постольку забота о душевном здоровье и благополучии соратников является неотъемлемым компонентом доброты». Алька усмехнулся, устраиваясь поудобнее. Доброта его непостижимым образом расширилась.

Стоит лишь допустить, что помогать следует не только при выполнении боевых задач и не только соратникам, — но всем, кто в твоей помощи нуждается... Впрочем, сказал себе Алька, это тоже сформулировали задолго до тебя. Преступная доброта действом — с детства жгут память жуткие эти слова. Нельзя возлюбить всех, ибо в мире царит борьба. Любя своих, ты тем самым обязан ненавидеть чужих — тех, кто желает зла любимым тобою. И напротив, полюбив чужих, ты предаешь своих...

Но что такое свои?

Устав отвечает: соратники. Только Покоряющие. Охраняющие ниже, они в меньшей степени свои. Конструирующие — на пределе. Дальше — чужие. А уж те, кто живет в иных мирах, — враги от природы, не могут не быть врагами...

Алька вспомнил, как испугался прошлой зимой, когда понял, что не желает зла Аркадьеву, вплотную подошедшему к идее катонных взаимодействий. Что хочет не помешать ему, а помочь. Он даже стал гордиться им, этим Аркадьевым, прекрасно зная при этом, что и на Зарриане нет ничего мощнее; значит, эта Земля вскоре станет звездной державой, ведь от катонных взаимодействий до телепортации и боевых деструкторов лет десять, не больше. В панике Алька решил тогда послать рапорт с просьбой об отзыве и психическом обследовании, но как-то замешкался, потом расхотел, потом стал сомневаться и думать... потом, отправляя очередную сводку, он умолчал об успехах Аркадьева... потом ему пришло в голову, что эта хаотичная популяция, в свою очередь, могла бы многому научить всемогущий Зарриан, — и это был конец.

Старик, сидевший на соседнем сиденье, долго высовывал маленькую голову из своей потрепанной дохи, щурясь на Алькину сумку, и, с хитринкой улыбнувшись, наконец заговорил.

— Я и сам, как молодой-то был, страсть уважал рыбку поудить. Летом-то и дурак пымает, а вот в морозец-то оно сложнее, а? На что брать собрался, молодой человек?

— На бобыля, — рассеянно ответил Алька, с трудом отрываясь от своих мыслей. У старика обиженно приоткрылся рот.

— То есть на мотыля, — поспешно поправился Алька.

— Секретничаешь, — неодобрительно сказал старик. — И водку с собой тянешь, как мужик взрослый...

— А мужику взрослому можно?

— Ты нас с собой не равняй, молодой человек...

— Да не водка это, — с негодованием сказал Алька. — Коробка это круглая такая. Не люблю я водки.

Словоохотливый попутчик обрадовался.

— И правильно! — заявил он, оживляясь, и, повернувшись окончательно к Альке, выставил острые колени в проход.

— А как вы так сразу знаете, что правильно? — серьезно спросил Алька.

Старикан лукаво засмеялся, прихлопывая себя по коленям.

— Ишь! Правильно — значит, по правилам, — произнес он назидательно. — Экий ты! А не по правилам и будет неправильно.

— А по каким правилам-то?

— Известно по каким.

— А-а, — с понимающим видом сказал Алька, дождавшись немного и поняв, что дальнейших разъяснений не последует. — Но вот, скажем, правил придумать не успели, а дело делать надо. Тогда как?

Старик склонил голову набок, утопив свое мохнатое ухо в растрепанном воротнике.

— Ишь, — сказал он задумчиво. — Тык ыть... чего тут. То ж не те правила, которые специально выдумываются да на бумажке записаны, голова! В войну-то, помню, как дивизию нашу окружили... да и сколько той дивизии — в полку сто тридцать нас! Тут уж на свою да на товарища на совесть полагайся, иначе тебе конец. Что по совести, то и правильно.

— Да ведь бывает, отец, у разных людей совесть разное говорит, — возразил Алька. — И люди-то оба неплохие, а никак им друг с другом

не сговориться. Это ведь только выжигам да гадам разным легко: тебе сорок процентов, мне шестьдесят, и пошли грабить, и больше проблем никаких...

— Вот это брось, — строго сказал старик, — вот это ты брось. Люди разные, когда про пустяки спорят — про футбол или там какой подарок лучше сделать. А кто в главном разный, тот мне не человек.

Как же все просто у него, подумал Алька. По сути, хотя симпатичный старик и не подозревает об этом, за последней его фразой так отчетливо и так жутко просматриваются кастовые уровни Зарриана. Самое страшное, что такие симпатичные люди никогда не подозревают об этом. Им кажется, что, произнося «тот мне не человек», они осуждают, дурные взгляды и дурные поступки. Но скольких по-настоящему дурных людей успеет осудить сознательно — не из окопа, не из танка, но видя лицо и пожимая руку, — этот простодушный землянин? Пятерых? Десятерых? В куда большем масштабе эта простота эксплуатируется сильными мира, которые говорят в борьбе за собственную власть: «Тот, кто выглядит или думает не так, как мы с вами, — не человек. Убейте его!» Этому старику просто повезло, что в его стране никогда не звучал и никогда уже не прозвучит такой призыв. Но в других местах другие симпатичные старики и симпатичные юноши верят и, отложив удочки и коробки с мотылем, берут шмайсеры; и тот, кто дал им шмайсеры — или катонные деструкторы, все равно, — с помпой объявляет их высшей кастой, кастой Покооряющих. Пресветлый Бог Звезд, да как же можно не понимать, что среди людей не людей нет?!

— Так ведь и вы ему не человек, — произнес Алька. — Кто же прав? Драться вам, что ли?

— Можно и подраться, — пожал плечами и выпятил грудь старик. — Нас дракой не испугаешь, молодой человек... А вообще-то дело покажет. Еще до драки.

— Дело... Что такое дело? Дело делу рознь, отец... Сказка есть про это красивая. Хотите, расскажу?

— Валий, — охотно разрешил старикан, тут же опять начиная улыбаться. — Авось внучатам пригодится...

Алька помедлил. Автобус ехал сквозь морозную ночь.

— Много подвигов одержал великий Шоцах во славу Бога Звезд и Богини Пустоты, и когда вера его, и рвение, и доблести, и победы достигли высот, предельных для смертного, Пресветлый Бог пришел к нему и сказал: «Двадцать два года и два месяца ты утверждал господство мое в сердцах и умах огнем и мечом, лаской и убеждением, лестью и подкупом и преуспел. Ныне желаю даровать тебе силу власти над живой и мертвой природой, так, чтобы поприще твое не прервалось, а душа осталась горда». — «Но, Пресветлый Бог, — спросил Шоцах, — получив столь великую силу власти, обрету ли власть над самим собою? Скажу воде: стань тверда — и станет тверда; скажу женщине: возлюби — и возлюбит. Но скажу себе: стань духом тверд, и стану ли? Скажу себе: возлюби, и возлюблю ли?» Глубоко опечалился Бог Звезд и ответил: «Две стихии есть для каждого из смертных: он сам и то, что окружает его, и стихии те равновесны. Выбирай». — «Тогда, Пресветлый, дай мне силу власти над самим собой, — сказал Шоцах. — Ибо иначе может случиться, что, став средоточием власти, останусь слабым, и, став средоточием

любви, останусь холодным, и, став средоточием ненависти, останусь мягким, и так потеряю все, ничего не получив. Научившись же властвовать собой, смогу снискать и власть, и любовь, и сполна употреблять их во славу твою, ибо навсегда уничтожу разлад ума и сердца». — «Гордыня твоя чрезмерна! — воскликнул Бог Звезд. — Страшный дар ты просишь у меня, ничтожный! Ибо ум твой ограничен, но сердце неисчерпаемо, и не дано тебе знать, кто из них прав в миг разлада». — «Не о правоте пекусь, но о правильности действий в битве», — сказал Шоцах. «Хорошо, — сказал Бог Звезд. — Но не благодари меня, ибо не ведаю я сам, награждаю ли тебя, или караю. Знай лишь, что это навсегда и что больше ты не увидишь моего лица».

Выражение заинтересованности уже давно пропало с лица старика, и когда рассказ кончился, попутчик явно не знал, что ответить на эту легенду, когда-то бывшую канонической на Зарриане, а затем оказавшуюся под строгим запретом имперской идеологии.

— Ласкино! — крикнул шофер, высовываясь из кабины. Кряхтя и не глядя на Альку, старик поднялся и, сильно прихрамывая, двинулся к двери, придерживаясь одной рукой за спинки сидений, чтобы не потерять равновесия в тормозящем, вырывающемся к остановке автобусе. В свободной руке он тащил две коробки, перевязанные магазинными подарочными лентами: одну — с куклой, другую — с игрушечным автоматом. Двери с натугой, лязгая сочленениями, раскрылись, и старик неловко выбрался наружу.

Как все просто у него, вновь подумал Алька. Раньше и у меня было так... Что же случилось?

Миллионы факторов. Миллиарды случайностей, которые в принципе не поддаются учету и осмыслению. И коль скоро мы знаем об этом, жесткие схемы типа «если в такой-то ситуации происходит то-то, надлежит действовать так-то» явно становятся непригодными. Мы уже выросли до осознания факта неизбежности неполного понимания того, что именно происходит. Значит, нас неверно учили. Не вдалбливать стереотипы подходов и решений нужно, но прививать ценностные системы, критерии, по которым каждый будет придумывать конкретные правила для данной ситуации, — специально для себя, но оптимально для всех. Воспитание совести.

По каким правилам я вернулся к бабке, снова спросил себя Алька. Что мне до нее? Любой лицеист меня бы засмеял... Да что засмеял! Я был бы обвинен в преступной доброте действием! А ведь я не мог не вернуться.

И сразу получил награду, вспомнил он. Юлин звонок.

Сколько же надо было пройти, как перемениться, чтобы полюбить женщину, вообще не входящую ни в одну из каст!.. Фактически — уже сейчас предназначенную для медицинских лабораторий и химических комбинатов Янзаг-цхи...

Но когда Алька осознал, что через несколько лет нежная и веселая девочка Юля окажется там — из дезертира он стал врагом Империи.

Я предал, думал Алька. Предал. И эти слова доставляли ему какое-то странное удовлетворение, дерзкую гордость. Он чувствовал, что поступает правильно. И ему не было стыдно.

Уничтожить бот, раз. Создать убедительные доказательства собственной гибели при аварии, два. Сегодня же ночью напечатать решение проблемы Аркадьеву. В ближайшую неделю стимулировать еще несколько перспективных исследований. Выявить и взять под наблюдение того агента, которого Зарриан пришлет на смену. Опекать Аркадьева и других, одновременно через нового агента дезинформировав Зарриан об отсутствии важных открытий. Обеспечить беспрепятственное развитие катанной техники.

Хорошо, что отец не узнает...

И главное. Чтобы эта планета никогда не уподобилась Зарриану. Непонятно, почему Зарриан избрал роковой путь. Странно, как они не поняли: разделившись силовыми барьерами, расколов себя на своих и чужих, они неимоверно, непредставимо ослабили себя. И обеднили. Почему это так долго казалось мне естественным, в который раз спрашивал себя Алька. Единственно правильным? Почему это кажется правильным всем на Зарриане? Неужели я один такой урод? Неужели никто не видит того, что вижу я? Ведь на самом деле я так ничего и не знаю наверняка. Может быть, путь Зарриана — это действительно единственный путь, единственно эффективный способ организации общества, достигшего определенного хозяйственного уровня. Может, Земле еще предстоит повторить путь Зарриана. Но я не хочу, чтобы было так. Я хочу очень многого. Например, я хочу, чтобы и на Зарриане перестало быть так. Забавно. Вселенская империя, распластавшаяся по двум сотням звездных систем, и планетка, еще не могущая разобратся со своими цыплячьими, варварскими проблемками... Едва преодолевающая раскол. Едва вылупляющаяся из невежества. Но она вылупляется правильным путем. Я чувствую и поэтому знаю: этот путь правильный. Надо только дать ей идти этим путем, защитить от тех, кто по случайности чуть раньше начал и оттого оказался чуть сильнее...

Он вышел из автобуса и, глубоко проваливаясь в снег, напрямик, оставляя деревеньку далеко в стороне, пошел к озеру.

Только страшно, что один. Ведь они, земляне эти, не помогут. Долго-долго ты будешь один видеть то, что делается над небом, думал Алька, и отвечать за все... Страшно, что один. Я не привык быть один, я привык, что за мною — сила. Могущественнейшая в этой части Галактики.

Солдат без соратников — бред. Юлька... Жека...

Один.

Он вышел на берег и первым делом выстрелил «пищалку» на середину озера. Ботинки были полны снега. Взрывной волны почти не будет, прикинул Алька, но лучше стрелять с упора, прикрывшись хотя бы пнем, — промахов допустить нельзя.

Один. Ну у кого не спросишь совета, не заглянешь в устав.

Чертовски нервы разгулялись, кулаками хотелось драться, чтобы... чтобы... Он не знал, чтобы что. Чтобы уже кончить, а не начинать. Совершить подвиг, победно звеня голосом, отрапортовать и пойти в наградной отпуск, не думая ни о чем до следующего задания. Отпуска не будет, сказал себе Алька. Никогда не будет.

Он присел у пня, распаковал сумку и настроил деструктор. Он старался работать спокойно, будто и впрямь предстояло обычное стрелко-

вое упражнение. Он старался больше не думать. Лег на живот, положил на торчащий из снега узловатый корень короткий ствол, который так по-дозрительно круглился в сумке, поводил стволом из стороны в сторону. Хорошо. Удобно. Оставалось еще минут двенадцать с небольшим — пеленг уже засеки, бот сошел с орбиты и пикирует на «писк», не подозревая, что его наводят на лед озера и первый же залп с берега, направленный в реактор, расплавит этот лед... Алька положил палец на теплый стартёр деструктора, потом поспешно снял. Нестерпимо хотелось нажать. Ото рта валил пар, ясно видимый в свете неистово пылающей луны и крупных морозных звезд. На разлапистых ветвях сосен, нависших над Алькой, громоздились смутно мерцающие груды снега. Юля, подумал Алька на пробу, но ничего не почувствовал. Было холодно и страшно. Он попытался отыскать среди звезд ту, единственную — мешали деревья. Он стал вспоминать многокилометровые глыбы зданий, напластованных одно на другое, рассеченных на кастовые уровни силовыми полями, он стал вспоминать свою комнату дома и свою комнату в лицее... И опять ничего не почувствовал. Везде чужой, подумал он. Его бил озноб. Он подышал на пальцы правой руки, опять поводил коротким толстым стволом, прогоняя фокус залпа от левого берега до правого и обратно.

Надежная позиция.

Как тебе объявлял благодарность за отличную стрельбу сам директор лица Хашатхи Рцхацх, ну-ка вспомни...

Отец, мысленно сказал Алька. Не сердись. Ты сам учил меня быть верным долгу. Честным и храбрым до конца. Наверное, меня все-таки растопчут, ты знаешь... Но даже и тогда я хочу погибнуть с честью, это главное право Покоряющего. Право — у предателя, говоришь ты... Знаешь... Да. Это мое право. А еще больше я хочу победить. Мы изуродовали себя. Если бы ты знал, как нестерпимо стыдно мне стало, когда я понял, что всемогущий Зарриан может многому научиться у этих малышей... Стыдно! А твои соратники уничтожат все это, разрушат. И за них мне тоже стыдно. Защитить Землю — мой долг. Ты ведь помнишь? Ты так любил повторять мне эти слова: «Долг есть абсолютная реальность, воплощающая высшие интересы Зарриана и заданная приказами командования и конкретной обстановкой». Высшие интересы, не сиюминутные, отец, не интересы одной лишь касты! Конкретной обстановкой, отец! Своеобразие ее знаю сейчас лишь я. И значит, мне решать. Я никогда...

От внезапно хлестнувшего ощущения близости другого существа волосы встали дыбом. Землянин не мог подкрасться!.. Теряя дыхание, Алька вскочил, вздергивая деструктор, но чья-то рука перехватила ствол.

Солдатский рефлекс сработал, как механизм. Короткая тень в странно родном мундире, сдавленно ахнув, отлетела в сторону; надо было добить врага, проникшего почти через все дежурные слои сенсорной защиты, но тот же самый рефлекс заставил Альку выронить оружие и, прицелкнув каблуками, замереть с прижатыми к бедрам ладонями, со слегка растопыренными локтями, ибо перед ним с трудом распрямлялся, приставывая, сам Хашатхи.

— Неплохо, мальчик, неплохо, — сказал Хашатхи Рцхацх, и звуки родного языка прозвучали как издевательство. В груди Альки сладко и безнадежно заныло. — Ждешь?

— Так точно, наставник.

— Вольно. Встань, как землянин. Ты ведь решил стать землянином... Неужели ты надеялся справиться с ботом в одиночку?

— Так точно, наставник.

— Каким же это образом, позволь осведомиться?

Последовал короткий, стремительный экзамен. Алька отвечал, вновь превратившись из человека в лицеиста, и ничего не понимал.

— Блестяще, — удовлетворенно констатировал Хашатхи, переставая тереть ушибленное плечо и засовывая руки глубоко в карманы кителя. — Клянусь Шоцахом, жаль терять тебя. Тебе была бы обеспечена блестящая карьера, ты достойно продолжил бы свой древний и славный род... Или тебя уже не волнуют эти вещи?

— Разрешите вопрос, наставник, — отчаянно произнес Алька.

— Спрашивай, Тапцехк.

— Что все это значит?

Хашатхи помедлил.

— Видишь ли... — проговорил он задумчиво. От рта его тоже отлетел фосфоресцирующий парок и медленно возносился к светлым заснеженным ветвям, к пронзительно звездному черному небу. — Видишь ли... Мы встретили восемь разумных рас. Ни одна из них не может сравниться с нами. Кто знает, почему нам так одиноко... Но нам очень одиноко, мальчик. Очень. Ты знаешь, сколько сил и жертв потребовала Экспансия, когда мы шли напролом, увлеченные новизной открывшегося мира и собственным героизмом. Это вынудило нас создать жесткую систему организации, такую, какая и не снилась здешним диктаторам и которая не слишком-то нравится нам самим подчас... которую тоже нужно преодолеть, и Его Величество прекрасно понимает это, — он помолчал. — Твоя Земля... наиболее близка нам. Но она отстала лет на сто, может быть, даже больше. Нам срочно нужно поднять ее до себя, иначе мы захлебнемся в себе, в самих себе... Поднять так, чтобы Земля не почувствовала никакого вмешательства. Человечество Земли должны двигать в будущее гении Земли. Но их так мало. Ты понимаешь? Ты можешь стать еще одним гением Земли. Правда, и дома, на Зарриане, среди своих, ты смог бы добиться не менее почетной и более родной тебе, как я надеюсь, стези... Хотя, я вижу, ты уже отождествил себя с этой планеткой?..

— Так точно, наставник, — с усилием произнес Алька.

Хашатхи помедлил снова.

— Ну вот, — сказал он печально. — Жаль, конечно. Тогда не пытайся вернуться на Зарриан. Ты простился с ним, — он вздохнул. — Все это комедия, мальчик. Большинство продолжают слать смехотворные донесения... становятся преподавателями в лицеях, готовят новых агентов для продолжения игры. Но единицы — такие, как ты, — предают Зарриан. По высшей воле Зарриана.

Алька облизнул пересохшие губы. Ноги его странно обмякли.

— Теперь я уйду, — сказал Хашатхи. — А ты останешься. Ты умрешь для Зарриана. Помни, никто не должен знать. Даже если ты доживешь до установления контактов между Заррианом и этой планетой, — даже тогда ты должен будешь остаться землянином. Земля никогда не должна почувствовать унижения и неполноценности. И я в последний раз спраши-

ваю тебя: ты готов к этому? Ты не пожалеешь? Нам было бы жаль терять тебя. Дома тебя ждут... У тебя нашлись бы там дела тебе по плечу...

Но Алька уже очнулся, все в нем пело.

— Разрешите мне остаться и работать здесь, наставник, — чуть хрипло произнес он.

Хашатхи скорбно улыбнулся.

— Ты выбрал свой путь.

— Да здравствует Его Величество! — крикнул Алька во всю силу легких.

— Да здравствует Его Величество, — сдержанно отозвался Хашатхи и исчез.

...Наставник Солнечной Системы, личный посланец Его Величества императора выключил куклу Хашатхи. Опустился барьер защиты, смутное радужное мельтешение затуманило очертания замершей в нише фигуры, а потом, разгораясь, закрыло ее дрожащей пленкой. В углах огромного многогранного кабинета уютно замерцали холодные блики.

Медленно подошел наместник к столу. Его Светлость был опечален. Столь не желал он измены юнца, что послал к нему куклу директора лица, в котором воспитывался Тапцехк. На свой риск наместник дал Тапцехку последнюю возможность одуматься. Но это произошло, это стало фактом борьбы: потомок одного из благороднейших родов Империи, сын доброго друга наместника, о гибели которого Его Светлость скорбел до сих пор, сделался изменником. Уже триста шестьдесят пятым на этой планете.

Инструкция предписывала по истечении пятого года работы агента посылать ему сигнал об отзыве. Если агент каким-либо образом демонстрировал нежелание подчиниться или иным способом показывал свою нелояльность Империи, ему стирали часть памяти. Преступник забывал о Зарриане и становился обыкновенным аборигеном, терялся среди обыкновенных аборигенов... И когда наступит пора вторжения, никто уже не вспомнит о нем и не отличит от аборигенов, и вместе с другим сырьем он отправится в Янзаг-цхи. Но Его Светлость тайне благоволил этому действительно одаренному мальчику и попробовал ему помочь, в последний раз позвал назад, ничем, впрочем, не грозя, — лишь позвал. Тщетно. Что же, закон беспощаден.

Но почему, почему, с болью и негодованием спрашивал себя Его Светлость, среди тех, кто отказывается от Зарриана, всегда те, кто лучше, честнее и талантливее других?

На пульте зажегся сигнал.

Это знаило, что на маленьком следящем спутнике в двухстах тысячах километров от Земли и в сорока семи миллиардах километров от Базы наместничества два оператора из касты Производящих привели в действие излучатель, дистанционно разрушающий определенные сектора памяти. Наместник знал: операторы всегда делают это с удовольствием. Низведение доселе богоподобного Покоряющего до уровня грязного аборигена было для них редкой радостью, подарком судьбы.

Его Светлость опустил пальцы на биоконтакты прямой связи и начал составлять донесение Его Величеству.

Его Величество получил донесение сразу после второго завтрака. Семь тысяч пятьсот сорок третий, подумал он с легкой досадой. Процент

отсева не слишком большой, но ожидалось, что он будет еще меньше. Что же. Тем более оправдан этот блистательный фарс. Один добряк страшнее эскадры вражеских крейсеров.

Всю молодежь высших каст мы проведем через это сито, думал Его Величество, медленно идя по упругому силовому ковру, парящему высоко над замершим ледяным вихрем. Огромные звездчатые радуги пульсировали и медленно вращались по сторонам, давая отдых усталым глазам и усталой душе. Мы очистимся, думал Его Величество, мы очистимся, наконец. Все мальчуганы рвутся в разведчики, все они пройдут через эту, самую тяжелую, школу верности, которую ничто не способно заменить.

А когда окончится этот спектакль, этот тончайший тест, Зарриан воистину станет единым, готовым к новой Волне Экспансии. Разом мы захватим планетки, служившие декорациями для этого испытания, и тогда... Перед мысленным взором Его Величества предстала карта Галактики. Туда, в третьем рукаве и далее, развивая успех к Магеллановым Облакам, нанесем мы всеограшающий удар.

...Два оператора на следящем спутнике, скорчившиеся в тесной рубке, смотрели друг другу в глаза, боясь дышать. На пульте сработал индикатор.

Его Светлость подтвердил получение их сигнала.

— Пятнадцать лет! — хрипло выдохнул один из операторов. — Пятнадцать лет Фронт ждал этого момента!.. Пресветлый Бог Звезд! — он захлебнулся от возбуждения и восторга. — Сколько наших погибло, чтобы мы тут смогли наконец оставить память одному из нас...

— Он не из нас, — хмуро сказал второй. — Он из Покоряющих. Я их и в глаза-то никогда не видел. Плохо я верю все-таки, чтобы такой мог дело сделать как следует. Они же так: сегодня одно, а завтра другое, все им забава...

— Ты-то почему знаешь, коли не видел их в глаза?

— Конечно, — буркнул второй, угрюмо помотав головой, — кроме них, на планеты и не пускают никого...

— Пора, — сказал первый. — Сколько надо, выждали. Датчик мы обманули, но до регистрограмм не добраться. В ближайшие дни будет инспекция, а на лентах все видно, что парень остался во всеоружии. Так что давай прощаться. Все будет выглядеть, как случайная авария реактора, никто не докопается. И вскоре эта планета... забыл, как ее... станет контрсиллой, равной Зарриану. И поможет повалить проклятую тиранию. И тогда...

— Да что ж ты, товарищ, — пробормотал второй. — Или я не знаю, на что шел? Не мы первые погибнем ради великого дела... и не мы последние, наверно. Мне обидно только, что этот белоручка, аристократиска этот — не из наших.

— Дело покажет, — отрезал первый, — из чьих.

— Дело... Дело делу рознь. Он и не узнает никогда, как нас звали и что были, мол, такие...

— Разве это важно? — спросил первый, а потом усмехнулся, протягивая правую руку к биоконтакту, а левой обнимая напарника за плечи. — Может быть, узнает. Когда-нибудь.

Они ничего не успели почувствовать. Маленький спутник распался мгновенно и тихо; несколько секунд облако, которым он стал, светилось слабым голубоватым светом, потом погасло.

...Когда первая радость схлынула, Алька, все еще улыбаясь до ушей, старательно разобрал деструктор и упаковал его в свою сумку. Все вдруг так чудесно переменилось... Значит, так, думал Алька, нашептывать решение Аркадьеву, раз, выявить того, кого пришлют мне на смену, два. При чем так надо сделать, чтобы помочь и тому парню все понять. Гений — хорошо, а два — лучше. Вот здорово, даже внешность не придется менять! Можно вернуться к бабке, можно любить Юлю!.. Вот это работа!!

Чуть напрягшись, он воскресил пространственное ощущение спальни в квартире Аркадьева. Телепортация была мгновенной и неосязаемой. Физик спокойно посапывал; положив голову ему на плечо, совсем беззвучно спала его жена. От их беззащитности у Альки, неподвижно висящего под потолком над ними, перехватило горло. Он улыбнулся и начал.

Через несколько часов, Алька знал это твердо, Аркадьев проснется от смутных и ярких видений, замрет на несколько секунд, еще не веря себе, а потом, пугая домашних, закричит: «Так вот же в чем загвоздка!»

Тихо, тихо, для Земли и для Зарриана...

Видишь, сказал себе Алька. Ты чувствовал, что поступаешь правильно, так и оказалось. Главное — слушаться совести. Тогда все будет хорошо.

Борис Романовский

ПАРЕНЬ ИЗ ПОСЛЕЗАВТРА

РАССКАЗ

Когда подошел незнакомец, Джон Фицджеральд сидел под навесом дома, на диване из синтетической кожи, снятом с фордовского «Континентя».

Дела были из рук вон плохи. Старый Фицджеральд только что разругался с сыновьями из-за фермы и сейчас курил огрызок самой дрянной сигары, какую только можно найти в этом проклятом штате. Поэтому, когда незнакомец в костюме долларов за двести весело крикнул: «Хелло, старина! Как дела?» — фермер сплюнул горькую табачную слюну ему под ноги и озлобленно рявкнул:

— Какого черта каждый подонок лезет на мою землю? Чего тебе здесь надо?

Старина Фицджеральд кривил душой: земля была не совсем его собственностью. Она была заложена и перезаложена. Ему грозило выселение и аукцион. Из-за этого он и разругался со своими ребятами. Чертовы парни собрались удрать в Чикаго или в Даллас, они не хотели больше иметь дело с землей. Это Фицджеральды-то!

А тут еще вертятся всякие «комми»*.

* «К о м м и» (амер.) — сокращенно от коммивояжер.

— Что тебе здесь надо? — повторил Джон. — Я ничего не покупаю и не продаю!

Незнакомец внимательно оглядел пятидесятилетнего, уже седого и морщинистого мужчину и спокойно сказал:

— Я тоже. Так что закрой рот.

На пороге, привлеченные криками отца, появились сыновья, Исаак и Марк (Фицджеральд был верующим и посещал церковь преподобного Айка Хоггарта в Стенджипе). «Здоровые парни, — подумал старик, — жалко отпускать их в Чикаго».

— Ребята, — сказал он вслух. — Последнюю тонну бракованной жевательной резинки нам продал не этот ли хлыщ? — это была традиционная шутка. Иногда она кончалась плохо.

— погоди, отец, — лениво сказал старший, Исаак. — Не шуми! Вы к кому-нибудь из нас, приятель?

— Да, — ответил незнакомец. Лицо его было серьезно и благожелательно. — Я ко всем вам.

— Зачем? — спросил Исаак, не трогаясь с места.

— Может быть, мне предложат сесть? — человек уклонился от ответа. — Я пришел издалека!

Исаак кивнул головой. Это могло быть и приглашением. Во всяком случае незнакомец счел это приглашением.

Он сел рядом со стариком. Теперь все трое выжидающе смотрели на него.

— Слушайте, парни, — волнуясь, начал незнакомец, — я вам дальний родственник. Моя фамилия Фицджеральд... Мое полное имя Бенджамин Фицджеральд. Можете называть меня просто Бен... Я пришел к вам познакомиться издалека.

— Из Канады, — догадался Джон. — Ребята, я же вам говорил, что мой дед...

— Нет, — ответил тот, — я, как бы это сказать, чтобы не испугать вас... Я из будущего.

На лицах слушателей не промелькнуло и тени удивления. Они были напряжены и, казалось, одеревенели.

— Из будущего, — повторил незнакомец, — из две тысячи сто семьдесят третьего года.

Исаак медленно повернулся и ушел в дом. Вернулся он с дувстволкой.

— Обыщи его, Марк, — сказал он, — только не бей. Похоже, парень из банды Тонни-морковки.

Марк проворно обыскал пришельца.

Под навес полетел носовой платок, какие-то пуговицы и коробочки, величиной с записную книжку. На обеих сторонах коробочки были вмонтированы какие-то шкалы.

— Что это? — спросил Исаак.

— Карманная сельскохозяйственная энциклопедия и записная книжка.

— Магнитофон?

— Что-то вроде.

— Я говорил, что он из банды, — сумрачно повторил Исаак. — Выкладывай, что тебе надо?

— Убери ружье, Исаак, — сказал Бенжамен, — я действительно из будущего, и я докажу это. А пока сядем и поговорим. Принесите воды — я хочу пить!

В полном молчании он напился и поставил кружку на сиденье рядом с собой.

— Я прикатил на машине, — продолжал он. — На машине времени. Уже не в первый раз я добираюсь до вашего мира...

— Что-то я ни разу не видел людей из будущего в этих местах, — сказал старик.

— Появление среди людей другого времени запрещено и жестоко наказывается, — быстро парировал Бен. — Да и отправиться в такое путешествие может очень узкий круг лиц.

Исаак, наиболее живой из всех Фицджеральдов, решил поддержать этот розыгрыш.

— Ну, и за какие заслуги тебе предоставлено право на путешествия? Ты что, большая шишка? — спросил он невинно.

Незнакомец не заметил иронии.

— Как тебе сказать! — Бен схватил руками колено. — Я директор научно-исследовательского института биогенетики. Последнее время много работал. Мы завершили крупное исследование по генетике рудных растений.

— Рудных?

— Да. Ну, как тебе сказать. Слишком глубокими стали шахты и другие трудности. Вот мы и сажаем деревья, кусты и травы, которые поглощают из почвы металл. Такие растения иногда на шестьдесят процентов состоят, например, из железа или там из никеля. Каждое растение на один вид металла. Сажают их на отвалах старых рудников. Как правило.

— Занятно врет! — широко ухмыляясь, сказал Марк.

— Заткнись! — старый Фиц увлекся. — И на одном месте у вас, наверное, севооборот! Сначала железо, потом медь, уран или еще чего-нибудь?

— Правильно, — Бен обернулся к парням. — Ваш предок смыслит кое-что в своем деле. Да все Фицджеральды, в общем, такие. Мой прапрапрадед прославился тем, что вывел для удобства очистки кубическую картошку. А в его времена это было достаточно сложно.

— Для удобства очистки? — удивленно повторил Исаак и густо покраснел. Ему стало неловко, что он попался на удочку. — Ну, ты...

— А как же тебя отпустили путешествовать? — перебил его отец.

— Очень устал. Много пришлось работать. И главное, я перегнул при работе с возбудителем мозга, — ответил незнакомец. — Все время за линией допустимых режимов. Здесь и началось... — он показал на голову. Лицо его исказилось.

— Так тебя положили в желтый домик? — Марк даже присвистнул. Незнакомец смотрел непонимающими глазами.

— В психиатрическую клинику, я хотел сказать!

— Не совсем. Психиатры направили меня сюда. Дали машину времени. Разрешили изредка возвращаться... Компьютер-диагност нашел, видите ли, что состояние постоянной опасности может вызвать оздоровительную реакцию.

— Так тебе надо бы в леса Амазонки, — сказал старик, — поохотиться на аллигаторов.

— Ну, люди вашего времени не хуже аллигаторов, — Бенжамен захохотал, и его смех звучал теперь довольно жутко. — Я позанимался немного английским — век двадцатый, и вот уже две недели я здесь.

— Складно, — резюмировал Исаак. — Значит, ты шизик?

Бенжамен не удостоил его ответом. Может быть, он не понял. Или не хотел понять.

— Послушай, старик, — продолжал он, — я заметил, что ферма не очень в порядке. У вас что, затруднения?

— Эх, парень! — Джон Фицджеральд махнул рукой. — Против больших ферм с машинами невозможно бороться с нашим тракторишкой в двадцать сил и прочим старьем. Видно, ребята правы, надо подаваться в город!

Все замолчали.

— Вот что, — прервал молчание Бен, — подождите пару дней. Я постараюсь вам помочь.

— Что, хочешь дать нам денег? Или помочь новыми машинами? — встрепнулся Джон.

— Н-нет. Другим способом!

— Ты же видишь, отец, он тебя дурачит! — возмутился Исаак. — Ну-ка, ты обещал доказать, что ты из будущего.

Бен задумчиво посмотрел на Исаака.

— Пошли! — сказал он и поднялся.

— Пошли, — Исаак взял двустолку. — И не думай удрать!

Все вышли за калитку.

У забора стояла небольшая открытая машина, похожая на какой-то европейский автомобиль без колес. Незнакомец сел в него. Исаак поднял ружье.

И тут машины не стало. Ни машины, ни седока.

Они не растаяли в воздухе, не поднялись в небо в пламени. Они просто тихо пропали.

Фицджеральды тупо смотрели на место, где только что был человек. Человек и машина. Они стояли минут пятнадцать, Исаак даже прошел по этому месту и постучал для уверенности сапогом по мягкой весенней земле.

Ничего не было.

Старина Фиц первым подал голос. Он кашлянул и произнес:

— Исаак! Возьми деньги, — он протянул ему синенькую бумажку, — и купи виски. Побольше!

Утром, как водится, у всех троих болели головы. Для порядка они делали вид, что прибирают двор. Им хотелось поговорить, но они как-то не решались начать.

Посылку обнаружил отец: он пошел покурить на свое место, под навес, и увидел на атомобильном диване мешок и коробку. Лежали себе просто так большой мешок из какого-то желтого пластика и синтетическая желтая коробка. В коробке были насыпаны семена, похожие на кофейные зерна. Сверху лежало письмо:

«Здравствуйте, дорогие предки. Семена сажать на расстоянии восемь — десять метров друг от друга на глубину пять сантиметров. В

каждую ямку класть полстакана ускорителя роста из мешка. Потом засыпать землей. Поливать каждый день — по десять литров на побег. Удобрять, как яблони, только доза вдвое больше. Доить начинать через два месяца и три дня. Желаю удачи. Ваш Бенжамен Фицджеральд».

В отношении дойки сказано было неясно, но посадку произвели, не вступая друг с другом ни в какие разговоры, кроме деловых.

Через неделю все сто пятьдесят семян дали большие, в двадцать сантиметров, ростки. Зеленая ножка, четыре зеленых листа и темно-красная бархатистая почка посреди листьев.

Воду растения пили с удивительной жадностью. После того как около каждого ростка выливали ведро, лужица воды исчезала за пять минут. Но побеги платили за работу удивительным ростом. Через полмесяца это уже были деревья толщиной двенадцать — пятнадцать сантиметров с пятиметровой плоской, как бы срезанной кроной, а почка имела диаметр примерно два метра. Еще полмесяца деревья росли вширь, но больше всего развивались крона и почка.

К концу месяца через листву свесились вниз странные кожистые соцветия. Через два дня они отцвели, и остались висеть белесые длинные колбаски с дырочками на концах.

К этому времени весь участок был обнесен высоким плотным забором, так как стало приезжать много любопытных. Деревья росли слишком быстро, и это удивляло соседних фермеров.

Это случилось на тридцать шестой день. Кончились удобрения, и отец с Исааком поехали в город, чтобы пополнить запас. Марк остался поливать деревья и сторожить плантацию от любопытных. Одному ему было тяжело управляться, и поливка шла медленнее обычного. Внезапно он услышал громкое, очень громкое мычание с дальнего конца участка. Сначала ревели одна корова, потом заревела вторая, и пошло, и пошло — как будто на плантацию ворвалось стадо. Марк схватился за жердь и бросился туда, откуда раздавался рев. Теперь мычание слышалось над самой головой. Он оперся рукой о ствол дерева. Ствол вибрировал, как будто мычало дерево.

Это было непонятно и страшно. Однако Марк нашел в себе силы принести садовую лестницу, приставить ее к деревцу и пролезть через листву к вершине.

Великий боже! Они давно не заглядывали на «главную почку», как они ее называли. Все ожидали плодов. А почка выросла в подобие коровы. Огромной, жирной, мясистой коровы без задних ног. Ее нижняя часть переходила прямо в ствол дерева. Из брюха коровы, если можно так назвать это животное или дерево, свешивались два вымени с десятью сосками. Передние ноги не имели копыт и вообще выглядели как массивные короткие культя. Но голова, голова была настоящая, коровья. Она оглушительно мычала, был виден даже язык, а в глазах, близоруких и каких-то незрячих, было страдание.

Марк кубарем скатился вниз. «Чего они мычат? — с тоской подумал он. — Чего они вдруг замычали?» Необычайная ситуация совершенно выбила его из колеи. «Может, они хотят жрать? Но кругом листва. Пить? Господи, конечно, пить!» — Он побежал за ведром, совершенно забыв, что поливка у них механизирована и что можно подогнать трактор с цистерной.

Он набрал из колонки воды и лихорадочно бросился к тому же дереву. Вылил воду. Постоял и снова полез по лестнице к вершине. Корова молчала.

Тогда он вспомнил о тракторе.

Никогда он не выполнял привычную работу с такой панической скоростью. Когда замолчало последнее дерево, он был близок к обмороку. Остановив трактор, совершенно обессилевший Марк добрался до дивана под навесом и выкурил подряд три сигареты. Вкуса двух первых он не заметил.

Потом он вошел в дом и взял двустолку. Ни сидеть дома, ни идти в сад он не мог. Парень впервые почувствовал ужас одиночества.

К вечеру приехали старик с братом, и стало не так страшно. Вот как они узнали одну из тайн будущего.

Довольно быстро Фицджеральды привыкли к новому положению вещей.

Джону даже нравилось залезать по лестнице и гладить теплое коровье брюхо. Всю жизнь он мечтал о молочной ферме, заявил старик. А что может быть лучше таких смиренных животных. «Они не лезут на соседний участок, — как-то в другой раз сказал он. — И не жуют только что стиранных рубашек».

Исаак сгонял в город, взял напрокат элетродоилку, бидоны и договорился с одной фирмой о продаже молока. Теперь каждое утро приезжал молоковоз и забирал молоко. Шофер просил показать коров: молоко имело жирность двадцать три процента. Но от него отмахнулись...

За молоко платили вдвое, и Фицджеральды не хотели терять заработка.

Тем более что они уже выплатили большую часть долгов.

Несчастье выслало своего первого гонца в виде жалкого журналиста жалкой местной сельскохозяйственной газеты. Этот тип приехал на «фордике» довоенного образца, и, казалось, даже от машины несло устойчивым запахом винного перегара.

Тип хотел во что бы то ни стало сфотографировать коров и написать статью. Он вообще был готов на все за сто монет.

Старик приказал сыновьям выкинуть его.

На следующий день приехали пятеро. Трое лезли через забор, но Исаак распугал их выстрелами. Тогда тот хорек, что приехал первым, придумал хитрость.

Через два дня он появился на грузовике с поднимающейся платформой. Исаак видел такие в городе: с них чинят троллейбусные линии. Тип забрался на площадку, и шофер поднял его на высоту пятнадцати метров. Стрелять в него было нельзя: он не лез на чужую землю, но сделал столько снимков, сколько хотел. В бессильной злобе смотрели Фицджеральды, как он устанавливает на фотоаппарате различные выдержки. Вот тогда все и началось.

На снимки, которые облетели всю страну, первыми отреагировали старухи из «Общества защиты животных» и разных религиозных объединений. Размахивая газетами и какими-то бумажками, они пытались ворваться на плантацию.

Фермеры еле отбились от полоумных фурий — стрелять по старухам было опасно.

Затем пожаловал преподобный Айк Хоггарт со своими кисло-сладкими речами. Компания устроилась под навесом. Выпили по стакану виски с содовой (подавать пастырю виски без содовой было неприлично) и проводили преподобного восвояси.

После этого на ферму зачастил почтальон. Он приносил вороха писем с угрозами и увещаниями. В письмах требовали, чтобы они вспомнили о боге и забыли о дарвинизме, о котором Фицджеральды никогда в жизни не слышали. На десятый день у самого их дома на холме запылал крест.

Это был конец.

Они появились как всегда ночью. На два предупредительных выстрела из дробовика ответило несколько десятков револьверных выстрелов и дикий вой сотен глоток.

Над забором показались белые балахоны куклуксклановцев, и вскоре модные штиблеты топтали плантацию. Свет автомобильных фар осветил участок.

Фицджеральды были уже связаны и лежали под навесом. У Исаака шла кровь: ему пробili голову, когда отнимали двустволку.

Внезапно суматоха несколько стихла. Белые колпаки смотрели черными прорезями в одну сторону. Там, в свете фар, появились новые члены клана в более темных шелковых балахонах.

— Это — Великий Дракон штата, — хриплым шепотом сообщил старик.

Великий Дракон вместе со свитой вышли на более освещенное место.

— Братья! — вдруг закричал он зычным голосом, и Фицджеральды узнали голос шерифа. — Братья, уничтожим это гнездо коммунистов-дарвинистов, которые хотят превратить всех добрых американцев в «красных»! Во имя бога и Америки срубим эти дьявольские деревья! Рубите, братья! — Крик перерос в истошный вопль.

Как по команде, в руках братьев заблестели топоры. Рев ночных гостей смешался с ревом коров.

Началась порубка.

После первых же ударов топоров на стволах деревьев показалась кровь. Сначала никто не понял, что это такое. Но потом фары выхватили из темноты кровоточащие темно-красные раны, и толпа совершенно обезумела.

Стволы рубили возможно выше, там, где кровь лилась струей. В предсмертной агонии ревели несчастные животные, в углу участка, политые бензином, горели уже срубленные, но еще недобитые существа. Оттуда неся такой рев, что по спине бегали мурашки.

Через два часа все было кончено. Залитые кровью куклуксклановцы исчезли со двора. Сквозь густой бензиновый дым был виден только огонь.

— Исаак! — сказал старик. — Мне показалось, что среди них был этот Бенжамен!

— Мне тоже, отец! — ответил сын.

Марк тихо застонал, ему здорово досталось.

— Но он не рубил, Исаак, — продолжал Джон.

— Он командовал, отец... Дай-ка я развяжу тебе руки, я перетер веревку о плуг.

Утром, когда старик с сыновьями ждали подхода чикагского 8.40, мимо них по перрону прошла группа хорошо одетых людей. Они вполголоса о чем-то говорили. Вокзальный полисмен притронулся к фуражке двумя пальцами и фамильярно-почтительно что-то сказал одному из них. Джентльмены рассмеялись и ответили.

Добродушное лицо полисмена расплылось в улыбке, а люди прошли мимо и сели в вагон первого класса.

Исаак подошел к скучающему стражу порядка.

— Хелло, босс, кто этот парень, с которым вы только что говорили? Мне сдается, я знаю эту птицу!

Полисмен оценил его взглядом:

— Вряд ли, сынок! Это Бен Фицджеральд, парень из банды Тонни-морковки. Говорят, его правая рука. Похоже, он немного того, — полицейский покрутил пальцем у виска. — Рассказывают, что он разрабатывает все операции банды и очень любит наблюдать, как они осуществляются. Никто не знает, откуда он взялся в наших краях. Но никаких улик против него нет. Запомни это, сынок!

Святослав Логинов

С М И Р Н Ы Й Ж А К

РАССКАЗ

И РЫЦАРЬ НОЭЛЬ, СЕНЬОР ДЕ БРЕЗАК ВЫШЕЛ
ПРОТИВ ЧУДОВИЩА И СРАЗИЛ ЕГО.

Хроника луанского рыцарства

Ночью то и дело принимался хлестать дождь, ветер налетал порывами, но, не сумев набрать силы, гас. Однако к утру непогода стихла, лишь косматые клочья облаков проносились по измученному небосклону. Главное же — града не было, а дождь не повредит ни хлебу, ни виноградникам, разве что вино в этом году получится чуть кислей и водянистей обычного.

Но о вине пусть печалится господин барон, Жаку до него дела нет, а капуста, которой у Жака много, дождь пойдет даже на пользу.

Как обычно, Жак поднялся до света и вышел посмотреть на небо. Ночное буйство еще давало себя знать, но уже было видно, что день окажется погожим. Среди разбегающихся туч глаз уловил мелькнувшую серую молнию. Верно, то Ивонна — деревенская ведьма пролетела верхом на черном коте и, разъяренная неудавшимся колдовством, канула в дымоход своей лачуги. Можно понять злость колдуньи: всю ночь накликал бурю и в результате всего лишь полить мужицкие огороды.

Первым делом Жак пошел проверить поле. Тропка через заросли крапивы и лопухов вывела его к посевам.

Хлеб в этом году родился на диво богатый. Колосья высоко несли тяжелый груз, и дождевая влага, запавшая между щетинками усов, казалась каплями живого серебра.

Жак быстро прошел чужие полосы. Его клин был крайним, ближним к лесу и потому особенно часто страдал от нашествия непрошенных гостей. Вот и сейчас Жак издали увидел, что его худшие опасения сбылись. Край пашни был смят, растоптан, изрыт.

Жак подбежал к посевам и опустился на корточки, разглядывая землю. Уже достаточно рассвело, и на потемневшей от дождя почве были отчетливо видны следы кабанов. Значит, не помогло верное средство, купленное у прохожего монаха, зря он целый день разбрасывал вдоль межи цветы и корни майорана, повторяя, как учил продавец: «Прочь, свинья, не для тебя мое благоухание!» Кабаны с легкостью перешагнули эфемерную преграду, и теперь с ними ничего не поделаешь: повадившись, они будут являться каждую ночь, пока не стравят весь урожай. И гнать их нельзя — мужик не смеет тревожить благородную дичь господина барона.

В иные дни Жак скрепя сердце пошел бы на псарню и передал бы доезжачим, что появились кабаны. Разумеется, барон не усидел бы дома, и, хотя охотничья кавалькада выбила бы хлеб ничуть не хуже, чем град, дикие свиньи после побоища зареклись бы выходить на поле, принадлежащее Жаку.

Но теперь охотников распугали слухи об огромном змее, облюбовавшем скалы Монфоре. Сам барон сидел в четырех стенах и держал мост поднятым.

Значит, с кабанями придется бороться самому, хотя это и грозит виселицей. И даже не виселицей — браконьеров вешают на дереве в лесу. Страшно, конечно, но отдавать хлеб на разграбление — страшнее. Жак готовился к войне с кабанями с того самого дня, как впервые увидел следы, хотя и надеялся, что майоран отпугнет разбойников.

Вернувшись с поля, Жак прошел за дом, где дымилась на утреннем солнце приберегаемая к осенней пахоте навозная куча. Из самой ее середины Жак вытащил длинную чуть изогнутую палку. Палка как палка, с двумя зарубками по краям. С ней можно пройти через всю деревню, и никто не заподозрит дурного. Поди определи сквозь слой грязи, что она вытесана из сердцевины старого клена, и попробуй узнай, для чего нужны две зарубки. Просто идет человек с палкой, а закона, запрещающего крестьянам иметь оружие, — никто не нарушает.

Дома Жак обмыл распаренный в навозе стержень, осторожно согнул его и привязал жилу, обмотав ее по зарубкам. Готовый лук он оставил сохнуть на чердаке неподалеку от теплой печной трубы.

За день кленовая древесина высохла и распрямилась, туго натянув тетиву. Такой лук не всякому под силу согнуть, зато выстрелом из него можно пробить закованного в сталь латника. Секрет лука вместе с легендой о латнике Жак получил от отца, участвовавшего в Большом бунте. Теперь секрет пригодился.

Стрелы Жак хранил дома под мучным ларем. Их всего две, зато это настоящие кипарисовые стрелы со стальным четырехгранным наконечни-

ком и густым оперением. Стрелы Жак нашел в лесу после одной из осенних облав, на которые съезжалось дворянство всей округи.

Жак завернул оружие в мешковину и, когда стемнело, отправился на поле.

На самой опушке леса рос огромный бук. Жак устроился на развилке толстых ветвей и принялся ждать. Ночь была безветренной и теплой. У края земли порой вспыхивали зарницы, но здесь было тихо. Ивонна, утомившись прошлой ночью, верно, спала, и вместе с ней на время уснули беды и несчастья.

Деревни Жаку не было видно, зато замок черной громадой темнел на берегу озера. В одном из окон горел свет, казалось, что замок смотрит красным глазом на затаившегося преступника. Птичий хор, переполнявший лес вечером, постепенно затих, зато в полную силу вступили цикады и кузнечики. Особенно цикады — серебряные бубенчики их голосов будоражили кровь, навевали мысли о чем-то давнем, молодом, ушедшем навсегда.

Над мохнатыми от леса горами медленно поднялась желто-оранжевая луна. Этой ночью она была безупречно кругла и чиста. Луна поднималась, блеск ее усилился, свет залил долину, звезды отлетели ввысь, а красный луч в окне башни побледнел и уже не всматривался так пристально.

Колокол на деревенской церкви пробил час. Над застывшим полем пронеслась в исступленной пляске распластанная летучая мышь. Потом, не тревожа колосьев и не приминая травы, поле пересекла полупрозрачная неоформившаяся фигура.

Даже не разглядеть, зверь это или человек. Видение прошло, не оставив следа, и уже через секунду вжавшийся в дерево Жак не мог определить, был здесь призрак или все только померещилось усталым глазам в обманчивом лунном свете.

Жак хотел перекреститься, но замер, не донеся руку до лба. Его слуха коснулся отчетливый и давно ожидаемый звук. Зашуршали кусты, раздалось тихое повизгивание и хрипловатое хрюканье вожака. На поле показалось стадо кабанов. Их было не меньше дюжины, свиней, окруженных полосатыми тощими поросятами, шумливых подсвинков всех возрастов, молодых кабанов, которых вожак пока терпел, поскольку они еще не вошли в силу. Вел стадо огромный секач, возвышавшийся среди всех словно глыба черного камня. Изогнутые ножи клыков белели в свете луны.

Вепрь остановился на краю нивы, несколько раз мотнул головой, приняхиваясь, и разрешающе хрюкнул. Свиньи высыпали на поле, давая колосья, взрывая землю, громко чавкая. Вожак несколько времени постоял у кустов, но успокоенный тишиной, тоже двинулся на кормежку.

...А строже того возбраняется пугать дичь на корме криками и огнем и метанием камня и дерева...

Жак наложил стрелу, прицелился. Коротко свистнув, стрела вонзилась под левую лопатку зверя. Ноги его подломились, и он, не хрюкнув, не взвизгнув, ткнулся опущенной мордой в чернозем.

Кабаны, встревоженные непонятным звуком, сгрудились вокруг недвижимого секача, ожидая распоряжений и переговариваясь короткими нутряными повизгиваниями.

Жак выбрал кабанчика покрупнее и наложил вторую стрелу. Она вошла ему в бок, погрузившись до основания перьев. Кабан упал на спину, дрыгнул ногами, но вдруг вскочил и, дико вереща, метнулся к лесу. Стадо ринулось за ним, оглашая воздух нестройными воплями, круша кусты и частый подлесок. На поле осталась лишь туша убитого секача.

Жак спрыгнул с дерева, держа нож наготове, подошел к вепрю. Ткнул ножом в ноздрю, проверяя. Тот был мертв.

Стрелу Жак трогать не стал; если вепря найдут, то пусть думают, что просто ему удалось уйти во время недавней охоты. А вот убрать тушу с поля нужно.

Зверь весил не меньше десяти пудов. Утащить его в кусты и спрятать там в случайно найденной яме было делом нелегким. Луна клонилась к закату, свет бледнел, но все же Жак вытащил припасенную заранее мотыгу и перекопал то место, куда пролилась кровь вепря и раненого кабана.

Стояла глубокая предутренняя тишина. Кабанов уже не было слышно, и даже цикады, притомившись, не гремели хором, а лишь иногда пускали мелодичную, затихающую трель.

Все спало, только красный глаз замка все еще мерцал. Жак вспомнил, что в том крыле здания находится молельня. О чем может просить бога господин барон?

Издалека над вершинами деревьев пронесся тонкий, жалобный, волной нарастающий звук: «У-у-у!..» — словно невиданной величины волк выл на исчезающую луну. Вой оборвался неожиданно на самой высокой ноте резким перхающим звуком. Жак торопливо закрестился. Значит, рассказы о страшном змее не бабий брех, а настоящая жуткая правда. А вдруг змей сейчас появится здесь? Куда бежать посреди поля? Хотя, судя по вою, он там у себя в скалах. Жак хорошо знал скалы посреди леса и мрачную расщелину, где, по слухам, поселился дракон. Если чудовище действительно так велико, как это рассказывают, то оно станет настоящим бедствием для всего края. Тогда неудивительно, что в замке всю ночь служат молебны.

Жак вернулся домой, поел сухого хлеба. В доме было пусто и неуютно. Собравшись бить кабанов, Жак, во избежание лишней болтовни, отправил семью до конца недели к родителям жены в соседнюю деревню.

На сон времени не оставалось: среда — барский день. Зато четверг целиком принадлежит ему. Это потом, когда созреет хлеб и начнется страда, крестьян будут собирать на барщину шесть дней в неделю. А сейчас он почти свободный человек.

Жаку выпало трудиться в винограднике, подрезать молодые побеги, чтобы они не слишком тянулись вперед и закладывали больше плодовых почек. Он проходил с кривым садовым ножом вдоль шпалер, увитых виноградными лозами. Подрезал где надо, двигался дальше, а сам то и дело косил глазом на ворота замка, хорошо видимые с пологого мелового склона, на котором раскинулся виноградник.

Все время ему мерещилось, что вепря нашли в кустах, все поняли и сейчас за ним придут.

В замке затрубил рог, ворота распахнулись, и показалась странная процессия. Впереди церковный служка нес хоругвь со святым Георгием, следом на статном боевом коне ехал рыцарь, с ног до головы одетый

в железо. Два оруженосца несли за ним длинное копье с кедровым древком и тяжелый двуручный меч. Позади всех семенили священник и несколько монахов, которых всегда и повсюду много.

Хотя забрало у рыцаря было опущено, Жак признал его по коню и доспехам. Это был сеньор Ноэль, племянник старого барона де Брезака. Возле леса шествие остановилось, сеньор Ноэль опоясался мечом, принял от оруженосца копье и скрылся за деревьями. Пешие слуги и священнослужители заспешили обратно к замку.

Значит, господин баронет решил стяжать славу и сразиться со змеем? В добрый час! Жак немного поглядел на опустевшую дорогу и вернулся к лозам.

Жак работал без обеда и кончил урок засветло. Управляющий на винограднике не появился, и Жак отправился к дому. Еще издали он заметил толпу крестьян, собравшуюся посреди улицы. Из толпы доносились крики и плач. Там, окруженная односельчанами, прямо на земле сидела Ивонна. Она раскачивалась и драла седые космы на непокрытой голове. Ее прерывистый плач разносился между домами.

Соседи объяснили Жаку, что сегодня около полудня змей выполз из ущелья на луг, где паслось стадо, и сожрал разом четырех овец. Две из них принадлежали Ивонне. Теперь у ведьмы из всего хозяйства оставались только черный кот да поросенок, которого она держала в закутке хлева.

«Божье наказание, — первым делом подумал Жак, и сразу же вслед за тем мелькнула ужасная мысль: — Две другие овцы, чьи?..»

У самого Жака было пять овец и корова, надзор за которыми на время отсутствия жены был поручен соседке.

— Будь ты проклят! — завопила Ивонна, ударив сжатыми кулаками в землю. — Узнаешь у меня, как обижать старуху! Добрый сеньор де Брезак убьет тебя сегодня! Убьет!..

И в это самое мгновение раздался лошадиный топот и из-за поворота вылетел конь сеньора Ноэля. Он был в мыле, боевая попона из множества стальных цепочек сбилась набок и волочилась по земле, поднимая страшную пыль. Конь промчался мимо остолбеневших крестьян и скрылся из глаз.

Наступило тяжелое молчание. Крестьяне не больно жаловали молодого баронета, он чаще всех прочих скакал бывало по колосющейся ниве, спеша настигнуть убегающую косулю, но теперь всем вспоминалось другое.

Когда Гастон Нуарье — рыцарь-разбойник напал на деревню и угнал весь скот, то сеньор Ноэль пустился за похитителем, настиг его и убил, а скот вернул крестьянам, хотя по закону мог забрать себе половину добычи. Да и сейчас молодой рыцарь вышел против дракона, который похищал мужичьих овец. И крестьяне жалели Ноэля де Брезака.

— Ай-я-яй!.. — запричитала Ивонна. Она поднялась с земли и, продолжая стонать, заковыляла к своей избушке. Жак тоже поспешил к дому.

На этот раз беда обошла его стороной, все пять овец были целы и испуганно жались друг к другу, запертые в специальном загончике. Корова, привязанная рядом, тревожно косила глазом, а когда Жак входил, шарахнулась от заскрипевшей двери.

Жак протянул ей пучок свежей травы, но корова только вздохнула и не притронулась к зелени.

«Как бы молоко не пропало», — мрачно подумал Жак.

Положение складывалось невеселое. Держать скот дома не хватит кормов, ходить за травой на луг — страшно. А так рано или поздно ненасытное чудище доберется до его живности. Жак думал целый вечер, но не видел иного выхода, кроме того, который сразу пришел ему в голову.

Едва стемнело, Жак постучал в дверь лачуги Ивонны. Ведьма открыла ему и отступила вглубь, разглядывая гостя и щуря воспаленные, лишенные ресниц глаза.

— Заходи, — сказала она. — Зачем пришел?

Жак плотно затворил дверь и сказал в затхлую темноту:

— Мне нужен волчий яд. Много.

— Ай-ай! — старуха появилась откуда-то сбоку, держа в согнутой руке пучок горячей лучины. Подпалила фитиль в плошке с виноградным маслом, коротко взглянула на Жака.

— Кто же травит волков среди лета?

— Не твое дело! — оборвал Жак. — Я плачу, ты продаешь.

— Дорогонько обойдется, — проскрипела колдунья. — Сначала яд, потом молчание, коли вдруг в замке или деревне кто-нибудь скончается скоропостижно.

— Что ты!.. — испугался Жак. — Никто не скончается, — он немного подумал и признался: — Для змея яд.

— А!.. — закричала ведьма. — Для змея? Хорошо. Я ждала тебя, только не думала, что это будешь именно ты, смиренный Жак! Что же, тем лучше...

Она выбежала из каморки и тут же вернулась с небольшим мешком.

— Смотри, — зашептала она, — здесь все, что надо. Я научу. Держи. Денег мне не давай — даром даю. Ты только барашка возьми пожирнее, а еще лучше поросенка. В жире отравы хорошо расходуется. Своего бы отдала, да не могу, подохну я без него с голоду. Ты слушай, слушай!..

Глубокой ночью Жак вышел за околицу.

В деревне все спали, только из домика Ивонны сквозь пузырь, вставленный в окно, просачивался свет. Колдунья не ложилась, ожидая результатов мести.

Луна, как и вчера, поднялась над лесом. Полнолуние уже миновало, но все равно света хватало с лихвой. Жаку даже приходилось держаться поближе к изгороди из колючих кустов терновника, чтобы с башни случайно не заметили одинокого человека, катящего тележку по ночной дороге.

Вепрь лежал там же в кустах, где оставил его Жак. Первым делом Жак вырезал стрелу — она еще пригодится. Потом острым ножом во многих местах надрезал толстую кожу зверя. Он нашпиговывал тушу резаным аконитом, сыпал в раны белену и волчий корень, пудрил кожу порошком мертвого гриба, напихал в оскаленную пасть боронца, цикуты и жабьего глаза.

Жак трудился, пока мешок не опустел. Тогда он взвалил истерзанную тушу на тележку и повез ее в глубь леса к скалам.

Дорога медленно поднималась в гору. Хорошо смазанные колеса не скрипели, только мелкие камешки похрустывали под ободами да иногда слышался легкий стук — это тележка наезжала на камень покруп-

нее. Исчерченная ножом туша кабана громоздилась над бортами. Теперь Жак чувствовал к бывшему врагу почти нежность. Это была удачная мысль: скормить вепря дракону и так разом избавиться от обоих. Если, конечно, змей не сожрет заодно и Жака.

Тропинка раздвоилась, Жак свернул на ту, что поуже. Она зигзагами поднималась к вершине утеса, возвышавшейся над ущельем дракона. Когда, задыхаясь от усталости, Жак вышел к обрыву, уже почти рассвело. С неба неприметно опустилась обильная роса, туман собирался в низины. Лес, окружавший скалу, стоял по пояс в тумане, а круглые башни замка, маячившие вдаль, казались отсюда ничтожно маленькими.

Жак подошел к краю расщелины, осторожно глянул вниз. Густой белый туман наполнял ущелье, не позволяя видеть. Вздохнув, Жак отошел от края и прилег неподалеку от тележки. Он был согласен рисковать собой, но не делом.

Придется немного обождать.

Жак, не спавший две ночи подряд, незаметно задремал и проснулся, когда солнце, поднявшееся над кронами деревьев, заглянуло в ущелье и разогнало туман. В ярком свете обрыв уже не казался ни слишком крутым, ни чрезмерно высоким. Если дракон захочет, он в два счета заберется сюда. А в том, что чудовище живет именно здесь, сомнений больше не оставалось. Кусты, раньше покрывавшие дно расщелины, были выломаны и вытоптаны огромными лапами. Особенно пострадали они там, где ущелье сжималось настолько, что вершины нависающих деревьев совершенно скрывали его, образуя подобие пещеры с живым зеленым сводом.

А на голой каменистой площадке перед самым логовом лежало искалеченное тело Ноэля де Брезака. Стальные доспехи были смяты, руки и ноги неестественно вывернуты, сквозь прорези шлема натекла лужа крови. Переломленное копьё и двуручный меч валялись неподалеку.

Жак взялся за ручки тележки. Даже если чудища нет в норе, оно скоро вернется и не пройдет мимо отравленной приманки.

Тележка с грохотом покатилась по крутому склону, несколько раз подпрыгнула, перевернулась, одно колесо отлетело в сторону, и, наконец, тележка и истерзанный кабан порознь шлепнулись на площадку внизу. И сразу же, в ответ на раздавшийся шум из тьмы переплетшихся стволов донесся жуткий шипящий звук:

— Кх-х-х!..

Жак, едва удержавшийся на склоне, упал на землю; редкая трава не могла прикрыть его, и он понимал, что если змей глянет вверх, то сейчас же обнаружит непрошеного гостя. Теперь обрыв казался совсем ничтожным.

Внизу посыпались камни, заскрипело сгибаемое дерево, и из черного провала расщелины одним мгновенным рывком выдвинулась голова змея. Быстро перебирая чешуйчатыми лапами, он выбрался из норы, сильным ударом отбросил в сторону доспехи баронета.

Массивная лапа поднялась второй раз и ударила вепря. Громко хрустнули кости.

Жак, вжавшись в землю, затаился между кустиками иссопа и глядел, не в силах отвести глаз.

Нет, это был не тот игрушечный змей, которого с такой легкостью пронзает на иконах скачущий Георгий Победоносец. В ущелье разлегся настоящий дракон, покрытый несокрушимой костяной броней, вооруженный острым гребнем вдоль спины и всесокрушающего хвоста. Кривые когти напоминали мавританские сабли, а клыки в открытой пасти были полутора пядей длиной. От морды до хвоста в чудовище насчитывалось не меньше тридцати шагов.

Дракон наклонил пасть над кабаном и, блеснув клыками, оторвал ему голову. Лапа нетерпеливо рванула тушу, распоров веprü брюхо. Издав знакомый шипящий звук, дракон окунул морду в кровавое месиво. Через минуту все было кончено. От кабана не осталось даже костей, и дракон разлегся на солнце, прикрыв маленькие пронзительно красные глазки морщинистыми нижними веками. Тонкий раздвоенный язык метался между оскаленных зубов.

Солнце поднялось совсем высоко, отвесные лучи немилосердно палили, над известковыми утесами, переливаясь, дрожало прозрачное марево нагретого воздуха. От сухой травы тянуло душным пряным ароматом. Из ущелья поднималось зловоние. Голова кружилась, склоны плыли перед глазами. Но уходить было нельзя, во-первых, потому, что малейшее движение могло привлечь внимание лежащего чудовища, а во-вторых, Жак знал, что если уйдет сейчас, то уже никакими силами не заставит себя вернуться и проверить действие яда.

Дракон вздрогнул, раскрыл глаза и медленно переполз к телу де Брезака. Лизнул алым языком засохшую кровь, потом опустил морду на землю. Хвост дракона беспокойно дергался, гремя чешуей по камням. Движения его становились все более редкими и вялыми, наконец прекратились вовсе. Красные глаза потухли.

Жак ожидал, что отравленный колосс будет реветь, кататься по камням, биться в судорогах на дне ущелья. Но ничего этого не было: громада дракона недвижно лежала перед ним, вокруг глаз толклись мухи.

Жак еще долго выжидал, опасаясь, что страшилище просто спит. Наконец решившись, он поднялся на колени и взял лук. Стрела ударилась о костяную пластину на морде дракона и отскочила, не оставив следа. Дракон продолжал лежать.

По осыпающемуся под ногами склону Жак спустился вниз, осторожно приблизился к чудовищу. В трех шагах от уродливой головы остановился, поднял с земли двуручный меч господина де Брезака, выставив его перед собой, подошел к монстру вплотную, нацелился острием в фигурную ноздрю, зияющую над пастью, и что есть силы навалился на рукоять. Секунду казалось, что кожа дракона не уступит натиску стали, но потом клинок легко и быстро вошел в плоть, погрузившись до половины.

Дракон не шелохнулся. Из рассеченной ноздри медленно вытекла струйка зеленой крови.

Жак отвернулся от поверженного чудовища и принялся насаживать слетевшее колесо. Потом отыскал стрелу, впрягся в тележку и покатил ее прочь. У выхода из ущелья оглянулся: рыцарь Ноэль сеньор де Брезак лежал рядом с убитым гигантом. Меч рыцаря торчал из окровавленной морды.

Всякий увидавший эту картину поклялся бы, что доблестный рыцарь

убил дракона, но и сам был повержен издыхающим чудовищем.

— Ты навек прославишься, добрый сеньор, — пробормотал Жак.

Отойдя от скал на приличное расстояние, Жак принялся собирать хворост и грузить его на тележку. Разрешение на сбор у него было. Стрелу и лук он спрятал в одной из вязанок. Теперь никого не удивит, что делал он с тележкой в лесу.

Вскоре он уже вывозил груз из леса. На краю поля остановился, вытер рукавом пот со лба.

Хлеб стоял стеной. Усатые колосья пшеницы покачивались на ветру. Еще две недели — и можно будет жать. Ничего не скажешь — удачный год, урожай будет по меньшей мере сам-десять. И если больше ничего не случится, то даже после выплаты всех повинностей хлеба хватит до следующего лета.

Галина Усова

СИНЯЯ ДОРОГА

РАССКАЗ

1

— Ну успокойся! Ведь тебе уже шесть лет. Разве мужчины плачут?

Мальчик безутешно рыдал, прислонившись к белому резному столбику дачного крыльца.

— Перестань же! Тебя обидели?

Почему все мальчики шумно играют на полянке, а ее сын опять прибежал в слезах?

Он отнял от лица мокрые от слез руки и сердито проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Синяя Дорога.

— Что? Что ты сказал?

Ей показалось, что она ослышалась.

— Синяя Дорога, — он прерывисто всхлипнул.

— Господи, какая синяя дорога? — она вздрогнула.

А он размазал слезы по лицу и вдруг улыбнулся:

— Я ее все равно найду! Пусть тогда смеются сколько хотят!

Она подхватила его в охапку и потащила к умывальнику. Нет, быть такого не может, это просто совпадение!

— Понимаешь, — оживленно заговорил он, отфыркиваясь от струйки холодной воды. — Есть такая Синяя Дорога. Никто не знает, где она, но она обязательно есть. И там... Мама, это ведь не просто дорога, она особенная. По ней пройдешь босиком — и сбудется все самое хорошее. Будет удача в работе. И много друзей вокруг. И никогда не будешь болеть. Понимаешь, мама, какая это дорога?

Она протянула ему полотенце:

— Откуда ты это взял?

— Папа рассказывал, — мальчик отчужденно улыбнулся. — Он ее так и не нашел. Это сделаю я. Он мне поручил.

— Что ты выдумываешь? Он же погиб, когда ты был совсем крошечным! Откуда ты мог слышать о Синей Дороге?

— От папы, — он тряхнул головой.

— Да ты его и не помнишь, — она суетливо собирала полотенце, мыло и щетку. Мыло шлепнулось на дорожку. — Подними, не видишь? — прикрикнула она.

— Помню, — он задумчиво отряхивал мыло от песка. — Я лежал в кровати — голубенькой такой, деревянной. А папа подошел в сапогах и в шлеме, а костюм у него был белый-белый. И сказал: «Ну, сынок, слушайся маму, расти большой. Вернусь — все с тебя спрошу».

Они поднялись на веранду. Дом стоял на холме, отсюда было видно, как солнце опускается над лесом. Смолкли крики игравших на поляне ребят: их уже позвали ужинать.

— Костюм у папы был белый-белый, — повторил мальчик, усаживаясь за стол. — И сапоги, и шлем!

— Дурачок, — печально улыбнулась мать. — Это же я тебе рассказывала. И про голубую твою кровать, и про папин костюм.

— А Синяя Дорога? — он торжествующе взмахнул вилкой. — Про Синюю Дорогу ты никогда не говорила. Я про нее сам помню. Про папу и про голубую кровать ты мне тоже только подсказывала, а помню я сам.

— Тебе картошку или макароны? — спросила она озабоченно.

— Картошку, — он равнодушно протянул тарелку. — Только поменьше. А Синяя Дорога обязательно есть. Папа сказал: «Если у меня не получится, это сделаешь ты». Я не забыл.

2

— Не уезжай! — девушка положила руки ему на плечи. — Разве тебе плохо со мной?

Руки заскользили по ослепительно белой ткани его костюма.

— Хорошо, — он погладил ее по голове. — Но я должен. Я же тебе рассказывал про Синюю Дорогу. Разве ты не помнишь?

— Помню. Но я думала, что это просто красивая сказка.

— Это не сказка. Мне говорил отец...

— Послушай, — слезы дрогнули в ее голосе. — Прости, но он, наверно, ошибался. Нет никакой синей дороги.

— Есть.

— Ну пускай есть. Что она тебе, эта дорога? Твоя мать из-за нее

прожила вдовой свои лучшие годы. Отчего, думаешь, она умерла так рано?

Он молча опустил голову.

— А ты? — осмелела девушка. — Тебя он сделал сиротой из-за проклятой синей дороги, которой на самом деле вовсе не существует.

Он вздрогнул и резким движением разорвал кольцо ее рук.

— Я не сирота, — он повернулся и зашагал по тропинке.

Она догнала его и пошла рядом. Они оба не помещались на узкой тропинке, и девушке приходилось ступать белыми босоножками прямо по мокрой траве. Он улыбнулся, шагнул в траву своими высокими сапогами, слегка притянул к себе девушку, поставил ее на тропинку.

— Прости, — прошептала она. — Я не хотела тебя обидеть. Просто я хочу, чтоб ты остался со мной.

— И я этого хотел бы, — он не поднял головы. — Но нельзя.

— Почему? Если ты скажешь, что ты... женишься, ведь тебя отпустят из экспедиции?

— Да, — грустно улыбнулся он. — Конечно, отпустят.

— Представляешь, как мы будем счастливы?

— Представляю. Но я должен найти Синюю Дорогу, — он заглянул ей прямо в глаза.

— Опять синюю дорогу! — она пришла в отчаяние. — Я тебе толкую, что мы будем счастливы без всякой синей дороги...

— Нет, — возразил он совсем тихо. — Я без нее не буду счастлив. А значит, и ты тоже.

— Ты просто не любишь меня! — девушка тихо заплакала.

— Люблю! — просветленно улыбнулся он. — Но если я изменю себе, я буду совсем другим человеком. Если я останусь, ты ведь выйдешь замуж не за меня, а за другого человека, потому что это буду не я.

— Вот если ты уедешь, — зло сказала она, — если ты все-таки уедешь, тогда-то я и выйду замуж за другого человека!

Он посмотрел на нее долгим взглядом, словно хотел запомнить, какая она, потом сказал:

— Я хочу, чтобы ты ждала меня. Тогда мне будет легче найти Синюю Дорогу.

Она усмехнулась сквозь непросохшие слезы:

— Твоя мать тоже ждала твоего отца. Лучшие годы проходят и не возвращаются. Раз ты эгоист...

— Без тебя мне будет труднее, — горько сказал он. — Но я все равно найду ее.

Он повернулся и зашагал по тропинке один — в высоких сапогах и в старинном кожаном шлеме. Таким она и запомнила его навсегда.

3

— Так вот она какая, Синяя Дорога. А я ее совсем иначе представлял. Всегда бывает не совсем так, как думаешь.

Старик сказал это себе самому: рядом не было никого, кто мог бы его слышать.

— Вот где она нашлась. На планете Ц—двести пятнадцать. Кто бы мог подумать?

За спиной послышалось позвякивание. Резкий молодой голос окликнул его на чужом языке. Старик обернулся. К нему подходил местный часовой. Старик нажал пуск электронного переводчика и услышал:

— Бесполезно. Мертвый период суток. Приходите утром.

Часовой включил инфрасвет и улыбнулся, сразу узнав такое знакомое всем по видеозаписям лицо:

— Так это вы и есть?

— Я, — улыбнулся старик, и улыбка неожиданно придала мальчишеское выражение украшенному шрамом лицу. — Поглядеть на нее как следует пришел. А то все не до того было.

— Смотрите, конечно! — обрадовался часовой. — Раз вы ее нашли... Подумать только, на нашей планете чудо такое скрывалось, а мы о нем без вас и не узнали бы! Я вам прожекторы включу, любуйтесь на здоровье! — он отскочил в сторону.

Вспыхнули гигантские солнца. Старик зажмурился, потом открыл глаза.

Дорога, переливаясь ясной голубизной, струилась, уходя вдаль. Нет, это не была вода — ведь иногда синими дорогами называют реки. Это не был асфальт. Это была почва синего цвета. Синезем, так сказали бы на Земле.

По обе стороны от Синей Дороги чернела зияющая пустота свернутого пространства. А над ней перламутрово переливалось небо, все в непривычных созвездиях.

— Красотища какая, верно? — подошел часовой. — Сколько раз видел, а все не наглядеться!

— И много по ней бегают босых? — спросил старик.

— Ух как много! Как утро наступает, так бегут. Разуваются и бегут. Счастливые — и не остановить. Возвращаются совсем другими, обновленными. Иногда не возвращаются, — это те, которые полностью отвергают старый вариант и начинают все сначала.

— Завидуешь? — старик снова по-мальчишески улыбнулся.

— Конечно. У меня пока никаких показаний. Но ведь когда-нибудь будут, правда? У каждого человека рано или поздно приходит несчастье или наступает такая полоса...

— Иногда и не наступает, — сказал старик. — И лучше, чтоб не наступала.

Он смотрел, смотрел на Синюю Дорогу. Он вспоминал отца, который когда-то заразил его этой мечтой. Он вспомнил мать, жившую одинокой вдовой. Вспомнил девушку, не пожелавшую ждать. Говорят, у нее уже внуки растут.

Так какую же радость принесла ему Синяя Дорога? Унесла отца и мать, навсегда остудила для него семейное тепло. Он вспомнил недавние официальные торжества, чествования, награды. Что у него теперь есть?

Одинокая почетная старость?

— А вы? — спросил часовой. — Разве вы не хотите побежать туда босиком?

— Нет показаний, — грустно ответил старик.

— Что вы, какие показания! Вы имеете право и так. Сейчас я отключу барьер, а вы разуйтесь и шагайте туда. И сразу побежите!

— У меня не может быть других вариантов. Я и не хочу других, — старик усмехнулся. — А если бы и хотел, я не смог бы побежать босиком. Смотри.

Он наклонился, засучил брюки — и при свете прожектора, сияющего, как солнце, часовой увидел вместо ног старомодные синтетические протезы.

Светлана Беляева

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

О детстве отца я знаю по его многочисленным рассказам.

Как и все мальчишки, Саша увлекался приключенческой литературой. Начитавшись таких книг, он жаждал сам что-то открывать, с кем-то бороться, кого-то спасать. Но в городе, где он жил, никаких тайн не было. Приходилось их искать. Однажды, лазая с ребятами по песчаному обрыву, Саша обнаружил узкий проход. Вернее, даже не проход, а трещину. Фантазия его разыгралась. Он видел перед собой пещеру, кости пещерных жителей, древнюю утварь. Не медля ни минуты, он устремился в неизвестную глубину, увлекая за собой товарища. Путь был труден, продвигаться приходилось боком. Кроме того, было совершенно темно. Саша был так уверен, что за узким проходом их ждет пещера, что когда они оказались в просторном помещении, он несколько не удивился. Товарищ его явно трусил, несколько раз предлагал вернуться, но исследователь был неумолим.

Он сказал:

— Если хочешь, можешь возвращаться, а я иду дальше.

Впереди был тот же мрак, позади узкая полоска света. Вытянув вперед руки и нащупывая ногами почву, Саша храбро устремился вперед навстречу неизвестности. Через некоторое время он на что-то наткнулся. Подпав под влияние своей фантазии, Саша не сразу сообразил, что это за предмет. Он ожидал найти здесь что угодно: скелеты, статую Будды, копья, стрелы. Но перед ним, как ни странно, стоял обычный бочонок.

Все еще надеясь на чудо, Саша отодвинул тяжелую крышку и сунул в него руку...

Товарищ, привлеченный шумом, настороженно спросил:

— Ну, что там?

Саша молчал. Потом раздался аппетитный хруст и его не совсем внятный ответ:

— Огурцы.

— Врешь?! — не поверил товарищ.

— На, — Саша протянул на голос руку.

— А как же они протащили бочку через такой проход? — удивился товарищ.

— Наверное, тут есть где-нибудь другой выход, — трезво предположил Саша.

Недалеко от бочки стоял стол, покрытый клеенкой, рядом лежало несколько ящиков. И вдруг ребята заметили маленький лучик света. Когда они подошли к нему, то поняли, что пробивается он из обыкновенной замочной скважины.

Боясь упустить первенство, Саша приник глазом к скважине и увидел знакомую поляну, аллею и кусочек беседки. Все это находилось в городском саду, а пещера оказалась простым складом, где хранились продукты летнего ресторана. Разочарованные ребята вылезли тем же путем из пещеры и пошли искать новые тайны.

Дело было под праздник Ивана Купалы. В этот день принято было искать клады. Существовало такое поверье, что ночью перед кладом загорается огонек. Об этом можно и у Гоголя прочесть в повести «Вечер накануне Ивана Купалы». К этому дню Саша приготовил все заранее: достал старый глиняный горшок, насыпал его доверху черепками, а поверх них положил медяки. Все это он зарыл на кладбище, а когда стемнело, зажег над «кладом» свечу. Придя на свою улицу, он повел разговор о кладах, а потом предложил пойти их искать. Несколько парней ухватились за его предложение и, сейчас же взяв лопаты, двинулись к кладбищу. Незаметно Саша довел их до нужного места, и вот уже один из них закричал:

— Братцы, посмотрите, огонь!

— Где, где? — раздался голоса.

— Да вон, там.

Все зашумели и смолкли. Вроде бы и не верили все в клады, а вот увидели на самом деле и страшно стало. Ноги будто к земле приросли. Саша подбадривал их, торопил. Он боялся, что свеча может догореть. Потихоньку подошли к огоньку. А свеча и впрямь уже догорала. Еще бы немного, и никто ее не заметил.

Принялись копать. Вдруг чей-то заступ стукнулся о что-то твердое. Ребята переглянулись и принялись рыть еще быстрее. И вот из земли показался горшок.

— Тащи его, тащи! — послышалось со всех сторон.

Когда горшок вытащили и поставили на могильную плиту, у всех вырвался вздох облегчения. Клад решили делить здесь же, на месте. Но когда высыпали содержимое горшка, всех, кроме Саши, постигло разочарование. А Саша стоял в сторонке и смеялся. Услышав его смех, ребята поняли, что это шутка, его рук дело.

С самого детства отец любил театр. Часто под его руководством устраивались домашние спектакли. Отец был и драматургом, и режиссером, и артистом. Перевоплощался он молниеносно. И роли играл любые, даже женские. Смоленск в те времена был невелик, и скоро весь город знал о театре Беляева. Постепенно домашний театр стал кочевать. Играли то у одних знакомых, то у других. А потом пытались гастролировать в других городах. В те времена не требовалось особых разрешений на выступления. Каждый, кто хотел, мог арендовать помещение и ставить свои спектакли. Успех не всегда сопутствовал труппе, театр прогорал, и артистам не хватало денег даже на обратный путь. Домой возвращались по шпалам железной дороги. Но деньги не были самоцелью. Главное было играть. И друзья вновь и вновь отправлялись на гастроли.

Однажды в город приехала столичная труппа, руководил которой Станиславский. Отец не пропускал ни одного спектакля. И вдруг один из ведущих актеров охрип. Заменить его оказалось нечем, и на афишах появилось объявление: по болезни актера спектакль отменяется. Приезд столичных артистов был не таким уж частым явлением, и все театралы были чрезвычайно огорчены случившимся. Поговаривали, что труппа собирается покинуть Смоленск. Отец был этим опечален не меньше других. И вот однажды вечером, когда отца не было дома, к ним зашел высокий худощавый мужчина в пенсне и сказал, что он хочет видеть Александра Романовича. Хотя отец был в ту пору уже взрослым, у матери привычно екнуло сердце. «А не натворил ли чего Саша?» — подумала она. Отца нашли. Он провел посетителя к себе в комнату и долго с ним разговаривал. После его ухода отец сообщил, что это был Станиславский и что он просил его заменить заболевшего артиста. Дня через два он уже будет играть в спектакле. Мать даже руками всплеснула. Мыслимое ли дело играть в труппе со столичными актерами! Попробовала отговорить сына, но он только смеялся.

— Не бойся, все будет хорошо.

— А когда же ты роль выучишь?!

— Выучу!

Спектакль прошел блестяще. Смоляне горячо встретили своего земляка и долго аплодировали ему. После этого отец сыграл еще в нескольких спектаклях, пока труппа не закончила свои гастроли и не отбыла в столицу. Станиславский предлагал отцу остаться в его труппе, но тот почему-то отказался.

Из истории своего пребывания в театре отец рассказывал мне несколько любопытных случаев. Вот один из них. Отец играл бедного студента. На сцене декорации дешевой мебелированной комнаты, рваные обои. Входит хозяйка и начинает стыдить студента за то, что он задолжал ей за комнату. Отец должен был уже отвечать ей, но в это время начал падать наспех сбитый задник. Не растерявшись, отец подбежал к нему и задержал падение. А хозяйке вместо реплики крикнул:

— В комнате уже стены падают, а вы за нее плату требуете!

Занавес закрыли под дружный смех и аплодисменты зрителей.

Отец был увлекающейся натурой. Все хотел испытать, всему научиться.

С детства отец мечтал о полетах, но не на каких-то аэропланах, хотя и это было в то время в диковинку, а просто так, парить в свободном полете, как птица. Но для этого нужны были крылья, и он мастерил их из различного материала. В одном из многочисленных вариантов были венники, которые он привязывал к рукам, пытаясь взлететь. Прыгал с отцовским зонтом с крыши. И только будучи студентом, поднялся в воздух на маленьком аэроплане.

Отец рассказывал, что это был даже не полет, а скорее, скакание по кочкам. Машина была далека от совершенства и так чутка, что переворачивалась в воздухе от чиха авиатора.

Дальнейшую жизнь отца, вплоть до того времени, как я стала себя помнить, я представляю довольно смутно. Знаю только, что он окончил семинарию, затем Ярославский лицей. Несколько лет работал присяжным поверенным. В молодости играл на скрипке в цирковом оркестре. После революции, в двадцатые годы, был инспектором милиции. Заведовал библиотекой в городе Ялте. Был воспитателем детского дома. Рисовал декорации для театра. Служил в Наркомпросе в качестве юрисконсульта.

Несмотря на свои успехи в юриспруденции, отец все больше увлекался литературой, и в конце концов она стала его единственным занятием. Писал отец очень много. В голове у него всегда было столько идей, что, если бы он мог, как герой его рассказов доктор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал по ночам.

В детстве я не задумывалась над тем, как отец пишет. И только став взрослой, поняла и оценила его труд. Из своих наблюдений я сделала вывод, что больные мужчины нетерпеливее женщин. Стоит им заболеть ангиной или воспалением легких, как они чувствуют себя самыми несчастными. А у моего отца был костный туберкулез позвоночника, и он годами был прикован к постели.

Месяцами видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние.

Как-то я смотрела киножурнал об одном научном эксперименте. К сожалению, я не помню ни автора, ни названия фильма, ни фамилии врача-экспериментатора. Осталось только в памяти, как ради эксперимента здоровый человек, врач, уложил себя на месяц в постель. Сперва он активно работал: проверял свои работы, читал научные труды. Через какое-то время он стал рассеян. Быстро утомлялся. Стал проводить время за чтением художественной литературы. Еще через некоторое время серьезные книги стали его утомлять и он перешел на детективы, но и они утомляли его. Я смотрела этот фильм и невольно вспоминала отца. И мне стало непонятно, как мог он, лежа годами без движения, сохранять внутреннюю энергию, живость, интерес ко всему окружающему, работоспособность.

Писал он ежедневно, по несколько часов в день. И только когда умудрялся подхватить насморк и у него поднималась температура, он делал себе выходной, заявляя при этом: больной заболел.

Идея романа «Голова профессора Доуэля» пришла отцу именно тогда, когда он лежал, скованный гипсом.

Вокруг него были привычные вещи. Он видел их, но не мог достать. Не мог подняться, сестра. И несмотря на это, я не помню, чтобы у него было

плохое настроение. Лежа в постели, он руководил моими играми, придумывал всякие забавы. А в то время, когда он мог подниматься, фантазия его была неиссякаема. Помню, однажды летом, жили мы тогда в Детском Селе на улице Жуковского, отец предложил мне пускать мыльные пузыри. Соломинок у нас не было, но отец очень ловко скрутил бумажные трубочки, разрезал их с одной стороны и загнул концами наружу. Открыв окно, мы уселись на подоконнике. Я так усердно выдувала пузыри, что не заметила, чем занят отец. Вдруг мимо меня пролетел какой-то странный матовый шар. Потом еще и еще. Ребята, гулявшие во дворе, тоже заметили его и побежали ловить. Один мальчик протянул руку, пузырь коснулся его ладони, лопнул и из него пошел дым. Мальчик даже вскрикнул от неожиданности. Но потом стал снова ловить шары с дымом. Я посмотрела на отца. Оказалось, что он пускал в пузыри дым из папиросы. А то бывало из носового платка делает человечка. Или рисовать со мной сядет. Нарисует какой-нибудь крючочек, закорючку или волнистую линию и предлагает мне остальное самой дорисовать. Или сказки своего сочинения рассказывает. Вернее, даже не сказки, а сказку бесконечную, вроде «Тысячи и одной ночи». И рассказывал он ее мне каждый вечер, перед сном, в течение всей зимы.

Кто не читал или не видел в кино сказку «Огниво», про бывшего солдата? Так вот, отец рассказывал ее мне, а потом, когда она кончилась, стал выдумывать новые приключения про солдата, которого стал называть Солдат Яшка — Медная пряжка. Много всяких сказок прочла я в детстве, и русских, и других народов, но таких смешных чудес, как в папиной сказке, нигде не читала. Ну где можно прочесть про чертей и чертиков, которые бы дружили с людьми? И о Бабе-Яге, которая от старости разучилась колдовать и у нее все получалось наоборот? Смешная была сказка и удивительная.

Пока мы жили на Петроградской стороне, отец почти не вставал с кровати, так как у него снова обострилась старая болезнь и его уложили в гипсовую кровать. Гипс ему делали дома. Для этого приехала целая бригада: врач, сестра и санитарка. Намочив пропитанные гипсом бинты, врач стал бинтовать его. Как раз в этот момент я появилась на пороге. Эта процедура произвела на меня угнетающее впечатление, и я со страхом бросилась назад, в нашу комнату. Мне тогда шел всего седьмой год. К счастью, сам отец относился к своей болезни не столь мрачно.

В те годы у нас особенно часто бывали врачи. Но, закованный от бедер до самой шеи в гипс, отец оставался оптимистом. Шутил и рассказывал мне смешные истории.

Впрочем, он не только рассказывал, но и продолжал писать и содержал благодаря этому всю нашу семью.

В тридцатые годы папа приобрел первый четырехламповый приемник. Для него это было большой радостью, так как отец был полностью отрезан от мира. Правда, он получал много газет и журналов, но разве это могло сравниться с живым голосом, с возможностью при повороте тумблера перенестись в неведомые страны. Это ему доставляло удовольствие, а маму частенько выводило из себя, так как его блуждание в эфире наполняло нашу квартиру свистом, треском и грохотом. Иногда раздава-

лись обрывки музыки, незнакомая речь, после чего снова раздавался свист и звуковой глушитель: па-па-па-па... Уже тогда отец мечтал о телевизоре. Не о таком, какие стоят сейчас в каждой квартире, а об аппарате, который можно было бы настроить на любое расстояние и увидеть любой уголок земли. Именно это свое желание он воплотил в романе «Чудесный глаз».

Перед самой войной отец стал подниматься с постели. Иногда даже на улицу выходил. В эти дни он и на скрипке играл. Рояля у нас тогда уже не было, продали при переезде из Киева. По рассказам мамы, когда я была совсем маленькой, чтобы убаюкать, меня клали на рояль, на большую подушку. Отец играл колыбельные, и я засыпала. Специального музыкального образования отец не получил, но на скрипке играл без нот, по памяти такие сложные произведения, что я только удивлялась.

Несмотря на солидный возраст, отец не утратил способности жить детскими интересами. В основном, мы общались по вечерам. Это время принадлежало мне. Иногда мы во что-нибудь играли, но чаще всего отец читал вслух. Иногда послушать приходили мама и бабушка. Обе занимались каким-нибудь рукоделием. Бабушка чинила. Мама вышивала. В то время были модны вышитые вещи. И дома было уютнее от белых чехлов на диване и на креслах, от вышитых подушек и занавесей. Больше всего я любила слушать страшные истории. Читал отец классически, как настоящий артист. Каждый герой имел у него свой голос, интонацию, произношение. Все это создавало иллюзию, будто читает не один человек, а несколько.

Помню, когда мама принималась мне читать, я сердилась и просила ее читать так, как отец. Но мама не умела, а я не верила ей и обижалась. И только позже поняла, что читать так, как читал отец, могут только хорошие артисты.

Чаще всего отец читал Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Читал он, лежа на своем жестком топчане, — на мягком ему нельзя было лежать из-за больного позвоночника. А я заберусь за его спину, вцеплюсь в плечо и слушаю, затаив дыхание. А потом, возвращаясь к себе в комнату, боюсь зайти в темноту. Сперва руку из-за двери протяну, свет включу, а уж потом вхожу.

Лягу на постель, накроюсь с головой одеялом, и кажется мне, что сейчас кто-то страшный придет и вытащит меня из постели. Жарко мне, душно, вспотею вся, а раскрыться боюсь. А на следующий день опять прошу отца прочитать что-нибудь страшное.

Мой отец был таким фантазером, что теперь, вспоминая его рассказы, я начинаю сомневаться в их правдивости. Как-то отец рассказывал мне о дарвиновском «Происхождении видов». И, как бы продолжая высказывания Дарвина, сообщил, что люди, произошедшие от обезьян, некоторое время были еще хвостатыми. Однако хвосты их почему-то не сгибались, и для того чтобы сесть на землю, им приходилось делать в земле дырку, в которую они могли всунуть негнувшийся хвост. В эту «гипотезу» я верила довольно долго, так как у меня и мысли не было, что это фантазия отца.

Посетителей у отца бывало много: писатели, ученые, молодые, начинающие авторы, студенты и школьники. С каждым из них он находил контакт и интересующую обе стороны тему. Многие из них привозили или присылали по почте, на суд отцу, свои произведения. А один раз какой-то студент прислал отцу несколько тем для фантастических рассказов, прося за них плату. Отец ответил ему, что в темах недостатка не испытывает. Наоборот, мог бы даже поделиться с кем-нибудь. Ввиду этого и денег не выслал.

Перед самой войной отца уложили в больницу. В больнице он познакомился с мальчиком из детского дома, у которого не было родных. По рассказам отца, мальчик был похож на растрепанного воробья. Звали его Гоша.

За то время, что они лежали вместе, Гоша очень привязался к отцу и жалел, что они так расстанутся. И тут отцу пришла мысль усыновить Гошу. О чем он и сказал мальчику. Не знаю, что бы получилось из этого, ведь он даже не посоветовался с мамой. Однако сбыться этому так и не удалось, так как началась война, поезда перестали ходить в Ленинград и мы потеряли Гошу из виду.

Помню, мне очень хотелось, чтобы отец написал о нас, ребятах. О моих сверстниках, знакомых по дому. И он пообещал мне, что напишет о наших приключениях. О том, как мы попали в таинственные пещеры, и многое-многое другое. И я так расфантазировалась, что видела уже все это, как наяву. К сожалению, осуществлению этого замысла также помешала война.

Но о ребятах он много думал и писал для них. Когда мы жили в Пушкине, то он предложил для парка проект плацдарма для военных игр, где предполагалось вырыть окопы, установить орудия. Ребята, участвующие в военных играх, должны были одеваться в военную форму. Предполагалось также им выдавать оружие. Конечно, не настоящее. Одним словом, что-то вроде современной игры «Зарница», только с постоянным местом.

Судьба этого проекта мне неизвестна. Началась война, и было не до игр.

Сделал как-то отец для младших ребят интересное лото. Рисовал сам. В собранном виде это был круг, на котором были нарисованы различные звери. Половина зверя на одной карточке, половина на другой. Но самое интересное было в том, что если вы подставляли чужую половину, она легко совпадала с любой другой половинкой, отчего получались невиданные звери. Это было даже интереснее, чем собирать по правилам. Например, у kota мог вырасти петушиный хвост, а у крокодила хвост загигался по-собачьи и был пушистым. Бегемот был наполовину бегемотом, а наполовину тигром, и так далее.

Отец предложил свое лото для издания, но его почему-то не приняли, а через некоторое время появилось подобное лото в продаже, но было оно значительно хуже, так как половинки совпадали только по принадлежности.

В детстве я всегда тянулась ко всему необыкновенному и загадочному. Хотелось удивляться и удивлять чем-то других. Зная мою склонность

к загадочному, отец предложил мне, правда, не новый, но интересный концертный фокус, рассказав его историю.

Много лет назад, еще будучи студентом, отец попал на концерт, одним из номеров которого было угадывание предметов, предлагаемых зрителями.

На сцену выходили двое мужчин. Один становился спиной к зрителям, другой ходил по рядам и собирал различные предметы. Возвратившись на сцену, он брал в руку один из предметов и начинал задавать вопросы своему партнеру, стоящему спиной к зрителям. Задавал быстро несколько вопросов, не ожидая ответа. А когда умолкал, угадывающий безошибочно называл предмет.

Номер имел большой успех. Зрители неистово хлопали, считая артистов чуть ли не ясновидцами.

Отца заинтересовал этот фокус и ему захотелось разгадать его. Для этого отец стал ходить на концерты ежедневно. Внимательно прислушиваясь к задаваемым вопросам, он обратил внимание, что они однотипны и постоянно повторяются. Из этого следовало, что шифр был в самих вопросах. Причем ответить, какой предмет в руке у ведущего, артист мог только после последнего вопроса. Тогда отцу пришла мысль, что ключ не во всей фразе, а только в начале, вернее, в первой букве первого слова. Проверив это, он убедился, что прав. Предметы, которые оказывались у зрителей, были однотипны: носовой платок, очки, билет, кошелек и так далее. Поэтому можно было пользоваться одними вопросами. К примеру, у ведущего были очки. В этом случае он задавал такие вопросы: Отчего вы молчите? Что вы можете сказать? Как это называется? Итак, что это такое? Удовлетворив свое любопытство, отец решил подшутить над артистами.

Собираясь на следующий день в театр, он взял с собой маленькую фигурку Наполеона. Я ее хорошо помню. Она была выполнена из серебра и когда-то украшала пробку. В старое время было модно украшать пробки различными фигурками — серебряными, металлическими или фарфоровыми. У каждой фигурки снизу был металлический стержень, который втыкался в пробку для вина.

У Наполеона давно отвалился стержень, и он стал самостоятельным предметом и стоял у отца на письменном столе как статуэтка. Так вот, прихватив его, отец отправился в театр.

Когда ведущий стал ходить по рядам и собирать вещи, отец протянул ему статуэтку. Необычный для театра предмет смутил ведущего, он явно не хотел его брать и сделал вид, что не заметил его. Но отец настойчиво протягивал руку и, когда артист прошел мимо, спросил нарочито громко:

— А почему вы у меня не берете? — обратив этим на себя внимание.

Артисту ничего не оставалось, как взять статуэтку Наполеона и начать задавать вопросы. Делал он это несколько медленнее, с паузами, так как предмет был необычен и само слово имело много букв. Отцу казалось, что все зрители уже разгадали секрет фокуса, но он ошибся. Даже после того, как ведущему пришлось подсказать «ясновидцу», что это статуэтка, восхищение зала не уменьшилось, а возросло. Вот этому-то фокусу и научил меня отец. И когда ко мне приходили подруги, мы показывали

его. Даже спустя тридцать и сорок лет этот фокус вызывал удивление и восторг.

Вот кое-что из того, что я смогла вспомнить о своем отце. Прошло уже сорок лет со дня его смерти, а я все еще вижу его умное лицо, вдумчивые глаза.

Таким он и запомнился мне на всю жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ФАНТАСТИКЕ. Евгений Брандис.	5
Феликс Дымов. ШКОЛА. Повесть	13
Галина Панизовская. ДВА ВАЛЬКИ МОТОРИНА. Повесть .	47
Наталия Никитайская. ЭКСПОНАТ. Рассказ	106
Вячеслав Рыбаков. ВСЕ ТАК СЛОЖНО. Рассказ	120
Борис Романовский. ПАРЕНЬ ИЗ ПОСЛЕЗАВТРА. Рассказ .	137
Святослав Логинов. СМИРНЫЙ ЖАК. Рассказ	147
Галина Усова. СИНЯЯ ДОРОГА. Рассказ	158
Светлана Беляева. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ	164

Дорогие ребята!

Ждем ваших отзывов о содержании и оформлении этой книги. Укажите, пожалуйста, свой точный адрес и возраст.

Пишите нам по адресу: 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

СИНЯЯ ДОРОГА

**Составитель
Жанна Александровна Браун**

**Ответственный редактор О. В. Москалева.
Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. Д. Раткевич.
Корректоры Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарева.**

ИБ 7450

Сдано в набор 24.10.83 г. Подписано к печати 07.02.84 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-отг. 28,92. Уч.-изд. л. 13,56. Тираж 100 000 экз. М-22749. Заказ № 576. Цена 75 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Синяя дорога: Сборник фантастики/Составитель
С 38 Жанна Браун; Художник Клим Ли. — Л.: Дет. лит.,
1984. — 174 с., ил.

В пер.: **76** к.

Сборник фантастических повестей и рассказов ленинградских писателей.

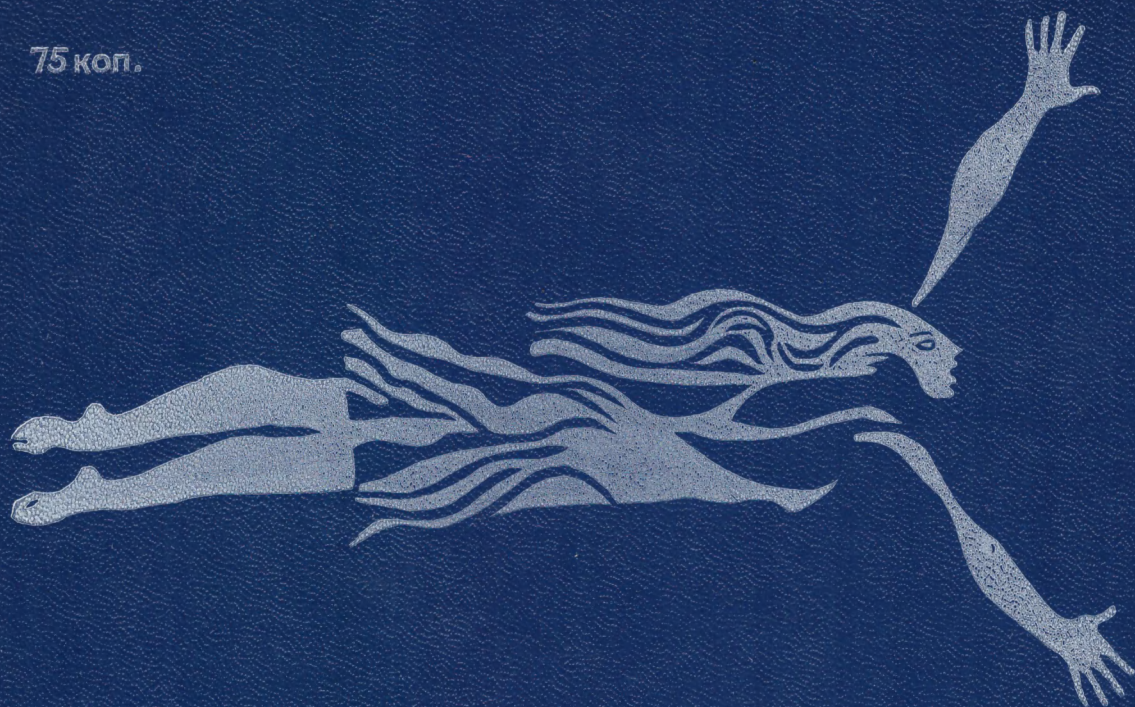
4801000000—130
С ————— **47—84**
М101[03]—84

Р 2

75 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОЛОДЬ ЯННИС
СИНЯЯ ДОРОГА

